ДЖЕЙМС КУК

ПЛАВАНИЕ В ТИХОМ ОКЕАНЕ В 1776-1780 ГГ.

THE JOURNALS OF CAPTAIN JAMES COOK ON HIS VOYAGES OF DISCOVERY

THE VOYAGE OF THE RESOLUTION AND DISCOVERY 1776—1780

ДНЕВНИКИ УЧАСТНИКОВ ПЛАВАНИЯ ДЖЕМСА КУКА

Дневники участников экспедиции Джеймса Кука

ГИБЕЛЬ КУКА

ДНЕВНИК КАПИТАНА КЛЕРКА

Воскресенье, 14 февраля. Ясная погода, бризы от берега и от моря. С момента нашего вторичного прихода сюда мы стали замечать у туземцев большую склонность к воровству, чем во время прежней стоянки, когда мы имели меньшие основания жаловаться на подобные поступки. Что ни день — **[424]** грабежи становились все более частыми и более дерзкими. Сегодня туземцы настолько скверно вели себя на борту “Дискавери”, что я приказал их всех выдворить с корабля и поступил так, как уже поступили на “Резолюшн”. Только именитым людям было дозволено оставаться на борту, остальным же было разрешено находиться около корабля на своих каноэ, причем они могли развлекаться там как им вздумается. После полудня я получил от короля Териобу в подарок одежду и свинью, и он со всей своей свитой нанес мне визит. Вечером он покинул корабль, и вскоре прибыл с визитом на борт важный арии [алии] по имени Пер'pере [Пареа записок Кука]. В то время, когда я находился с ним в каюте, какой-то негодяй нашел способ взобраться на борт; на

глазах у всех он перебежал палубу, схватил кузнечные клещи и долото и спрыгнул в воду. Все это он проделал так стремительно, что оказался в море прежде, чем наши люди увидели, что произошло. Его тут же подобрало каноэ, которое направилось к берегу.

Я услышал тревожные крики, выбежал на палубу и, узнав, что случилось, приказал открыть по каноэ огонь. Одновременно штурман м-р Эдгар бросился на ялике в погоню за этим каноэ, которое оказалось вскоре вне досягаемости для наших мушкетов. Я заметил, что вдогонку направилась пиннаса с "Резолюшн" и капитан Кук побежал вдоль берега, чтобы помешать высадке вора. Я решил, что вор не сможет ускользнуть от погони, и, предвидя дальнейший ход событий, без особой тревоги вечером ожидал возвращения ялика с клещами и всем прочим. Однако примерно в 8 часов вернулся м-р Эдгар, и его сообщение причинило мне сильную боль. Прежде всего капитан Кук направился совсем не той дорогой, на которой он мог перехватить сопроводителей нашего вора. Пиннаса и ялик нагнали каноэ у берега, где нашел убежище виновник происшествия, и похищенные вещи были возвращены. М-р Эдгар, полагая, что этот гнусный поступок заслуживает наказания, захватил каноэ, которое доставило вора на берег. Оказалось, что это было каноэ Пер'рере и что на нем он прибыл к нам. Оно поджидало его, пока он находился со мной в каюте, и поведение м-ра Пер'рере представлялось весьма подозрительным. Если он и был причастен к этой краже, то проявил не только вероломство, но и черную неблагодарность, поскольку я всегда к нему относился внимательно и был достаточно щедр. Он оставил меня сразу же после того, как произошла кража, и обещал мне скоро вернуться вместе с вором, а надо отдать ему справедливость — в прошлом он в таких случаях помогал мне.

Он достиг берега одновременно с нашим яликом и, видя, что его каноэ в опасности, энергично воспротивился его захвату. Мгновенно большая толпа набросилась на нашу команду, и, чтобы воспрепятствовать этому, Пер'рере и его шайка взялись **[425]** за камни и дубины. К несчастью, ни на баркасе, ни на ялике не было огнестрельного оружия (дружеские отношения с туземцами усыпили нашу бдительность), и пришлось отражать нападение темп же средствами, которыми пользовался противник. В результате наши люди потерпели поражение: туземцы одолели их числом. Получив серьезные ушибы, они были рады вызволить шлюпки, и половина весел оказалась сломанной, а часть была утеряна.

Это был тяжелый удар, ухудшивший состояние дел и заставивший туземцев уверовать в свою силу. Прежде они воздерживались от таких дерзких поступков.

На рассвете лейтенант Барни, который был вахтенным офицером, доложил мне, что от буя отвязан большой ялик. Ялик был пришвартован к бую, и, чтобы предохранить его от солнца, так как дни были жаркие и обшивка могла растрескаться, он был затоплен. Обследовав место швартовки, мы убедились, что от буйрепа остался только конец длиной 4 дюйма, перерезанный каким-то орудием; стало совершенно очевидно, что ялик уведен индейцами.

При этих обстоятельствах я сразу же явился к капитану Куку, доложив ему о происшествии. Обсудив это дело, он предложил послать шлюпку с “Резолюшн” к NW оконечности бухты, а мою шлюпку направить к SO оконечности, чтобы ни одно каноэ не могло выйти из бухты. Те каноэ, которые попытаются это сделать, следовало отгонять к берегу. Он сказал также, что надо захватить все местные каноэ — в этом случае мы получим в качестве выкупа наш ялик.

Было это между 6 и 7 часами утра. Я вернулся на борт, чтобы привести приказ в исполнение, и послал к месту, указанному капитаном Куком, баркас и маленький ялик с их командами и отрядом хорошо вооруженных солдат морской пехоты; во главе этой партии поставил лейтенанта Рикмена. Сам же я взял ялбот (это была теперь единственная оставшаяся на корабле шлюпка) и отправился на “Резолюшн”, чтобы обсудить с капитаном Куком создавшееся положение. Однако, когда я приблизился к кораблю, лейтенант Гор сказал мне, что капитан Кук ушел на пиннасе к селению, расположенному на NW мысе [317], взяв с собой баркас и маленький ялик. В этом селении постоянно находились король Териобу и большая часть именитых людей. Я возвратился на “Дискавери”, полагая, что так как капитан Кук отправился к королю, то скоро все будет улажено: мы еще никоим образом не могли дурно думать о вождях и вообще обо всем этом народе.

В это время у корабля находилось много маленьких каноэ, и туземцы вели с нами торговлю.

Вскоре после моего возвращения до нас донеслись мушкетные выстрелы с моего баркаса и ялика, и я тотчас же направил туда ялбот, чтобы узнать, чем вызвана стрельба, и передал **[426]** лейтенанту Рикмену приказ выслать к кораблю с ялботом каноэ, если таковые ему удалось захватить.

Было ровно 8 часов, когда нас встревожил ружейный залп, данный людьми капитана Кука, и раздались сильные крики индейцев. В подзорную трубу я ясно увидел, что наши люди бегут к шлюпкам, но, кто именно бежал, я не мог разглядеть в спутанной толпе. С пиннасы и баркаса по-прежнему вели стрельбу, а с борта “Резолюшн”, который стоял так близко от берега, что мог его обстреливать, выстрелили по туземцам из пушки. Эти обстоятельства помешали шлюпкам прийти на

помощь нашим людям и соответственно лишили шлюпки возможности действовать тем или иным способом, а я был вынужден ждать возвращения этих “связанных” [engag'd] шлюпок, чтобы узнать о ходе этой злосчастной битвы.

Люди на шлюпках, израсходовав боевые припасы, возвратились на “Резолюшн”, и лейтенант Уильямсон, который командовал ими, вскоре явился на борт “Дискавери” с печальным сообщением, что капитан Кук и четверо солдат морской пехоты погибли в этой тесной схватке и что остальные, бывшие на берегу солдаты спаслись с большим трудом. Трое из них были ранены, в частности лейтенант Филипс, который основательно пострадал от камней и получил удар в плечо заостренной железной палкой.

Я немедленно отправился на борт “Резолюшн” и послал сильную команду для защиты астрономов в их палатках и плотников, которые работали над мачтой на восточном берегу бухты. И от лейтенанта Филипса, который со своими солдатами морской пехоты был на берегу и все время находился с капитаном Куком, я получил следующий рапорт об этой наинесчастнейшей беде: “Капитан Кук высадился в селении, расположенном на NW мысе, с пиннасы и баркаса, оставив ялик у мыса, чтобы предупредить возможность выхода каких бы то ни было каноэ, и при высадке приказал следовать за собой девяти солдатам морской пехоты, находившимся в шлюпках, и мне отправиться на берег. Мы тотчас же прошли в селение, где капитан спросил о [местонахождении] Териобу и двух мальчиков (сыновей Териобу, которые со времени еще первого нашего появления на этих островах жили у нас, преимущественно у капитана Кука, на борту “Резолюшн”). Немедленно были отправлены гонцы, и вскоре пришли оба мальчика и проводили нас в дом их отца. Капитан Кук некоторое время ожидал короля у его дома, а затем, выразив сомнение, здесь ли этот старый джентльмен, послал меня в дом чтобы я доложил ему об

этом. Я застал нашего старого знакомого в тот момент, когда он только что проснулся, и, как только я поставил его в известность, что капитан Кук стоит в дверях он сразу же пошел со мной к нему. **[427]**

Капитан Кук после короткого разговора с Териобу заметил, что последний совершенно неповинен в том, что произошло у нас, и, когда капитан предложил ему пойти с ним на борт, он охотно на это согласился, и мы направились к шлюпкам. По дороге к морю одна старая женщина по имени Кар'на'куб'ра [Канеика-палеи] подошла к Териобу и, проливая слезы, стала молить его не идти на корабль, и в то же время два вождя подхватили его, настойчиво начали уговаривать не делать этого и затем заставили его сесть. Старик был явно удручен и напуган всем этим [318].

В это время мы впервые стали подозревать, что туземцы не очень хорошо к нам настроены, и солдаты в беспорядке сгрудились (huddled together) посреди огромной толпы, в которой насчитывалось по крайней мере две-три тысячи человек.

Я предложил капитану Куку выстроить солдат вдоль скал у моря, и он со мной согласился. Толпа напирала на солдат, и они соответственно выстроились [в ряд]. Мы ясно видели, что туземцы вооружаются копьями и пр., но один коварный негодяй-жрец, чтобы отвлечь внимание капитана Кука и Териобу от маневров окружающей толпы, принялся петь и торжественно преподнес им кокосовые орехи.

Капитан Кук теперь совершенно отказался от мысли привести Териобу на борт и обратился ко мне со следующими словами: “Мы никак не сможем заставить его прийти на борт, разве что для этого придется перебить большое количество этих людей”, и я полагаю, что именно в этот момент он приказал садиться в шлюпки, но был остановлен парнем

[fellow], вооруженным железной палкой [spike] (туземцы ее называют пах'ху'а [пахоа]) и камнем. Этот человек размахивал своей пах'ху'а и грозился швырнуть камень; в ответ капитан Кук выстрелил по нему мелкой дробью, но парня прикрывала циновка, которую дробь не смогла пробить, и выстрел привел лишь к тому, что туземцы осмелели еще больше — я не заметил у них ни малейших признаков испуга. Сразу же вслед за этим один арии, вооруженный пах'ху'а, попытался нанести мне удар в спину, но я отразил эту попытку и сильно ударил его прикладом своего мушкета. Как раз в этот момент туземцы стали кидать в нас камни, и один солдат был сбит с ног; тогда капитан выстрелил пулей и убил одного человека, после чего туземцы напали на нас и капитан дал приказ стрелять и крикнул: “Все к шлюпкам” [take to the boats].

Я выстрелил сразу вслед за капитаном и снова зарядил мушкет, пока стреляли солдаты. В тот самый момент, когда я повторял приказ “все к шлюпкам”, меня сбил с ног удар камнем, и, когда я поднимался, мне был нанесен удар пах'ху'а в плечо. Мой противник изготовился для нового удара, но я выстрелил и убил его. Теперь схватка являла собой печальную картину **[428]** замешательства и беспорядка [The business was now a most miserable scene of confusion]. Крики и вопли индейцев покрыли все прочие звуки, и эти люди, вместо того чтобы отступить после наших выстрелов (а капитан Кук и я полагали, что большая их часть именно так будет себя вести), действовали совершенно иным образом. Они не дали солдатам времени перезарядить ружья, мгновенно расстроили их ряд и перебили бы всех, если бы сильный огонь со шлюпок не удерживал их чуть дальше от моря. Туземцы гнались за теми, кто не был настолько сильно ранен, чтобы отказаться от попыток достичь шлюпок.

После того как меня сбили с ног, я больше не видел капитана Кука; я понял, что мы совершенно разбиты и что солдаты

пытались спастись, добираясь до шлюпок. Из последних сил я дополз до воды, и поплыл к пиннасе, и по счастью добрался до нее, но лишь после того как получил еще один удар камнем в висок; если бы я не был у самой пиннасы, этот камень отправил бы меня на дно”.

Таково содержание рапорта лейтенанта Филипса об этом злосчастном событии. К этому я должен добавить одно обстоятельство, которое свидетельствует об отваге и заботливости м-ра Филипса.

Он не пробыл в шлюпке и нескольких секунд и едва лишь успел оправиться от жестоких ударов, нанесенных камнями и пах'ху'а, когда заметил, что один едва умеющий плавать солдат, получивший вдобавок ранения, тонет в море. М-р Филипс тут же бросился за борт, схватил этого человека за волосы и доплыл с ним до шлюпки.

Эти пах'ху'а — оружие очень опасное, а ими вооружилась большая часть арии, причем сделала это благодаря нам. Арии весьма охотно приобретали у нас это оружие, а мы мало беспокоились о возможном его применении. Старый Териобу получил от капитана Кука два таких кинжала, а один кинжал я ему дал не далее как вчера вечером.

Незадолго до нападения с другого берега бухты были получены сообщения, что наши люди на шлюпках, которыми командовал лейтенант Рикмен, убили человека, оказавшегося одним из арии. Наши люди заметили, что гибель этого человека привела туземцев в замешательство. Это произошло перед тем, как туземцы перешли к решительным действиям.

Каким образом развернулись эти злосчастные события, сказать трудно, но, по всей видимости, никакого заранее продуманного плана туземцы не имели. Если оценивать

поведение Териобу в целом, то можно прийти к заключению, что с него нам необходимо снять обвинения в дурных замыслах. Его сын, юный принц Ка'у'а [Кеуа Пэ'елэ], находился на пиннасе вместе с м-ром Робертсом (помощником штурмана и командиром пиннасы), и, **[429]** когда раздались первые выстрелы капитана Кука, бедный мальчик сказал, что он очень испуган, и попросил, чтобы его отпустили на берег, и, когда ему это разрешили, он сразу же туда отправился.

Надо сказать, что туземцы, вооруженные пах'ху'а, настолько гордились тем, что им удалось приобрести это оружие, что ни на минуту с ним не расставались, а что касается камней, то природа в изобилии снабдила ими все уголки этой страны.

Рассматривая все это дело в целом, я твердо уверен, что оно не было бы доведено до крайности туземцами, если бы капитан Кук не предпринял попытку наказать человека, окруженного толпой островитян, всецело полагаясь на то, что в случае необходимости солдаты морской пехоты смогут огнем из мушкетов рассеять туземцев. Подобное мнение, несомненно, основывалось на большом опыте общения с различными индейскими народностями в различных частях света, но злосчастные сегодняшние события показали, что в данном случае это мнение оказалось ошибочным.

Имеются веские основания, позволяющие предположить, что туземцы не зашли бы так далеко, если бы, к несчастью, капитан Кук не выстрелил по ним: за несколько минут до этого они начали расчищать путь для солдат, с тем чтобы последние могли добраться до того места на берегу, против которого стояли шлюпки (я уже об этом упоминал), таким образом давая капитану Куку возможность уйти от них.

М-р Филипс полагает, что, судя по всем признакам, туземцы не воспрепятствовали бы в тот момент уходу капитана и у них

не было заранее обдуманного плана; нападение же на солдат морской пехоты было вызвано больше заботой о самообороне, и успех его объясняется тем, что солдаты были рассеяны в толпе и не могли отразить атаку в боевом строю, и подобное преимущество не могло не броситься в глаза островитянам.

Что же касается того, что туземцы вооружались копьями и пр., как это заметил незадолго до нападения м-р Филипс, то он придерживается следующего мнения, которое я считаю справедливым, — они прибегли к подобной мере, полагая, что известные силы им пригодятся, раз уж речь зашла о доставке Териобу на корабль. Я думаю, что они решили этому противодействовать до последней возможности.

Однако, учитывая исход, который приняли все эти злосчастные события, я должен был принять наиболее действенные меры, какие только я мог бы предложить, чтобы предупредить дальнейшие беды.

Как уже выше отмечалось, я послал сильную команду во главе с лейтенантом Кингом на восточный берег бухты для охраны астрономов и плотников, занятых ремонтом фок-мачты. Вскоре я заметил большое стечение туземцев близ обсерватории и, **[430]** подтянув “Дискавери” на швартове, смог дать в этом направлении на должной дистанции залп из четырехфунтовых пушек, что в значительной мере рассеяло это сборище. Однако я не имел возможности оказать должного воздействия этими выстрелами, так как туземцы укрылись за каменными стенами (таких стен было много и в селении, и по соседству с ним); эти стены, как я полагал, служат для защиты запасных позиций, нужных туземцам в случае, если им будет досаждать противник.

Я заметил, что в разных местах на берегах бухты собираются толпы туземцев и, по мнению лейтенантов Уильямсона и

Филипса, туземцы намеревались напасть на нас. Я же полагал, что они не столь уж серьезные враги и что лучше и безопаснее всего перевезти все то, что у нас было на берегу, на корабли, где мы сможем работать на досуге и где туземцы нас могут потревожить только ценой неизбежного собственного разгрома. Соответственно я приказал доставить на корабли обсерваторию и фок-мачту со всеми людьми, занятыми на берегу. Я придерживался мнения, что мы можем и на берегу охранять астрономов и плотников достаточно сильной командой, однако же их постоянно беспокоили там, из-за чего прерывались работы, а если бы в результате любого несчастного случая туземцы захватили бы нашу фок-мачту хотя бы на несколько минут, мы совершенно утратили бы возможность предпринять еще одно плавание на север, а именно это и было главной моей целью на будущее время.

Наша партия на берегу, которой командовал лейтенант Кинг, обосновалась на возвышенности, оттеснив к мораэ туземцев; эта позиция давала нашим людям большие преимущества как командная высота, и индейцы два или три раза предпринимали слабые атаки, обстреливая противника из пращей. Эти атаки тут же отражались, причем туземцы потеряли в общей сложности 10 или 12 человек. Впрочем, им трудно было собираться в значительные группы из-за огня с “Дискавери”.

К полудню мы перевезли людей и все имущество на корабль и подвели к борту фок-мачту. В подзорные трубы было видно, что индейцы переправляют мертвые тела через холмы в места, лежащие в глубине страны.

Я оказывал лишь малую помощь, чему виной было бедственное состояние моего здоровья; порой мне становилось так плохо, что я едва мог стоять на палубе, и я был не способен и в дальнейшем быть преемником такого

даровитого мореплавателя, каким был мой славный друг и предшественник. Однако на кораблях имелись очень способные офицеры, и, твердо уповая на провидение, я полагал, что с их помощью буду в состоянии выполнить и остальные указания инструкций их лордств с той готовностью и тем рвением, которые я обязан был проявить, раз уж на меня пала честь их осуществления. **[431]**

С капитаном Куком погибли капрал Томас и солдаты морской пехоты Теофилас Хинкс, Джон Ален и Томас Фатчет. Лейтенант, сержант и два солдата были ранены.

Понедельник, 15 февраля. Малые ветры с суши и с моря, хорошая погода. Так как в месте, где произошла эта злосчастная стычка, все еще было множество народу, я имел основания направить на берег сильную команду и нанести туземцам возможно больший урон, предав огню их селение и каноэ, ибо я не сомневался, что, прежде чем у нас окажется соответствующее поле действия, необходимо все наладить силой огнестрельного оружия.

Офицеры, которые принимали участие в битве, обратили, однако, внимание на то, что хотя в конечном счете наши мушкеты и могут оказаться действенным оружием, но, учитывая численность туземцев, их решимость и стойкое сопротивление за стенами, такая попытка будет нам стоить нескольких, а быть может и многих, человек. Кроме того, высадка была бы сопряжена со значительными для нас неудобствами: мы должны были бы действовать на скользких скалах в обуви, которая едва давала нам возможность стоять, тогда как туземцы отлично управлялись в этих местах, будучи хозяевами своих ног.

Взяв в расчет, насколько для нас чувствительной окажется потеря даже небольшого числа людей, я счел неприемлемым и вредным для дальнейших целей экспедиции риск такой

утраты. Поэтому я решил сосредоточить все наши силы на дальнейшем оснащении “Резолюшн”, так как оно было в плачевном состоянии (снята фок-мачта, такелаж свален на палубе и т.д.). Коль скоро мы приведем все это в относительный порядок, следовало в том случае, если туземцы не станут вести себя достаточно пристойно, отверповать корабль на близкое расстояние от селения и, высадившись под огнем наших пушек, убедить островитян, что не нашей слабости, а нашему милосердию они должны быть обязаны своей безопасностью.

Соответственно мы подняли нашу фок-мачту на корабль, расположили ее между носом и кормой над баком и шканцами и направили плотников с обоих кораблей для работ на ней. Вечером я послал шлюпки с обоих кораблей с хорошо подобранными и основательно вооруженными людьми под командой лейтенантов Кинга и Барни. Шлюпки ушли под флагом перемирия, и был дан приказ ни в коем случае не высаживаться, но приблизиться к берегу на такое расстояние, чтобы можно было вступить в переговоры и потребовать выдачи тел наших людей, и в первую очередь тела капитана Кука.

Когда м-р Кинг подошел к берегу и заявил о наших требованиях, туземцы проявили все признаки удовлетворения перспективой примирения, отбросили свои пращи и циновки, то есть оружие **[432]** и “панцири”, и вытянули руки — короче говоря, они всеми способами показывали, что одобряют наши предложения.

Один старый хитрец по имени Коаха [Коа, или Британия], с которым мы были хорошо знакомы, подплыл с белым флагом в руках к ялику, на котором был наш флаг, и обещал доставить завтра тело капитана Кука. Он сказал, что оно находится в глубине страны и что принесут его лишь сегодня ночью. Подобные же заверения м-р Кинг получил от многих

других людей, с которыми он говорил у берега. М-р Барни находился неподалеку от м-ра Кинга и беседовал с другими туземцами, и он сказал мне, что совершенно отчетливо уяснил со слов некоторых островитян, что тело разрезано на части, но я, основываясь на обещаниях туземцев, заключил, будто в том или ином виде оно будет доставлено нам завтра.

Чтобы предохранить себя насколько возможно от махинаций этого народа, я отдал приказ командам шлюпок, обязав их с наступлением темноты обходить оба корабля: я опасался, что могут быть предприняты попытки повредить наши швартовы.

Утром старый Коаха несколько раз подходил к нам на маленьком каноэ с белым флагом. С ним был только один человек, и он дал обещания вернуть тело и в разное время привез нам двух или трех поросят, показывая этим, что он питает к нам дружбу и доверяет нам. Плотники работали над мачтой.

Вторник, 16 февраля. Хорошая погода, ветры с суши и с моря. Вечером перед наступлением темноты на борт прибыл жрец по имени Кар'на'каре, друг м-ра Кинга, и принес кусок, который, как мы убедились, был человеческим мясом. Он сказал нам, что это часть тела нашего покойного несчастного капитана, и это действительно была часть бедра без каких бы то ни было костей весом в 6—8 фунтов.

Бедняга [the poor fellow] сказал нам, что все прочие части тела были сожжены в разных местах с соблюдением особых церемоний и что эта часть тела была передана ему для той же цели, но, зная, как мы добиваемся получить останки капитана, он принес нам все, что ему удалось получить. Он добавил, что кости (а они сохранились все) находятся во владении короля Териобу.

Такого исключительного внимания и дружбы, которые с момента нашего первого прихода сюда проявляли к нам жрецы, мы никогда еще не встречали прежде, и подобного отношения трудно было ожидать от каких бы то ни было индейцев, да и по правде сказать от любых иных народов мира. Жрецы здесь богаты всем, что дает эта страна, и отличаются большой щедростью. Они отлично снабжали наших астрономов и людей, находившихся на берегу, постоянно посылали в дар свиней, рыбу, плоды и прочее капитану Куку и мне. При этом они были столь бескорыстны, что порой с большим трудом можно было убедить их принять от нас **[433]** ответные дары, соответствующие по ценности их приношениям.

В последние дни января партия наших людей была послана в глубь страны для ее осмотра. Люди отправились в путь вечером, и, когда остановились на ночлег, их нагнал человек, посланный старым Ка'ху [Као] (главным жрецом, или. как мы его величали, епископом). Этот добрый старый джентльмен, услышав, что группа наших людей отправилась в экспедицию, послал своего человека вслед за ними и приказал ему обеспечить их всем, в чем они могли испытывать нужду в ходе путешествия.

Этот достойный жрец Кар'на'каре (я полагаю, что он сын епископа) , несомненно, принес упомянутую часть тела с дружественными намерениями. Он умолял нас не принимать на веру дружеских посулов своих земляков, поскольку они обдумали и решили в дальнейшем причинять нам зло, если это только окажется возможным.

Он сказал нам, что старый Коаха используется как шпион и выведывает, в каком состоянии находятся наши оборонительные средства, и что, получив такого рода сведения, туземцы намереваются совершить нападение на корабли.

Здесь существовали раздоры между светской партией и духовенством, и в таких условиях в сообщениях той или иной партии могла быть истина; к этим сообщениям следовало относиться с большим вниманием. Нам надо было позаботиться о том, чтобы не подставлять себя врагу, ибо с его стороны были возможны любые коварные вылазки. Впрочем, я думаю, что в случае нападения на корабли дело приняло бы для туземцев неблагоприятный оборот и они потерпели бы небывалый урон.

Пробыв на борту примерно два часа, Кар'на'каре возвратился на берег, сказав нам, что из соображений безопасности он предпринял свой визит в темноте, так как, если бы об этом стало всем известно, его тут же лишили бы жизни.

Все наши усилия были направлены теперь на завершение работ, связанных с фок-мачтой, которая дала трещину не только в головной части, но и в основании, так что по краю степса образовалась дыра размером 7x4 дюйма. Выше ее трещина заходила на 7 футов. Мы наложили заглушку; если бы мачта была укорочена, можно было бы, судя по ее виду, обнаружить гниль и в остальной части, так что нам пришлось бы менять все до самого степса, чтобы как-нибудь выйти из неприятного положения.

Поскольку командование перешло теперь ко мне, я переместился на “Резолюшн” и назначил первого помощника капитана этого корабля м-ра Гора командиром “Дискавери”. На “Резолюшн” первым помощником стал м-р Кинг, вторым — м-р Уильямсон, третьим — м-р Уильям Херви, для которого это плавание было третьим, в котором он участвовал под командой капитана Кука. **[434]**

Мне не были известны соображения их лордств на случай замещения вакансий, но капитан Кук в частных разговорах со мной нередко говорил о своем намерении назначить м-ра

Херви на пост помощника капитана, и, поскольку на этот счет у меня не было решительно никаких сведений о пожеланиях их лордств, я из уважения к памяти этого великого мореплавателя действовал сообразно его открыто выраженным намерениям [319].

Среда, 17 февраля. Малые ветры с суши и с моря, пасмурная погода, иногда дождь. Вскоре после полудня один бесстыдный негодяй пришел из селения на NW мысе и, приблизившись на расстояние примерно 200 ярдов к кораблю, помахал нам шляпой, которую я опознал как головной убор капитана Кука, а затем надел ее на голову и выпустил в сторону кораблей несколько камней из пращи, между тем как на берегу собралась большая толпа, которая вопила и насмехалась над нами. Такое оскорбление переполнило чашу нашего терпения. Негодяй и его каноэ были прямо перед носом корабля. Вскоре он заметил наших людей, идущих к нему на шлюпке, и так быстро погреб к берегу, что мы не смогли к нему приблизиться. Я не стрелял по нему, чтобы не давать преимущества туземцам: наш промах мог бы лишний раз продемонстрировать им недостаточную меткость нашего оружия. Я понимал, что этот человек, несомненно, был послан людьми, собравшимися на берегу — а они продолжали толпиться на прибрежных скалах, хотя корабль стоял не так близко от берега, чтобы накрыть их огнем с желанной точностью, но все же в пределах досягаемости наших пушек, — и видел, что столь большое скопление туземцев являлось отличной мишенью, поэтому я приказал дать залп из нескольких четырехфунтовых пушек, после чего туземцы быстро рассеялись.

Вечером прибыли два ария, они просили больше не стрелять, выражая желание установить мир. Оказалось, что пушечный залп основательно напугал туземцев, из толпы было убито несколько человек и ранены племянник Териобу и мой старый друг Ки'мре'-маре [Камеамеа] [320], а два-три туземца

получили ушибы от осколков камней. Мы узнали, что в схватке, в которой погиб капитан Кук, было убито четверо ариев и тринадцать простых людей и много туземцев было тяжело ранено.

Так как я нуждался в воде, я приказал утром подвести “Дискавери” ближе к берегу, чтобы корабль мог прикрыть огнем нашу партию на месте, где мы запасались водой, и для этой цели направил на берег шлюпки с обоих кораблей, соответствующим образом вооруженные, под командой лейтенантов Рикмена и Херви. Я отдал распоряжение не подпускать туземцев близко к нашей партии, но никоим образом не тревожить их, если только они сами первые не вызовут нас на бой наступательными действиями. **[435]**

Вскоре после высадки туземцы проявили такое безрассудство, что, несмотря на то что все явно складывалось не в их пользу, стали кидать в наших людей камни. У туземцев, однако, хватило благоразумия укрыться за домами расположенного вдоль берега селения или за строениями на вершине холма, под которым находился колодец, и оттуда они скатывали камни вниз. Некоторые настолько осмелели, что вышли на берег, так как с этих позиций им удобнее было кидать в нас камни, но бой на берегу закончился, после того как было убито пять или шесть человек. Тогда они все отступили за дома и оттуда непрерывно, но с крайне малым эффектом (дистанция была велика, и от камней легко можно было уклониться) продолжали обстрел. В полдень шлюпки возвратились. Плотники работали над мачтой, приводился в порядок такелаж.

Четверг, 18 февраля. Хорошая погода, ветры с суши и с моря. После полудня шлюпки были посланы за водой, и, так как туземцы по-прежнему были беспокойны, мы сожгли селение, лежащее в глубине бухты, и тем самым лишили островитян их главного убежища. Плуты, укрепившиеся на холме,

продолжали скатывать на нас камни, и они расположились так высоко, что мы не могли достигнуть их. Правда, вреда они нам не причиняли, разве что задерживали работу и вынуждали наших людей оберегаться от камней. К вечеру вся эта возня утомила туземцев, и многие из них подошли к нашей партии с зелеными ветками и белыми флагами (эмблемами мира) и попросили нас быть их друзьями, обещая больше не беспокоить наших людей. Их приняли дружественно и заверили, что будут к ним относиться хорошо, если они поведут себя надлежащим образом. Утром партия снова была послана за водой, туземцы держали себя вежливо и предупредительно и принесли нашим людям плоды и пр. Плотники были заняты на фок-мачте.

Пятница, 19 февраля. Хорошая погода и ветры с суши и с моря. Наши друзья-жрецы по-прежнему относились к нам весьма заботливо и благожелательно и прислали свиней, плоды и пр. С помощью этих добрых людей и немногочисленных смельчаков, которые с наступлением темноты приходили к нам торговать (они говорили нам, что боятся, как бы их не увидели и не обвинили в сношениях с нами), мы все это время, за исключением одного лишь дня, имели коренья в количестве, удовлетворяющем наши текущие нужды; свинины же у нас было вдоволь. Шлюпки использовались на доставке воды. Туземцы вели себя мирно и вежливо. Плотники были заняты на мачте.

Суббота, 20 февраля. Хорошая погода, ветры с суши и с моря. После полудня один видный ария, по имени Эарпо [Хиапо, Япио записок Кинга], явился с двумя свиньями и большим количеством кореньев и сказал, что это дар Териобу. Он заверил меня, **[436]** что Териобу жаждет мира, на что я ему ответил, что у меня против мира не будет возражений, если нам вернут останки капитана Кука; он дал искреннее обещание сделать это, попрощался со мной и отправился на берег.

Вечером, к моему величайшему удовлетворению, мачта была отремонтирована. Шлюпки доставляли воду; туземцы вели себя мирно и дружественно. Поставили фок-мачту в кильсон и весь день вооружали наш такелаж.

Около полудня Эарпо явился на берег с большой свитой и грузом свинины и кореньев. Я направился к берегу на пиннасе в сопровождении м-ра Кинга, который шел на ялике, с тем чтобы переговорить с Эарпо и потребовать останки капитана Кука. Эарпо передал их мне, причем они были заботливо упакованы, и я взял их на борт. С Эарпо и тремя ариями, его приятелями, я общался по-дружески. Я спросил Эарпо об останках других наших людей (их было четверо); он ответил, что капитан Кук был важным человеком и поэтому достался королю Териобу, тогда как других разобрали разные вожди, и останки их теперь находятся в различных местах острова, и собрать их невозможно. Я полагал, что так оно, видимо, и было, и поэтому не стал вести на этот счет дальнейших разговоров.

Все люди были заняты оснащением корабля и подготовкой к выходу в море.

Воскресенье, 21 февраля. Малые ветры с суши и с моря, хорошая погода. Вечером Эарпо и его друзья вернулись на берег, видимо, весьма счастливые. Они сообщили мне о потерях, понесенных ими в различных стычках с нами. Было убито четверо ариев и шестеро ариев ранено; из простых людей погибло 25 человек и 15 получили ранения. Такие же цифры назывались раньше, и это совпадение свидетельствует, что данные о потерях туземцев, как я полагаю, верны.

При осмотре останков моего славного и всеми оплакиваемого покойного друга я установил, что не хватает следующих костей: спинного хребта, челюсти и ступней. Челюсть и

ступни Эарпо принес мне наутро, а спинной хребет, как он мне сказал, был сожжен вместе с туловищем. Кар'на'каре объяснил нам, что со всех костей, кроме костей кистей, было снято мясо. Кожа на кистях во многих местах была прорезана и засолена, несомненно, для того, чтобы предохранить ее от разложения [321].

Эарпо принес также два ствола от ружья капитана Кука; один был сплющен — видимо, из него пытались изготовить режущее орудие, другой основательно погнут и побит. Вместе со стволами Эарпо доставил в качестве дара от Териобу 13 свиней.

За день до печального события я в то время, когда Териобу был у меня с визитом, подарил этому старому джентльмену красную куртку; он попросил, чтобы к ней подшили кайму из зеленой **[437]** материи, и оставил мой подарок на борту, чтобы на следующее утро забрать его, но этому помешали злосчастные происшествия, случившиеся назавтра. Куртка по-прежнему оставалась у меня, и он через Эарпо просил ее отправить ему; я это сделал, добавив к ней дар за приношения Териобу.

Я упоминаю об этом случае наряду с прочими событиями, чтобы показать, как мало повлиял на наши взаимоотношения злосчастный разрыв минувших дней.

Перед полуднем меня посетил юный принц Ка'у'а, который, как я уже отмечал, был сыном Териобу, и ему, естественно, оказывали знаки внимания и уважения люди всех рангов.

Все на борту были заняты оснасткой и подготовкой к выходу в море.

Понедельник, 22 февраля. Малые ветры с суши и с моря, хорошая погода. После полудня шла обильная торговля свиньями и плодами. И арии, и простые люди теперь без

малейших опасений общались с нами. Они по всем признакам желали восстановить былую дружбу и былые отношения с нами и делали это с такой искренностью, что, как я полагаю, я мог бы, если бы мы здесь задержались, без всякой опаски положиться на них и доверять им; однако я был сейчас озабочен необходимостью выйти в море и при первой же возможности покинуть эти острова…

…Вечером я предал морю останки капитана Кука со всеми почестями, какие были возможны в этой части света. Утром снова пришел Эарпо с подарком (свиньями и пр.) от Териобу. Эарпо, видя, что мы завершаем работы по оснастке и парусному вооружению, пожелал узнать, когда мы уйдем, и я сказал ему, что вечером. Он до крайности разволновался, залился слезами и спросил меня, будем ли мы друзьями, когда вернемся; после моих заверений, что к островитянам мы будем относиться дружественно, сохранив самое лучшее к ним расположение, он выразил большое удовлетворение и казался совершенно счастливым.

Все были заняты оснасткой корабля и подготовкой к выходу в море.

Вторник, 23 февраля. Легкие ветры, облачно. После полудня Эарпо попрощался с нами, и я дал ему и послал Териобу последние подарки. Бедняга пролил много слез и неоднократно просил, чтобы мы оставались друзьями, когда вернемся снова; ему было сказано, что мы останемся друзьями до тех пор, пока островитяне первыми не нарушат дружбу враждебными действиями.

У нас было теперь столько припасов, особенно зелени, что мы отослали обратно, вероятно, не менее 30 каноэ со всем их грузом. Мы приобрели тарро и бататы в таком количестве, какое только могли использовать, и эти плоды и коренья были отличного качества. С того момента, как возобновилась

торговля, я не слышал ни **[438]** одной жалобы на кражи, и туземцы явно вели себя достойно и честно.

Вечером подняли малый якорь и баркас и около 8 часов п.п. при легком ветре с суши подняли якоря и стали верповаться с помощью шлюпок к выходу из бухты. В 10 часов, отойдя мористее, подняли шлюпки. Ночью и до полудня легкие ветры и сильное волнение от NO, которое наряду с сильным течением отнесло нас к W...

ДНЕВНИК ЛЕЙТЕНАНТА ДЖ. КИНГА

Воскресенье, 17 января 1779 г. Легкие ветры и хорошая погода; ветры от WSW, штиль, ветры от NO. В 8 часов возвратились шлюпки, и м-р Блай доложил, что он отыскал относительно хорошо укрытую бухту, удобный участок [для высадки] и неподалеку от него пруд с не совсем хорошей водой. Капитан решил проследовать в эту бухту.

На берегу м-ра Блая встретили чрезвычайно радушно. Палубы кораблей были заполнены туземцами, и близ кораблей сгрудилось несколько сот каноэ. То, что туземцев было много, придало им дерзость и также дало возможность похитить много вещей; по тем из них, кто украл шлюпочный руль, была открыта стрельба из мушкетов, но мы не приметили, какой ущерб причинила им эта стрельба. До сих пор во время наших сношений с индейцами этого острова мы с полным основанием могли говорить, что их поведение было совершенно скромным. Те островитяне, которые к нам приходили (иногда их было очень много), явно были слугами (servants) или же обыкновенными рыбаками. Их низкое происхождение (meanness) проявлялось в их облике и поведении. А в той толпе, которая теперь стала причинять нам беспокойство, было много людей, по виду более знатных,

и они не только похищали наши вещи, но и побуждали к этому остальных туземцев. Однако мы вскоре обнаружили среди них вождей, обладавших достаточной властью, чтобы сдерживать остальных. Мы заметили, что наиболее значительным среди таких вождей был молодой, приятный на вид человек по имени Парea [Палеа]. Капитан обратил на него внимание, и он стал нам очень полезен.

Мы смогли перевезти лишь половину привезенных нам свиней и зелени, хотя часть наших людей была занята тем, что колола животных и солила мясо. В 4 часа д.п. NW оконечность была по пеленгу NtW 0,5 W в 4 или 5 милях; в 8 часов оконечность острова были по пеленгам StO 0,5 O — NNW 0,5 W; бухта, к которой мы шли, находилась по пеленгу OtN в 3 или 4 милях. Продолжали заводить в нее корабли, и, так как ветер уменьшился, суда **[439]** буксировались шлюпками. В полдень отдали якорь в бухте Каракакуа [Кеалакекуа].

Когда мы вошли в бухту, корабли окружило очень большое число туземцев. В тот момент, когда мы легли в дрейф, поджидая штурмана, мы насчитали вокруг корабля 500 каноэ, и, по крайней мере, 300 каноэ находилось около "Дискавери". До полудня, пока мы постоянно меняли место, число туземцев трудно было сосчитать, но я думаю, что после полудня у кораблей находилось не менее 1500 человек, а к 6 часам их численность возросла до 9000. Кроме того, когда мы подошли ближе к берегу бухты, не менее 300 женщин и детей добралось до кораблей вплавь (я думаю, что им в каноэ просто не хватило места), а много мужчин приплывало к нам на досках. Не меньше островитян наблюдало за нами с берега, и без преувеличения можно сказать, что в это время в поле нашего зрения было 10 000 местных обитателей.

Когда мы стали на якорь, островитяне стали выражать песнями и прыжками свою большую радость и

удовлетворение нашим приходом. Мы, однако, испытывали меньшую тягу к более тесному и постоянному общению с ними: нас измучило и до крайности утомило двухмесячное крейсирование у берегов этого острова. Кроме того, и погода часто бывала более бурной, чем мы могли того ожидать, находясь в этих широтах, и, пока мы огибали NO оконечность острова, почти все время было большое волнение на море; к тому же наши старые тросы и паруса каждый день выбывали из строя.

Разочарования, вызванные неудачными попытками отыскать место для якорной стоянки, оказали скверное воздействие на дух корабельных команд, и часть экипажа обратилась с весьма дерзким письмом к капитану Куку, отказавшись пить вместо пива настой из сахарного тростника, который офицеры и сам капитан нашли весьма приятным на вкус. К этому следует добавить еще и скудные выдачи зелени и свинины, хотя при первых же жалобах людям выдавалось соответствующее возмещение.

Капитан Кук заметил, что в гавани невозможно было наладить регулярное снабжение: порой съестные припасы бывали в избытке, а порой их не хватало (особенно не хватало зелени). Иногда ее за день приносили столько, что этого количества могло бы хватить на целый месяц. Если все это приобреталось, то большая часть портилась; если же островитян отсылали обратно они больше не возвращались, и от этого страдали обе стороны Пока мы крейсировали у берегов острова, капитан мог регулировать количество получаемых припасов; повышая цену на железо которого у нас становилось все меньше и меньше, мы могли, конечно во время стоянки получить и больше съестных припасов и в частности свинины для засола, так как туземцы в любой части острова охотно сбывали свое достояние. Следует принять в расчет и **[440]** соображения безопасности кораблей. Судя по тому, что мы в прошлом наблюдали на

подветренных островах, а нынче на Моу'и и Оухихе [Гавайи], здесь было мало шансов найти какую-либо гавань; в лучшем случае это была бы такая же открытая и небезопасная бухта, как Атоуи. Поэтому безопаснее было лавировать в открытом море. Таковы были мотивы, которые заставляли нас так поступать, изнуряя при этом команды обоих кораблей.

Если бы среди нас был хоть один человек, который мог бы толково расспросить туземцев об их обычаях и о богатствах острова, и если бы в этом и состояла наша цель, наши дела не пришли бы в расстройство. К тому же мы общались с народом простым и невежественным; эти люди только и делали, что продавали нам свои товары и возвращались за новой их партией на берег, не обращая внимания на наши расспросы. А поэтому и о стране у нас могли быть лишь весьма поверхностные представления.

На “Дискавери” явилось столько народу и так много их сгрудилось на борту, что судно дало крен, и мы видели, что матросы с трудом сдерживают толпу, которая рвалась на корабль. Мы послали нашего друга Пареа в помощь людям на “Дискавери”. Другой вождь, прибывший к нам утром и обладавший не меньшей властью, чем Пареа (его звали Канеина [Канина]), счел, что туземцы на борту “Резолюшн” чересчур беспокойны (на палубе они сгрудились так тесно, что невозможно было продвинуться хоть на шаг), и без лишних церемоний по нашей просьбе заставил их спрыгнуть за борт. Один туземец упорно не желал этого делать, и Канеина легко поднял его в воздух и сбросил в море. Ростом Канеина был выше Пареа, у него было красивое, чуть удлиненное лицо и орлиный нос. Оба вождя имели весьма достойную осанку. Они привели с собой третьего вождя, по имени Коа, и он привез на корабль небольшую свинью и кусок красной материи; надев эту материю на капитана, он преподнес ему свинью, а затем выступил с длинной речью, или проповедью. Это был низенький старик с больными

глазами и телом, покрытым струпьями, а так выглядят люди, [злоупотребляющие] кавой. Видимо, по значению своему он почти не уступал Пареа. Он отобедал с капитаном, а после обеда вместе с Пареа отправился с капитаном и м-ром Бейли на берег. Мы высадились на берегу, где нас встретили три или четыре человека. В руках у них были жезлы, украшенные пучками собачьей шерсти, и они произнесли речь, в которой то и дело повторялось слово "Эроно" [Лоно, точнее, Э-Лоно, звательный падеж от слова "лоно" — бог], а такое имя было присвоено с некоторых пор капитану туземцами [322].

У северной оконечности этого берега было расположено селение, а на другом конце имелась продолговатая куча камней, а за ней росли кокосовые пальмы. Каменная стена отделяла участок с пальмами от берега. Ни одной души, кроме упомянутых особ, на берегу **[441]** не было, но близ хижин мы заметили туземцев, которые распростерлись ниц, как те люди, которые нас встретили, когда мы впервые посетили [остров] Атоуи.

Затем нас провели на вершину каменной кучи. Высота этой кучи с одной из ее сторон была примерно 8 футов, но с противоположной стороны из-за неровности этого участка она была вдвое выше. Думаю, что в ширину эта куча была ярдов двадцать, а в длину ярдов сорок. Вершина была плоская и вымощенная камнем. Она со всех сторон была обнесена крепкой оградой, и на столбы этой загородки были нанизаны черепа. Их было 20, и, как нам растолковали, большинство этих черепов принадлежало людям с Моу'и, убитым по случаю смерти какого-то вождя. У этой кучи близ берега стояло два дома, а на противоположном ее конце возвышался помост из не связанных между собой столбов. В средней его части без всякого порядка было воткнуто в землю пять высоких кольев. Мы вошли со стороны домов, и капитана остановили у двух грубых деревянных идолов. На этих чурбанах были вырезаны только лица с уродливыми

ртами и головы венчались длинными деревянными надставками; на идолах было надето старое тряпье, а у подножия их лежали сено и старая скорлупа кокосовых орехов. После того как Коа и рослый угрюмый юноша с длинной бородой, чье имя было Кайрикеа [Кели'икеа], произнесли какие-то слова, нас провели в ту часть площадки, на которой возвышался помост. Здесь под столбами стояли полукругом 12 идолов, а против центральной фигуры на помосте, который поддерживался столбами высотой 6 футов и в точности был похож на таитянский [жертвенник] *уатту,* лежала прогнившая свиная туша, а под помостом были сложены стебли сахарного тростника, кокосовые орехи, плоды хлебного дерева и др. [323]

Коа подвел капитана к этому помосту и, взяв тушу, снова произнес проповедь, а затем, бросив свинью, повел капитана на помост, что было сопряжено с риском, и, чтобы капитан не упал, Коа держал его за руку.

В это время изгородь обошла процессия из 10 человек, и эти люди несли с собой свинью и большой кусок красной материи. Процессия подошла к тому месту, где стена и помост отгораживали часть площадки, где мы находились, и ее участники простерлись ниц. Кайрикеа взял у них красную материю и передал Коа, а тот обернул ее вокруг талии капитана, после чего свинья была поднята на помост.

В течение некоторого времени Кайрикеа и Коа повторяли какие-то фразы, чередуясь друг с другом, и говорили они с вопросительными интонациями. В конце концов, Коа сбросил вниз свинью и спустился вместе с капитаном, после чего Коа повел капитана к идолам и перед каждым произносил какие-то слова, но говорил он их крайне непочтительным и пренебрежительным **[442]** тоном. Исключение он сделал лишь для центрального идола. Только этот идол и был в одежде, но высота его была не более 3

футов, тогда как все прочие достигали 6 футов. Перед центральным идолом Коа простерся ниц, а затем поцеловал его и пожелал, чтобы то же самое сделал капитан. Последний отнесся к этому совершенно пассивно и дозволил проделать с ним все, что желал Коа. Парea называл этого маленького идола Кунуэ-акиа [*Ну-нуи-акеа* — великий вседержитель Ку], а все прочие называли *Кахаи* [*ка'аи* — резная деревянная фигура, заостренная книзу, чтобы ее можно было воткнуть в землю].

В течение всей этой церемонии м-р Бейли, Парea и я сидели в дальнем углу под старым домом, и по одному этому, а также и по другим признакам было ясно, что отведенное нам место не играло заметной роли в церемонии. Но теперь нас отвели к центру площадки, к месту, углубленному фута на три ниже ее уровня. Площадь этого углубления была примерно 10—12 квадратных футов. На одной из ее сторон имелись два деревянных идола, и между ними усадили капитана. Коа держал его руку, другую руку поручили поддержать мне. Появилась еще одна процессия, которая доставила жареную свинью, плоды хлебного дерева, бататы, бананы, пирог и кокосовые орехи; процессия, возглавляемая Кайрикеа, приблизилась к нам. Кайрикеа держал в руках свинью рылом в сторону капитана и скороговоркой прочел несколько раз нечто вроде молитвы, или речи, на которую отвечали все прочие участники процессии, причем с каждым разом обращения эти становились все короче и короче, и под конец он произнес два-три слова, на которые толпа ответила ему возгласом “Эроно”. После того как эта церемония, длившаяся, как я полагаю, около четверти часа, закончилась, все индейцы уселись против нас и принялись разделывать свинью, колоть кокосовые орехи и подавать плоды. Тем временем часть туземцев принялась жевать каву таким же манером, как это делается на всех других островах. Кайрикеа прожевал ядро кокосового ореха, завернул жвачку в клочок

материн и потер этим сверточком лицо, голову, руки и плечи капитана, и то же самое он проделал со мной и м-ром Бейли, Пареа и Коа. Пареа и Коа настаивали, чтобы мы отведали свинину, предварительно пригубив каву. Я ничего не имел против того, чтобы получить порцию свинины из рук Пареа, но капитан, вспомнив, что проделывал своими руками с тухлой свиной тушей Коа, не захотел взять у него ни кусочка даже тогда, когда этот старичок любезно прожевал для него мясо.

Мы поднялись, как только сочли это приличным, и капитан дал туземцам несколько кусков железа и другие безделушки (он сказал, что преподносит все это Эатуа); островитяне были довольны этими приношениями, но тут же поделили их между собой [324]. **[443]**

После этой долгой и довольно утомительной церемонии, о назначении и характере которой мы могли только догадываться, полагая, однако, что для нас она весьма почетна и сулит нам всемерную поддержку со стороны островитян, два человека с жезлами подошли к капитану и произнесли те же слова, что говорились с самого начала. При этом все присутствующие пали ниц, а мы направились через селение к южной части берега. На NW оконечности бухты возвышается крутой утес, и он так нависает над морем, что только в малую воду под ним можно пройти вдоль берега к селению на северном скалистом мысе бухты [325].

Нас не очень удивило (подобное мы уже видели на южном берегу острова), что вся местность, несмотря на видимое обилие зелени, дома и плантации, была покрыта лавой и камнем, на который оказал большое действие огонь.

Мы возвратились на борт вечером, очень довольные поведением наших гидов, причем их уважение к нам выражалось не в той низменной и весьма неприятной для нас

форме, какую проявляет свое отношение чернь, и нас очень обрадовали приветственные возгласы, которыми нас непременно встречали дружественно настроенные островитяне.

Неподалеку от мораэ, на участке берега, где возделывались бататы, мы расположили наши обсерватории и палатки. Пареа, который дал нам понять, что он состоит в родстве с Териобу, королем острова Оухихи [Гавайи], рад был показать свою власть и доброе к нам расположение и готов был снести несколько домов, стоящих на пути к обсерватории. Речь шла о нашем первоначальном плане: сперва мы хотели расположить обсерватории на участке, находящемся посреди селения, на противоположном конце берега, поскольку там легче было следить за работами и охранять партию, занятую пополнением запасов воды, но затем сочли, что это поле отвечает нашим целям в большей степени, и дали понять Пареа, что избранный нами и огороженный каменной стеной участок следует объявить табу и что мы возместим ущерб хозяину этой земли. Все устроилось наилучшим образом. Утром обсерватории и палатки были свезены на берег и установлены, участок провозглашен жрецами табу, и на стене были водружены жреческие жезлы.

Мы отрядили для охраны наших людей на берегу шесть солдат морской пехоты с капралом и офицером. М-р Филипс приказал стражникам при исполнении их обязанностей придерживаться солдатского устава. Он дал им ряд других распоряжений с целью повысить авторитет стражников в глазах островитян и запретил солдатам морской пехоты давать в руки туземцев оружие и показывать, каким образом оно заряжается.

Вождь селения по имени Кохо был полностью вознагражден за ущерб, который мы нанесли молодым посадкам бататов. **[444]**

Туземцы теперь твердо держались нашей границы — каменной стены, и никто ее не нарушал и не входил без спроса на участок, провозглашенный табу.

Все было подготовлено для короткой стоянки на берегу сообразно намерениям капитана (мы не перевезли хронометров и телескопов на сушу по причине краткости стоянки), и все было куда спокойнее, чем в любом из мест, где мы устраивались раньше.

Два дома у края каменной кучи (ее туземцы называли *о-хики-оум [хикиуа],* что, по всей вероятности, соответствует какому-то особому обозначению, поскольку слово "мораэ" употребляется здесь в таком же значении, как это принято на Таити) были отведены парусным мастерам. В одном из домов было отведено особое помещение для больных [326].

Ни одно каноэ ни при каких обстоятельствах не подходило к берегу близ нашей обсерватории — вероятно, скорее из уважения и благоговейного страха перед о-хики-оум, чем перед нами, хотя островитяне, которым это разрешали часовые, могли свободно проходить к стене через поле. Никакие наши посулы не могли также заставить женщин приблизиться к нашей стоянке. Наши люди пытались вручить женщинам подарки, соблазняли Пареа и Кохо, дабы они допускали их к нам, но островитянки неизменно отвечали, что Этуа и Териобу [Каланиопу] убьют их, и по всему видно было, что, даже если бы вожди дозволили женщинам приходить к нам, они все равно держались бы от нас на изрядной дистанции. Как бы неутешительно не было подобное поведение женщин, несомненно, что нам от этого жилось спокойнее. Вся торговля велась у кораблей, и у наших жилищ на берегу царила тишина, тогда как везде в других местах во время стоянок в этом море все складывалось как раз наоборот.

За посадками кокосовых пальм — а они тянулись почти на всем протяжении берега — находился маленький и грязный пруд с весьма посредственной водой. Правда, из ям, вырытых по краям пруда, вычерпывалась пресная вода, но самая хорошая вода текла из трещины в скале, расположенной в конце пляжа. При отливе эта вода была очень хорошей, и ее было более чем достаточно для текущих нужд. По опыту долгого плавания нам было известно, что, пожалуй, только остров Атоуи может дать нам более вкусную воду. Близ этого пруда было несколько хижин, и мы вскоре убедились, что в них живут только жрецы и люди, занятые на о-хики-оум и совершавшие отправления культа, когда приносились жертвы Эроно. С этими людьми мы поддерживали прекрасные отношения, и они нас посещали во всякое время и всегда и во всем проявляли к нам совершенное доверие.

Пока мы жили в мире и покое, на борту не прекращалась сумятица и там царил беспорядок. На кораблях постоянно бывало такое количество народа, особенно женщин, что несколько раз в **[445]** день приходилось очищать от них палубы. Но спустя два-три дня, когда любопытство островитян было удовлетворено, число их уменьшилось, и они стали менее беспокойными.

Конопатчики были поставлены на заделку бортов, и это была единственная работа на кораблях, которая продвигалась вперед.

Придя сюда, мы прежде всего стали спрашивать островитян о главном вожде острова. Мы спрашивали, кто он, где находится и собирается ли нанести нам визит. Циреа объяснил нам, что он находится на Моу'и, но будет здесь через три или четыре дня. Циреа говорил, что он является *т'акани* Териобу, и назвал имена других людей, состоящих в таких же отношениях с королем. Мы так и не узнали более или менее определенно, какая связь была между этими

т'акани и королем, и не очень верили тому, что на этот счет говорили нам женщины [327].

С 19-го по 24-е, пока отсутствовали Пареа и Коа (они сказали, что отправляются на свидание с Териобу, который высадился на наветренном берегу острова), ничего существенного не произошло. Нас, живших на берегу, без ограничения снабжали свиньями и зеленью жрецы, и лодки со снедью посылались на корабль; все это делалось от имени Као, а он был очень стар. Кайрикеа, вождь этого поселения, сказал, что он внук Као. Примечательным был прием, оказанный островитянами капитану Куку и капитану Клерку [328].

Это был первый визит капитана Кука в жилища [жрецов]. Его усадили у ног деревянного идола, стоящего у входа в хижину, и, судя по клочьям материи, обернутым вокруг идола, и остаткам жертвоприношений, возложенным на уатту, этому божеству воздавались необычайные почести. Мне снова пришлось поддерживать руку капитана, и, после того как его облачили соответствующим образом, Коа принес поросенка (при этой церемонии сам Коа и дюжина островитян выстроились в одну шеренгу), а один из жрецов задушил животное. Тут же был разведен огонь, и еще не совсем удушенного поросенка бросили на раскаленные угли, а когда шерсть была опалена, тушу поднесли к самому носу капитана, причем эта операция сопровождалась вопросами и ответами, которые произносились совсем в другом тоне, чем на той церемонии, что состоялась в первый день нашего пребывания в местном мораэ. Затем свинью с кокосовым орехом положили к ногам капитана, и все жрецы уселись. Была подана кава: жирную тушу разрезали, и нас накормили таким же способом, как и во время минувшей церемонии.

Всякий раз, когда капитан Кук бывал на берегу, его принимал один из жрецов, при этом он распевал какие-то молитвы, а люди падали ниц. Когда капитан уходил в палатку, туда

являлись Кайрикеа и его приближенные и преподносили ему свиней, бататы и пр., причем эти вручения неизменно сопровождались церемониями. **[446]**

Все это указывало на то, что почести воздавались не в знак дружбы, а по какому-то ритуалу и ответные дары не имели для островитян значения. Часто случалось, что вожди низшего ранга изъявляли желание преподнести дары или, скорее, воздать капитану то, что воздавалось божеству, как это делалось при мирных жертвоприношениях или при похоронах вождей высокого ранга, и, когда эти люди подносили капитану свинью, руки их дрожали и весь их вид свидетельствовал о том, что они объяты страхом. При этом Кайрикеа и другие жрецы произносили все необходимые сентенции.

Находясь на берегу, мы вскоре выяснили, что между этими вождями, Коа и вождем здешней округи (она называлась Акона [Кона]) Кохо существует большая разница. Кайрикеа говорил нам, что не им, а вождю по имени Као [это главный жрец острова], который должен сюда явиться вместе с Териобу, мы обязаны тем, что все припасы доставляются в наши палатки. Кайрикеа сознавал свое более низкое положение, не выражая, однако, недовольства, а для недовольства у него были основания. Коа и Кохо или же Пареа, постоянно сопровождавшие капитана, когда он бывал на берегу, забирали все наши подарки, которые, несомненно, полагалось бы вручать Кайрикеа: ведь именно он снабжал нас свиньями и зеленью, а Коа и Кохо порой выпрашивали частицу того, что нам доставалось, и делали это так назойливо, что мы нередко отказывали им в этих просьбах.

Коа однажды сыграл с нами весьма хитрую штуку. Различные вожди часто дарили нам свиней и порой приносили их в таком количестве, что мы не могли все использовать, а Коа, зная об этом, просил у нас лишнюю свинью и редко встречал

с нашей стороны отказ. Однажды он унес свинью, а затем эту же свинью преподнес нам один вождь, которого привел к нам Коа. Этот вождь, по словам Коа, хотел таким образом выразить нам свое уважение. Было ясно, что свинья и вождь состоят в тесной дружбе. Мы не сомневались, что проделка эта мошенническая и что Коа и Кохо часто ведут подобную игру, зная, что мы редко оставляем без вознаграждения вождей, выражающих дружеские чувства.

Мы все больше привязывались к жрецам, поведение которых было крайне благожелательным и скромным. При этом мы ничем не обижали прочих вождей: они приносили большую пользу на кораблях, наводя порядок среди туземцев.

24-го туземцам не было разрешено подходить к кораблям, и они все сидели в своих домах. Нам удалось лишь узнать, что на все сношения с нами наложено табу по случаю прибытия Териобу.

Подобное происшествие возбудило у нас нетерпеливое желание повидать монарха, державшего своих подданных в таком благоговейном страхе. Поскольку Териобу не появлялся, а на борту иссякли **[447]** запасы зелени, утром 25-го мы приманили к кораблям несколько каноэ, но тут вмешался в дело один вождь, который предпринял попытку увести каноэ. После того как по нему или, точнее, поверх него выстрелили из мушкета, он оставил это намерение, и нам удалось приобрести необходимые припасы.

После полудня мы узнали, что Териобу прибыл, и мы поверили этому, так как вечером множество каноэ обогнули северную оконечность бухты и направились к “Резолюшн”. До наступления темноты мы наблюдали с берега, как вереница больших парусных и гребных каноэ выходит из-за мыса [329].

Утром 26-го нам сообщили, что Териобу в сопровождении Пареа и ряда вождей прибыл на борт “Резолюшн”. Там он оставался до 10 часов вечера, а затем со своими приближенными направился на ночлег в селение Коуруа [Кавалоа], расположенное на северном берегу бухты.

В полдень Териобу на большом каноэ, сопровождаемом двумя другими каноэ, покинул селение и торжественно направился к кораблям.

В большом каноэ был сам Териобу, во втором сидел Као, и там находились четыре идола, а третье каноэ было нагружено свиньями и зеленью. Когда эти каноэ подошли к борту “Резолюшн”, на центральном каноэ принялись торжественно петь песни, и мы заключили, что процессия эта носит в какой-то степени религиозный характер.

Гости, вместо того чтобы подняться на борт, направились в нашу сторону, и процессия выглядела весьма величественно. Все вожди стояли, облаченные в [парадные] одежды со шляпами на головах, а в центральном каноэ были установлены идолы из плетенки (мы решили, что это местные боги), украшенные на разный манер красными, черными, белыми и желтыми перьями. Вместо глаз у них были раковины жемчужницы с черными кружочками посередине, в необычайно уродливые пасти вставлены собачьи зубы. Уродливы были не только пасти, но и все прочие черты идольских лиц. Мы выставили для встречи всю нашу маленькую гвардию, а капитан, убедившись, что король направился к берегу, последовал за ним. После того как мы вышли навстречу, король высадился и милостиво снял со своих плеч одеяние, набросив его на плечи капитана, а затем надел ему на голову шляпу из перьев и вручил ему очень красивую мутовку. Кроме того, он сложил у ног капитана пять или шесть комплектов одежды, и все эти вещи были очень

красивы и ценны. Приближенные короля принесли четыре большие свиньи и другие припасы.

Я был поражен, глядя на короля, вручившего эти поистине королевские дары и окруженного королевской свитой. Это был немощный и дряхлый старик; он уже появлялся у корабля, когда мы были у NO оконечности острова Моу'и, и его главные **[448]** адъютанты тогда пробыли с нами всю ночь. Среди них был Майха-Майха [Камеамеа], и сейчас его волосы были вымазаны какой-то грязной бурой мазью или пастой, и эта мазь придавала ему невероятно дикий облик; подобных лиц мне, право же, не приходилось еще видеть, и эта внешность никоим образом не отражала его характера — непринужденный и бодрый. Хотя в его поведении была сейчас известная сдержанность, все же казалось, что именно он главный распорядитель на этой встрече. Здесь было двое очень красивых юношей — младших сыновей короля; старшему из них было лет шестнадцать, и он тогда тоже всю ночь провел на борту и теперь всем своим поведением показывал, что полностью нам доверяет.

Вскоре капитан Кук и Териобу поменялись именами и закрепили твердый дружеский союз; одновременно появилась процессия жрецов, возглавляемая весьма престарелой особой; участники процессии несли больших свиней и массу бататов, бананов и др., и по поведению и взглядам, которые бросал на старика Кайрикеа, мы поняли, что этот старик в голове процессии — тот самый Коа, щедротами которого мы жили. Као обернул вокруг бедер капитана кусок материи и передал ему маленькую свинью. Као было предоставлено почетное место рядом с королем, и, когда Кайрикеа приступил со своими последователями к обычной церемонии, Као и многие другие вожди отвечали на традиционные вопросы.

Капитан доставил Териобу и столько его приближенных, сколько мог вместить баркас, на борт “Резолюшн”, где им были розданы подарки, которые их всех осчастливили. Као и с полдюжины старцев нашли пристанище в домах жрецов, а все каноэ, и в частности то, на котором находились боги, были отбуксированы в безопасное и недоступное прибою место. Као желал, пока он здесь находился, делить с нами свой досуг.

Больше ни одного каноэ в бухте не появлялось, и туземцы снова простерлись ниц, как это они сделали, когда капитан Кук впервые сошел на берег.

Нашим людям было разрешено свободно торговать с туземцами, и спустя короткое время бухта заполнилась каноэ. Это разрешение просили и получали люди, принадлежащие к той партии, которая должна была отправиться в глубь страны, чтобы дойти до снежных гор.

Партия состояла из канонира с “Резолюшн” м-ра Ванкувера, юного джентльмена с “Дискавери” м-ра Нелсона, посланного м-ром Бенксом для ботанических наблюдений, капрала из береговой команды и еще трех человек. Они не взяли с собой никакого оружия и отправились в путь в 3 час. 30 мин. п.п. с четырьмя туземцами.

27 января. Руль с “Резолюшн” был отправлен на берег для ремонта рулевых крюков и для обтяжки головки обручами. **[449]**

Небольшая партия наших джентльменов отправилась в глубь страны. Исключительно мирное поведение туземцев на берегу подавило все наши опасения, и мы теперь во всем доверяли островитянам.

Териобу подарил нам очень много свиней, вероятно штук двадцать, и отправил лодку с подарками капитану Клерку.

Между большими вождями и капитаном все время шел обмен дарами. Интересы одного из вождей (я узнал, что он сын Као), так же как и интересы его отца, сильно расходились с Териобу. Они и их приближенные жили с нами, когда Териобу и его свита находились в Коуруа. Нас отделяли от них высокие и крутые холмы в северной части берега бухты. Упомянутый вождь, к нашему удивлению, носил помимо своего собственного имени имя Эроно. Сегодня он подарил капитану красивую одежду и несколько крупных свиней.

30-го руль починили, погрузили на баркас и отправили на борт. 31-го были посланы плотники с одним из людей Као в качестве гида в глубь страны, чтобы нарезать доски для поручней, в чем нуждался “Резолюшн”. Другая партия возвратилась сегодня, и ее участники не находили слов, чтобы описать гостеприимный прием, оказанный им Као. Как только Као узнал, что они находятся в пути, он послал к ним своих людей со свиньями и всем прочим и приказал туземцам, живущим в той местности, через которую лежал путь наших людей, оказывать им всемерную помощь. К этому надо добавить, что его посланцы не приняли в дар ни одного кусочка железа и других презентов за тех свиней, которые они с такими трудностями доставили нашим людям издалека.

Этот чрезвычайно благожелательный человек каждое, утро посылал нашей партии более чем достаточное количество припасов. Всякий раз, когда нас посещал капитан Кук, Као являлся во главе процессии своих собратьев и приносил жареных свиней, плоды хлебного дерева, бататы и пр. и после церемонии вручения даров отправлялся в свое тихое убежище. Мирное и спокойное поведение туземцев в отношении нашей партии было вызвано стараниями жречества, хотя не всегда все обходилось хорошо. Туземцы, например, однажды ночью похитили из палатки, где я спал, ящик с ножами, вилками и оловянными тарелками, а из

другого ящика украли кое-какие вещи, принадлежавшие м-ру Филипсу. Более всего удивляло в этой краже то обстоятельство, что воры не тронули моей одежды и каких бы то ни было принадлежавших мне вещей, отделив их от вещей м-ра Филипса, положили обратно в корзину.

Кайрикеа сказал нам, что кражу учинил вождь округи Кохо, и, судя по некоторым признакам, так это и было.

Кое-что Кохо затем вернул, а я не предпринял никаких шагов, чтобы получить все остальное, но резко предупредил Кохо, что, **[450]** если такие случаи повторятся, для него это кончится плохо. Были предприняты меры, чтобы подобного рода происшествия в дальнейшем не происходили. Я узнал также, что на кораблях туземцы причинили еще больше беспокойства. Вожди из окружения Териобу обладали не меньшими склонностями к воровству, чем их собратья к югу от экватора, и если они не всегда выступали в главной роли, то неизменно оказывались подстрекателями и соучастниками краж.

На “Дискавери” выпороли за кражу одного индейца, а утром один весьма именитый вождь, вручая нам в дар свинью, привязал к своему запястью нож для мяса из офицерской кают-компании. Это был инструмент, без которого мы не могли обойтись, и я не без труда отобрал его у вождя. Впоследствии я убедился, что некоторые мои соображения были правильны: я никогда не соглашался с мнением тех, кто, общаясь с этими народами, считал необходимым предпринимать все возможные меры для предотвращения воровства. Бороться с ворами надо так, чтобы не причинять им ущерба: следует лишь ничего не оставлять на их пути и хорошенько охранять не только личные вещи.

По нашей просьбе островитяне вечером продемонстрировали нам борьбу и бокс. Хотя сошлось очень много народу, нам не

показалось, что все было проведено должным образом — чего-то в этом зрелище не хватало. Я отложу описание этого зрелища и возвращусь к нему, когда перейду к здешним развлечениям.

1 февраля. У нас ощущался недостаток в топливе, и капитан пожелал, чтобы мы переговорили с туземцами, могут ли они нам продать частокол, которым было огорожено мораэ. Мы видели, что островитяне брали оттуда столбы, и, так как многие столбы уже сгнили, мы полагали, что без всякого риска можно, не совершая кощунства, договориться о покупке всего частокола.

Это соответственно и было сделано, и нам без дальнейших просьб доставили весь лес, причем островитяне получили изрядное возмещение. Сегодня за топливом прибыло два баркаса с наших кораблей. Матросы попутно забрали и деревянных идолов и, прежде чем я об этом узнал, перенесли весь идолский полукруг на шлюпки. Они сказали мне, что туземцы имели с ними соответствующий разговор и разрешили забрать идолов.

Я все же переговорил с Као, который был с нами, и он пожелал только, чтобы мы возвратили маленького идола и оставили двух идолов в центре мораэ на месте. Маленького идола доставили в один из жреческих домов.

Сегодня скончался Уильям Уотман из команды канониров Он уже чувствовал себя нездоровым, когда мы только вошли в бухту но первые дни был на берегу. Мы думали, что ему стало лучше' и он по собственному желанию отправился на корабль но день спустя его хватил удар, и не прошло и двух дней, как он умер. **[451]**

Это был старый человек, прослуживший в морской пехоте 21 год; он сопровождал капитана Кука в предыдущем плавании,

и тот затем устроил его в Гринвичском госпитале, но, так же как и капитан, ой покинул госпиталь, чтобы снова последовать за ним. Все сотоварищи любили Уильяма за его добрый и благожелательный нрав. По своему опыту он знал, что кубки и чаши, особенно в руках молодых людей, недолговечны, поэтому он собирал скорлупу кокосовых орехов и вручал тем, кто лишался этих сосудов.

Вожди, узнав о его смерти, выразили желание, чтобы его похоронили на берегу, и тело было предано земле в мораэ, причем погребальная церемония была проведена торжественно и достойно, насколько это нам позволяли обстоятельства.

Старый Као и его собратья оставались в роли зрителей, и, когда могила была засыпана и прочтены заупокойные молитвы (все это время туземцы хранили глубокое молчание), они возложили на могилу убитую свинью, кокосовые орехи и бананы. Несомненно, они желали выразить свое уважение к покойному большим количеством подношений и отправлением некоторых церемоний. Хотя их желание произносить погребальные речи и сдерживалось, церемонии эти продолжались три ночи; в одну из ночей Као и другие его собратья окружили могилу, закололи несколько свиней и пропели какие-то песни, причем никто не помешал им довести до конца эти церемонии, предпринятые из лучших побуждений.

У могилы был воздвигнут столб, и к нему прибита квадратная доска, на которой были указаны имя, возраст и дата смерти покойного. Островитяне нам обещали оберегать эти останки, и мы не сомневаемся, что хранить о нем память здесь будут до тех пор, пока у могилы стоит столб-памятник пребывания первооткрывателей на этой группе островов.

2 февраля. Териобу и вожди стали допытываться, когда мы отсюда уйдем, и, видимо, их обрадовало то, что мы собираемся отправиться в путь вскоре и хотим остановиться на Моу'и. Трудно сказать, вызывалась ли эта радость чувством подозрительности или желанием собрать для нас припасы, но, судя по искренности островитян, скорее можно допустить вторую причину. Всю ночь и все следующее утро люди бродили по улице, повторяя на манер наших глашатаев какие-то фразы, и мы полагали, что это были призывы нести Териобу свиней и коренья для передачи всего этого Эроно, поскольку имена Териобу и Эроно часто повторялись. Под кокосовыми пальмами было освобождено место для приносимых Териобу свиней, на другой стороне площадки складывались стебли сахарного тростника, ямс, бататы, плоды хлебного дерева, и у стоящего поблизости каноэ было растянуто много материи.

3 февраля. Капитан и Териобу отправились в то место, где живет Као. Перед его хижиной лежали свертки материи, **[452]** множество красных и желтых перьев, связанных волокнами из скорлупы кокосового ореха, и большое количество топоров и других железных изделий, полученных на нашем корабле. Сперва, увидев, что все это связано в узел, мы решили, будто здесь собрано то, что предназначается для капитана Кука, но эти предположения не подтвердились. Кайрикеа разложил эти связки перед Териобу, выставив перья, железо и все прочее на его обозрение, и мы уяснили, что это подать, собранная Као. Король явно был удовлетворен этим проявлением верности, отобрал примерно треть железа и некоторое количество перьев и перья передал капитану, который, однако, взял их очень мало. Король сказал, что капитану предназначены и материи. Нам не разъяснили, для кого собраны свиньи и коренья, и когда мы об этом спросили, туземцы указали на капитана и на меня, а кроме нас двоих, здесь никого из наших людей больше не было.

За подарками были посланы лодки и для нас отобраны большие свиньи; мне кажется, что более 30 свиней было отдано простому народу, так же как и большая часть плодов хлебного дерева, кокосовых орехов и бататов, потому что у островитян больше этого добра уже не оставалось.

По ценности этот дар далеко превосходил все, что мы когда-либо получали на островах Дружбы и Общества. Бросалось в глаза, что способы вручения подарков и здесь, и на островах Дружбы были весьма сходными, что свидетельствовало о более деспотическом образе правления, чем на островах Общества.

Вечером нас развлекали борьбой и матчами бокса, а затем мы израсходовали остатки наших ракет и удивили фейерверком здешних жителей в такой же мере, как и всех прочих островитян.

Нас начинало тревожить то обстоятельство, что наши плотники все еще не возвращались. Мы послали одного из помощников штурмана вместе с Каниной, чтобы их разыскать и поторопить, но они вернулись еще до возвращения нашего посланца и сказали, что вынуждены были пройти дальше, чем сперва предполагали, а плохая дорога и трудности, вызванные переноской заготовленного леса, сильно их задержали. Однако о своих проводниках они отзывались весьма похвально. Туземцы не только кормили наших людей, но и охраняли их орудия и не похитили ни одного гвоздя. Простой народ отлично чувствовал, что ему оказывают доверие, и редко не оправдывал этого доверия. С дозволения Као мы наградили этих людей, и они заслужили бы большего вознаграждения чем то, которого от нас удостоились, если бы дело заключалось не только в доставке леса.

Териобу и Као совершенно серьезно просили капитана Кука оставить меня здесь. Мои здешние друзья предлагали мне скрыться и обещали надежно укрывать меня в горах, до тех пор пока не уйдут корабли, и сулили мне, что сделают меня большим **[453]** человеком. На всех островах их обитатели выражали желание, чтобы кто-нибудь из наших людей остался после ухода кораблей, и часто выдвигались примерно такие же доводы, какие выставляют бойкие дети, когда хотят получить занятную игрушку.

Утром перевезли на борт обсерваторию. Табу теперь было снято с нашего участка, и туземцы кинулись туда в надежде что-либо отыскать на месте нашей стоянки. После полудня парусные мастера и все другие люди, работавшие на берегу, были доставлены на борт. На берегу собралась большая толпа, и некоторые островитяне настроены были довольно озорно, и как на грех в это время отсутствовали вожди. Однако, поскольку на берегу нечего было украсть, толпа разошлась. Затем часть туземцев вернулась к тому месту, где стоял наш малый ялбот, на котором я должен был отправиться на корабль. Я полагаю, что сюда они пришли, чтобы выразить свои добрые чувства. Они усадили меня и принялись оплакивать нашу разлуку, и мне не без труда удалось от них вырваться.

Я с сожалением покидал места, где на меня возлагалась в определенной мере ответственность за наших людей, но всегда испытывал большое удовлетворение, видя их в безопасности и сознавая, что мы, к великому нашему счастью, сохранили самые дружественные и сердечные отношения с туземцами.

Здесь немалую роль сыграл м-р Бейли. Будучи всегда на месте нашей стоянки, он поправлял меня и давал мне советы, как поступать в том или ином случае. В нашей партии не

было ни одного человека, который вел бы себя плохо по отношению к туземцам.

В этом месте многое сложилось так, что наше пребывание не вызывало неудовольствия у этого народа. На наш участок было наложено табу, и никакими средствами нам не удавалось завлечь к себе женщин. Даже жена самого Териобу не осмелилась переступить границу запретного участка. К этому надо добавить весьма разумные распоряжения офицера морской пехоты, который нам здесь во всем помогал. Наше житье облегчалось и тем, что нам были предоставлены отдельные палатки. В других местах я вел жизнь, несовместимую с моим положением и званием, и был вынужден довольствоваться пребыванием в обсерватории, а те, кому ведомы эти места, знают, каково приходится людям, ютящимся либо в ней, либо в каком-нибудь из углов общей палатки. Кроме того, обычно у нас так мало бывало свободных рук, что нельзя было выделить человека для приготовления пищи. Здесь в этом не было нужды, так как жрецы давали нам многое из того, в чем мы нуждались.

В любом случае, добиваясь взаимопонимания и проявляя добрую волю, следует держать себя достойно. Полагаю, что в этом отношении на мое доведение вряд ли могли быть какие-либо **[454]** нарекания. Я всегда неукоснительно придерживался правила не обижать вождей, и, если кто-либо из них переходил границу участка или неожиданно появлялся в нашем жилище, я никогда не выдворял такого визитера насильно. Если он был нам неприятен, мы изыскивали способы отделаться от него, и в дальнейшем я приказывал часовым пропускать только тех людей, которые отвечали нашему выбору. Они всегда вежливо ограждали нас от беспокойства, когда мы были заняты солнечными обсервациями, или были вне дома, или же уходили спать. В этих странах, где в случае воровства невозможно на первый же взгляд отличить вождя от обычного тоутоу, подобные

меры крайне необходимы, ибо, если по ошибке с вождем обойдутся грубо или неуважительно, он отнесется к этому весьма чувствительно, особенно когда случается это на глазах его многочисленных земляков. Я заранее отвожу возражения, основывающиеся на том, что сами вожди не ведут себя с достаточной деликатностью и заботливостью, когда общаются друг с другом. То, что человек воспринимает безразлично, когда речь идет о привычном для него деле, может вызвать совершенно иное отношение, если в это дело замешан чужестранец.

Вечером мы были удивлены, обнаружив, что два дома близ о-хики-оу объяты пламенем. Мы было подумали, что пожар вызван нами по неосторожности: мы могли не загасить очаг на месте нашей стоянки, но оказалось, что эти предположения были ошибочными. Спустя некоторое время мы узнали, что какие-то туземцы приходили с факелами на это место, надеясь отыскать там что-либо забытое нами. Это был уже второй пожар: несколько дней назад в селении, лежащем на севере [Кавалоа], сгорело несколько домов, и я думаю, что такие случаи здесь нередки и вызываются самой конструкцией построек, а также тем, что они весьма скученны.

4 февраля. Рано утром мы снялись с якоря и в сопровождении “Дискавери” и туземных каноэ вышли из бухты. В полдень оконечности острова были по пеленгам NtW 0,5 W — SSO 0,5 O, бухта находилась по пеленгу OtS 0,25 S, и мы отошли от берега на 3 или 4 мили.

Поскольку мы теперь уже покинули бухту Каракуа, я намерен, прежде чем мы направимся дальше, описать то, что мы видели в этой стране. Давая такое описание, я выражаю признательность тем, кто участвовал в экскурсии в горы, и оставляю до тех времен, когда мы окончательно

распрощаемся с этой группой островов, сообщение о занятиях и нравах их жителей.

Я никогда не заходил в глубь острова дальше чем за 3 мили от берега. На протяжении первых 2,5 миль местность сложена обожженными камнями, и сразу же за селением начинаются сплошные посадки бататов и растения, из которого изготовляется материя. Затем вступаешь в места, где растут хлебные деревья; **[455]** в цвету они изумительны. Поверхность очень неровная, и, хотя под деревьями почва сносная, во многих местах нет ничего, кроме горелого камня. В низинах на искусственно насыпанных полях разводятся бататы.

Мои занятия в обсерватории не позволяли мне заходить дальше. Если бы я имел такую возможность, я бы прошел к обширным полям, которые мы видели с корабля, — они находятся за рощами хлебных деревьев.

Поэтому я расскажу о путешествии партии из семи наших людей и четырех гидов-туземцев, которая отправилась в дорогу после полудня 26-го числа.

На протяжении первых трех или четырех миль путешествия страна была такой, какой она описана выше, а затем началась полоса правильно разбитых и очень обширных плантаций. Банановые деревья там чередовались с хлебными, но они не занимали на плантациях много пространства и росли лишь вдоль стен, которые отделяли участки разных владельцев и были возведены на расчищенном грунте из камня. Эти стены были скрыты посадками сахарного тростника, расположенными с внешней и внутренней стороны. Листья и стебли тростника образовывали красивую естественную изгородь. На возделанных делянках были посажены бататы, тарро, или корень эдди, и в небольшом количестве растения, из которых получают материю.

На ночь партия остановилась во второй встреченной по пути хижине, расположенной на плантации, подобной описанной выше, на расстоянии, как предполагали путешественники, 5 миль от нашего селения. Место это находилось у вершины первой, видимой с кораблей гряды холмов. Вид оттуда открывался прелестный. В бухте были видны корабли, а к северо-западу от селения вдоль берега, идущего влево, начинался густой лес. Справа насколько хватает глаз простирались богатые плантации, а за спиной их были такие же леса, как и в левой части берега.

Грядки бататов и тарро были разделены полосой шириной 4 фута. Бататы были окучены горками светлой земли, так что виднелись лишь верхушки ботвы, тогда как на грядках тарро у растений были обнажены корни, но зато земля была насыпана в виде валиков, так что образовывались углубления, в которых держалась дождевая вода; делалось это потому, что корни тарро требуют много влаги. Оговорюсь, что на этих островах возделывают самое лучшее на вкус тарро.

Наши люди, приметив, что жилищ вокруг очень мало, и взяв в расчет убогий вид хижины, в которой они заночевали, заранее решили, что торговля тут будет скудной и припасы добыть не удастся. Поэтому они послали одного из своих гидов в селение, чтобы приобрести свинью. Здесь их догнали люди Као, которые принесли свинью; поскольку дальнейший путь их лежал через земли Као, **[456]** гиды наших людей брали на плантациях все, что им приходилось по вкусу. Тем туземцам, которые пришли от Као, было предложено железо, но они от него отказались и не взяли других вещей, которые предлагали им наши люди.

У путешественников не было с собой термометра, и только по своим ощущениям они могли судить о степени потепления или похолодания, но и так было ясно, что ночи здесь очень

холодные. Наши люди спали лишь урывками, а туземцы не могли сомкнуть глаз и все время кашляли.

Утром 27-го путешественники отправились дальше и наполнили свои фляги водой из превосходного ключа, который находился примерно в полумиле от хижины. Затем по узкой тропинке они вошли в лес. Тропинка эта, как им сказали, была протоптана собирателями диких, или “конских”, бананов и птицеловами. Местами она была болотистой, местами каменистой, и порой ее преграждали большие стволы павших деревьев. Пройти же в лес, не придерживаясь тропы, было невозможно из-за густого подлеска. В той части леса, где наряду с другими деревьями росли дикие бананы, через определенное расстояние были поставлены столбы с белыми флажками как знаки, разделяющие частные владения. Деревья в лесу были высокие и красивые, некоторые в обхвате имели 15—20 футов. Они принадлежали к той разновидности, которая в Новой Голландии получила название пряного дерева (spice tree)[330]. Путешественники прошли лесом миль десять и, убедившись, что тропа ведет к юго-западу, в сторону моря, а не по направлению к горам, куда они хотели проследовать (даже с самых высоких деревьев здесь нельзя было увидеть этих гор), отошли на 6—7 миль назад к временной и кое-как построенной хижине. Здесь они оставили большую часть припасов, трех индейцев и двух наших участников экскурсии, с тем чтобы эти люди подготовили хижину для ночлега. Днем они хотели осмотреть окружающую местность, а на следующее утро собирались было тронуться в путь к снежным горам; в хижине, где они остановились незадолго до полудня, их догнал человек, посланный накануне вечером за припасами. Он тащил волоком большую свинью. Воздух был очень холодным и настолько неприятным для туземцев, что на следующее утро все они, за исключением одного человека, ушли.

28-го наши люди были вынуждены все припасы тащить на себе. Они вышли из леса по той тропе, по которой накануне в него вошли. Когда они оказались на плантациях, их окружили туземцы, у которых они приобрели коренья. Двух островитян наши люди уговорили отправиться с ними. Капрал чувствовал себя плохо и возвратился на берег к нашим палаткам.

В партии теперь было девять человек, и путешественники прошли вдоль опушки леса миль шесть-семь, а затем снова вступили **[457]** в лес и пошли по тропе, которая шла на восток. Первые три мили они продвигались через лес, в котором росли высокие деревья и порой попадались банановые плантации, а затем начались карликовые деревья с подлеском, очень густым и растущим на обожженных камнях. За этим лесом снова началась прекрасная чаща с высокими пряными деревьями, такими же, как в Новой Голландии, и почва здесь была тучной и бурой, но не слишком мощной. В этом лесу наши люди видели много наполовину построенных каноэ и обнаружили еще одну хижину. С момента, когда они вошли в эти леса, нигде не удавалось найти воды, а в ней они уже испытывали нужду; пройдя еще 3 мили, они набрели на две хижины, в которых могла разместиться вся партия, и здесь остановились.

За день, пройдя более 20 миль, они смертельно устали, но им пришлось разделиться и направиться на поиски воды. Удалось найти немного дождевой воды в днище одного каноэ, и, хотя эта вода по цвету напоминала красное вино, все же она радовала взор. Ночью было холоднее, чем когда бы то ни было прежде, и, хотя наши люди приобрели утром циновки и материю, а между хижинами развели большой костер, они почти не спали и часто были вынуждены прогуливаться.

На рассвете они вышли в путь с намерением совершить последнюю, решительную попытку достичь снежных гор. Однако их дух был подорван, так как вся вода у них вышла. Индейская тропа скоро кончилась близ того места, где стояли незаконченные каноэ. Пришлось идти без тропы. Они время от времени забирались на деревья, чтобы определить путь. В 11 часов партия дошла до гряды, образованной горелым камнем, и оттуда были видны снежные горы, до которых, как казалось, было примерно 12 или 14 миль [331]. Нашим людям представлялось, что эти горы ненамного выше той гряды, на которой они находились. Они стали совещаться, стоит ли идти дальше и не достаточно ли будет удовольствоваться только видом на горы с этого расстояния. Гиды сказали, что в этой части острова нет тропы, ведущей к горам, и что дорога, которая доходит и до этих и до других снежных гор, пересекает северо-западную часть острова. Туземцы были против дальнейшего продвижения, и наши люди решили, что их нельзя будет убедить пойти дальше и провести в этих местах еще одну холодную ночь. Дорога же, по которой они шли, была очень плохая и дальше становилась еще более скверной. Среди горелых камней открывались все новые и новые пропасти. Камни были покрыты тонким налетом мха, по которому скользили ноги, горелые скалы становились все более и более хрупкими, и камень под ногами рассыпался, как зола. Казалось, что под ногами сплошная пустота, и камни, которые наши люди бросали в щели, падали куда-то в бездну. Путешественники решили возвратиться, **[458]** предварительно осмотрев с высоты деревьев (они здесь были очень низкими) окружающую местность. Моря не было видно. Со всех сторон путешественников окружал лес. Между местом наблюдения и снежными горами проходила долина шириной около 6 или 8 миль, и гора, которая поднималась над этой долиной, казалась холмом умеренной высоты.

30-го наши люди вышли из леса и оказались милях в девяти к NO от кораблей. Они направились через плантации к морю и здесь заметили, что ни малейший клочок земли не остается необработанным.

Судя по их сообщению, едва ли можно еще лучше возделать эту страну или добиться, чтобы она давала больше припаса для здешних обитателей. Путешественники проходили мимо полей, покрытых сеном для предохранения молодых посадок тарро от чрезмерного иссушения. В селениях их встречали очень гостеприимно, каждый стремился развлечь наших людей, и островитяне прилагали все старания, чтобы подольше задержать у себя путешественников. Все эти селения от моря находились на расстоянии, не превышающем 4 или 5 миль. У одного из таких селений, расположенном примерно в 4 милях от бухты, наши люди подошли к углублению длиной около 40 футов, шириной фута три и такой же примерно глубины. Края этого углубления, казалось, были вырублены долотом и гладко отполированы, и, по всей видимости, это углубление возникло под действием земного огня.

Вечером партия вернулась на борт, весьма удовлетворенная поведением туземцев. Если бы ее вел какой-нибудь из вождей, она, несомненно, достигла бы снежных гор и не испытывала бы трудностей, вызванных недостатком воды.

Как бы мы ни восхваляли поведение наших таитянских друзей или в еще большей мере обитателей островов Дружбы, но нельзя не отметить, что мы никогда еще не отваживались проявить такое доверие, какое мы проявили по отношению к этому народу. И эта и другая партии не были под покровительством вождей, большая часть которых находилась на кораблях. У плотников с их орудиями, которые в глазах этих мастеров имели исключительную ценность, был один из слуг Као, и тем не менее они не только не

встретились с какими-либо осложнениями, но, напротив, все складывалось для них наилучшим образом. Из всего этого, а также и на основании других фактов мы можем заключить, что островитяне считали нас существами гораздо более совершенными, чем они сами. Простой люд здесь (а он в общем более беспокойный, чем знать) так рабски подчинен своим вождям, что вряд ли может отважиться на какие-либо затрагивающие нас действия, если к тому его не побудят хозяева, страсти и желания которых столь же велики, как и у любых их собратьев и как у нас самих.

5 февраля. Легкие ветры, и свежий ветер. Переменные **[459]** ветры. В полдень широта 19°33' N. Западная оконечность острова Оухихи была по пеленгу NtW 0,25 W, мыс в бухте Каракуа — по пеленгу SO 0,25 O, высокая земля на острове Моу'и — по пеленгу NW 0,75 W, находились в 4 милях от берега. У корабля много каноэ; припасов привезли так много, как будто это был первый день встречи с нами, так что нет опасности в прекращении доставки всего нам необходимого.

6 февраля. Очень неустойчивые ветры, и неустойчивая погода. В 4 часа п.п. западная оконечность Оухихи была по пеленгу NO 23° в 3 или 4 милях, мыс в бухте Каракакуа — по пеленгу SO 35°. Взяли мористее и шли на N большую часть ночи с легким бризом от суши. В 8 часов д.п. оконечности земли были по пеленгам NtO и NNO 0,5 O; южной оконечностью был самый западный мыс острова Оухихи, между этими двумя выступами берег образовывал далеко вдающийся в сушу залив. Мы полагали, что cNO он надежно защищен от ветров, и внутренняя его часть, по всей видимости, была удобна для якорной стоянки; это подтвердил также Као, который находился с нами. Он теперь сменил имя и величал себя Британией.

Мы спустили шлюпку, в которую сели штурман и Британия. К полудню ветры стали шквалистыми, и многочисленные

каноэ, прибывшие к кораблям, ушли к берегу. Оконечности острова, которые были видны в 8 часов, были теперь по пеленгам S 0,5 W и NtO 0,25 O, снежные горы — по пеленгу OtS 0,75 S и до берега было 5 или 6 миль. Хотя NO берега залива, который назывался бухтой Тоэяхйя [Кауаиаэ], казался зеленым и на вид был приятен, но лесов на нем не было и не усматривалось каких-либо признаков культуры, если не считать немногочисленных домов. Несомненно, это не свидетельствовало в пользу данной местности, и, очевидно, земля здесь не отвечала целям ее возделывания. Южный берег был скалистым и черным и больше напоминал земли у бухты Каракакуа.

7 февраля. В 2 часа п.п. свежие, чрезвычайно порывистые ветры от суши. Закрепили все паруса и шли под крюйс-стень-стакселем. Шлюпка вернулась с попутным для нее ветром в 4 часа и была поднята на борт. Подходящего для стоянки места найти не удалось, и пресной воды на берегу не было, ее пришлось бы доставлять из внутренней части острова. Возвращаясь к кораблю, наши люди имели удовольствие спасти старуху и двух мужчин. Их каноэ опрокинулось, когда они во время шквала шли к берегу, и все прочие островитяне были, как я полагаю, озабочены своей судьбой и так стремительно удирали от опасности, что не оказали помощи своим собратьям.

М-р Блай пытался спасти каноэ, но ветер был настолько крепким, что удалось выручить только людей. Британия, опасаясь, что мы обвиним его в обмане, предпочел не возвращаться на корабль. **[460]**

В 8 часов слегка утихло, поставили зарифленные марселя. В 12 часов очень крепкий ветер от NO. Разорвался фор-марсель. Затем ветер несколько стих, шли под марселями, подвязав остальные паруса. Западная часть острова была по пеленгу

SO 16°, снежные горы — по пеленгу SO 30°, NW мыс — по пеленгу NO 29°, находились в 4 лигах от берега.

Из-за превратностей погоды мы получили возможность проявить нашу гуманность и спасти в одном из каноэ женщин, которых их мужья бросили на произвол судьбы. Все они страдали от морской болезни и имели несчастный вид, и у некоторых дети остались на берегу. Они не проявляли ни малейшего страха к нам.

8 февраля. Ветер от NO; 4 часа противные ветры со шквалами. Оконечности острова были по пеленгам SO 5° и NO 20°, снежные горы по пеленгу SO 75° находились в 3 лигах от берега. Заметили каноэ, идущее к нам, и правильно заключили, что в недавнюю бурю оно было отнесено от берега в открытое море. Люди в нем связали себя веревкой; один из индейцев, бывший у нас на борту, заметил, что они вконец ослабли. Действительно, они настолько были истомлены и измучены, что без нашей помощи не смогли подойти к борту корабля. В каноэ находилось трое островитян — старик, мужчина средних лет и ребенок примерно четырехлетнего возраста. Ребенка они привязали к банке (thwarts). Берег они покинули вчера, и все это время ничего не ели и не пили. Женщины, которым мы передали ребенка, по неосторожности тут же накормили его до отвала и напоили, и от этого ему стало плохо. Мужчина совершенно обессилел и некоторое время не мог ни пить, ни есть. На следующий день все они были в добром здравии, только у ребенка местами сошла с лица кожа. Их каноэ мы подняли на борт.

В 8 часов п.п. крепкий ветер, в 6 часов д.п. то же. Обнаружили, что топ мачты треснул. Шли под глухо зарифленным фор-топселем. К полудню ветер несколько более умеренный, но противный. В полдень N оконечность острова была по пеленгу NtW 0,25 W, W оконечность — по

пеленгу StW, снежные горы — по пеленгу SOtO и ближайший берег находился на расстоянии 1 мили.

Обе накладки, которые мы поставили на топ мачты в заливе Кинг-Джордж, растрескались и пришли в такое состояние, что требовали обязательной замены. Я думаю, что эти накладки сделаны были из старого плавника, и, еще когда их ставили, насколько я припоминаю, на этот счет были кое-какие подозрения. После того как их наложили, стал провисать такелаж фок-мачты, и на это обратил внимание капитан.

Капитан с некоторых пор стал сомневаться, идти ли дальше к подветренным островам, чтобы отыскать там гавань, подобную бухте Каракакуа или возвратиться в эту бухту. Бухта эта была не **[461]** слишком удобной, и можно было найти лучшую и на ее берегах отыскать пресную воду. Было учтено и то обстоятельство, что сразу после выхода из бухты нам стали привозить куда меньше кореньев. Если свиней, за которых туземцы получали довольно много железа, они доставляли издалека, то коренья они не подвозили, поскольку последние быстро портились, да и давали мы за них лишь безделки. Таким образом, мы не могли пополнять здесь запасы кореньев. Следовало, как я полагал, учесть и риск, на который мы себя обрекли, покинув более или менее безопасное пристанище в надежде найти лучшую гавань. Теперь, не обнаружив такой гавани, мы встали перед неведомой дилеммой.

В 10 часов спустились фордевинд и пошли к бухте Каракакуа, проклиная и оплакивая нашу фок-мачту. Мы не оставляли мысли посетить и другие острова, хотя, как мы теперь полагали, для этого уже оставалось мало времени.

9 февраля. Весьма неустойчивые ветры, маловетрие. Пришли каноэ, и на них, а также на нашем баркасе все находящиеся

на борту индейцы были отправлены на берег. Многие из них, узнав, что мы возвращаемся в бухту, выразили желание остаться с нами.

В полдень оконечности острова были по пеленгам NtO и S 0,5 W, снежные горы по пеленгу OtS 0,25 S находились на расстоянии 4 лиг от берега.

10 февраля. Сперва ветры от W, затем переменные ветры и в конце дня ветры от O. Временами очень крепкий ветер и всю ночь шквалы. Перед полуднем умеренные ветры. В 1 час 30 мин. при сильном шквале оказались у бурунов к N от западной оконечности острова Оухихи. Отвернули в море и дали из .пушек несколько выстрелов, чтобы предупредить об опасности “Дискавери”. С “Дискавери” ответили залпом из пушек. В полдень бухта Каракакуа была по пеленгу OtN 0,5 N на расстоянии 3 или 4 миль.

11 февраля. В начале суток свежие ветры, облачно. В середине суток крепкий ветер со шквалами и дождем. В 7 часов п.п. повернули в 7 милях от бухты и в 1 миле от берега. На рассвете отдали якорь в бухте Каракакуа на глубине 24 саженей, став носом на NO на становой якорь. S оконечность бухты была по пеленгу S 0,25 O, северная — по пеленгу W. Отвязали паруса и спустили реи.

После полудня расснастили топы фок- и грот-мачты и подготовили две грота-стеньги, чтобы поднять их и использовать как временные стрелы.

12 февраля. Утром поставили стрелы и закрепили их, очистили носовой трюм, чтобы снять фок-мачту. После полудня подготовили тали для снятия мачты.

13 февраля. Сняли фок-мачту и перевезли ее на берег вместе с плотниками, а также переправили парусных мастеров и **[462]** паруса, нуждавшиеся в починке. Мы с м-ром Бейли

перевезли на берег обсерваторию и установили ее на мораэ, или о-хики-оу, в том месте, где были расположены два дома, сгоревшие в ночь накануне нашего ухода из бухты.

Там у самого мораэ стояла хижина, обращенная выходом к берегу, и мы выпросили ее у жрецов, чтобы поместить в ней парусных мастеров и плотников. Перед хижиной была разбита палатка для шести солдат и капрала; эту команду мы взяли для охраны мачты и обсерватории. Жрецы воткнули палочки у вершины мачты и близ палаток. Шпор мачты сильно подгнил, и в нем образовалась дыра, в которую свободно можно было вложить кокосовый орех. Хуже, однако, было то, что мачту пришлось укоротить. На берег привезли ствол красного дерева тоа, срубленного на острове Эймео для якорных штоков. Из этого дерева надо было изготовить новые накладки, заменив ими те, которые растрескались. Покончив с этими работами, я могу теперь вернуться к делам, связанным с туземцами.

Когда мы становились на якорь, к нам пришло очень мало туземцев. До некоторой степени это задело наше тщеславие, так как мы ожидали, что нас окружат со всех сторон и островитяне будут радоваться нашему приходу. И мы были очень удивлены, когда узнали, что до возвращения Териобу (который должен был вскоре нас посетить) на походы каноэ к нашим кораблям наложено табу.

Териобу явился этим утром, и вскоре вся бухта заполнилась индейцами. Корабли были окружены каноэ, нагруженными свиньями и разнообразными кореньями. Таково было положение дел в полдень 13-го.

После полудня джентльмен, который наблюдал за заготовкой воды для “Дискавери” (воду брали из колодца на другом конце берега), пришел ко мне и сообщил, что вождь мешает работать туземцам, которые помогали нашим людям,

получая за это плату. Этот джентльмен сказал также, что и вождь, и туземцы очень беспокойны, и попросил меня отрядить с ним одного солдата морской пехоты. Я послал с ним солдата, вооруженного только холодным оружием [with his side arms only]. Но вскоре м-р Холломби вернулся и сказал, что индейцы вооружились камнями и стали более дерзкими. Я, взяв с собой солдата, вооруженного мушкетом, направился туда. Индейцы, завидев нас, побросали своп камни, и после переговоров с вождями, которые там присутствовали, толпа рассеялась, а желающие остались на месте, чтобы помогать нашим людям наполнять бочки.

Я покинул м-ра Холломби, которого больше не обижали, и отправился встречать на берегу капитана. Я рассказал ему о том, что произошло, и он приказал мне при первом же брошенном камне или первой дерзкой выходке стрелять по виновникам **[463]** пулями. Я в свою очередь дал приказ капралу перезарядить у часовых ружья пулями вместо дроби.

Когда капитан осматривал работы плотников, а я был чем-то занят в обсерватории, до нас донеслись мушкетные выстрелы с “Дискавери”. Я заметил, что стреляли по каноэ, которое на гребках быстро шло к берегу, и вскоре мы увидели, что вдогонку с корабля был послан ялик.

Капитан позвал меня, и мы вышли, взяв с собой солдата, вооруженного мушкетом, и капрала. Мы хотели перехватить, если это окажется возможным, каноэ, так как оно шло к берегу. Мы не сомневались, что огонь был открыт в связи с какой-то кражей, и надеялись выручить похищенные вещи. Я опередил капитана и солдат, но каноэ достигло берега задолго до того, как я покрыл нужное расстояние. Я был так близко [от ялика], что услышал м-ра Ванкувера (юного джентльмена с “Дискавери”). Он указывал на берег, где, однако, огромная толпа так шумела, что я не расслышал его слов. Капитан, вместо того чтобы пройти ко мне или к ялику с

“Дискавери”, быстро побежал вдоль берега [в противоположном направлении], и я оставил всякие попытки приблизиться к м-ру Ванкуверу и выслушать, что он говорит, дабы не потерять из виду капитана. С большим трудом я догнал его. Подойдя к капитану, я спросил его, не слышал ли он каких-нибудь новостей о воре или похищенных вещах. Он ответил отрицательно и сказал, что вор где-то неподалеку. Мы шли до наступления темноты, и я полагаю, что от палатки удалились более чем на 3 мили, то и дело останавливаясь и расспрашивая о воре; капитан всем угрожал, что прикажет солдату стрелять, если этого человека не приведут. ,

При каждом движении солдата толпа отступала назад, но заметно было, что она начинала смеяться над нашими угрозами. Мы также заметили, что когда он [капитан], называемый туземцами Эроно, получал некоторые сведения, вся толпа отбегала на некоторое расстояние. Мы обратили внимание и на то, что большие группы туземцев собирались в разных местах. Идти дальше было уже поздно, и капитан сказал, что лучше возвратиться; я же полагал, что ничто нам не угрожает ни в малейшей степени. Туземцы провели нас другой дорогой, проходившей дальше от моря, и, как мы позже сообразили, сделали это умышленно.

Когда мы пришли в палатку, рулевой капитанского баркаса сказал капитану, что он, видя, как мы побежали вдоль берега и ялик с “Дискавери” преследует каноэ, отправился на помощь и ввязался в драку, зачинщиком которой был Пареа. В драке все были избиты и весла сломаны. Только и осталось одно целое весло и обломок другого весла. Капитана чрезвычайно рассердило безрассудство рулевого, который взялся помогать другим, не позаботившись взять в шлюпку оружие. **[464]**

Я отправился с капитаном на борт, чтобы поставить припарки на болезненную опухоль, которая образовалась у меня на груди. Недавняя беготня к добру не привела.

Поднявшись на борт, капитан выразил сожаление в связи с тем, что поведение индейцев вынуждает его применить силу. Он сказал, что в этом случае они не должны надеяться на то, что смогут над нами одержать верх. Всех женщин и других пришельцев он приказал убрать с корабля. Когда я получал указания от капитана перед тем, как отправиться на берег, он дал мне приказ по пути зайти на "Дискавери" и узнать от м-ра Эдгара (штурмана), который был в ялике, о подробностях происшествия, и, так как утром я должен был вернуться на борт, чтобы доставить хронометр, капитан через меня мог бы узнать обо всем, что мне довелось услышать.

От м-ра Эдгара и м-ра Ванкувера я узнал следующее: каноэ, которое они преследовали, подошло к берегу несколько раньше ялика, но наши люди видели, что в другое каноэ были переданы [украденные] клещи и крышка от бочки с солониной и с этого каноэ то и другое было передано м-ру Эдгару. Наши люди были полностью удовлетворены, получив эти вещи, и собирались возвратиться на корабль, но в это время увидели баркас с "Резолюшн", который направлялся к ним, и заметили, что капитан Кук, я и вооруженный солдат побежали вдоль берега. Тогда они решили, что им следует захватить то каноэ, в котором находились похитители указанных вещей, и доставить этих людей на борт. Каноэ шло теперь к выходу из бухты, и преследовал его теперь баркас с "Резолюшн". Чтобы уйти от погони, туземцы выпрыгнули из каноэ и поплыли к берегу. М-р Ванкувер сел в каноэ, а в это время Пареа, которому это каноэ принадлежало и который только что прибыл с корабля, чтобы принять участие в вызволении похищенных вещей, также забрался в каноэ и направил его к берегу, а затем он стал отнимать у наших людей весла. М-р Эдгар попытался выдернуть у него весло из

рук. Тогда Пареа набросился на м-ра Эдгара и так зажал его, что м-р Эдгар не смог пошевелиться. Видя, однако, что на выручку м-ра Эдгара бросаются наши люди, Пареа оставил его и устремился к баркасу, где получил от одного из матросов веслом по голове. Мгновенно на наших людей обрушился град камней, и они были вынуждены выпрыгнуть из баркаса и вплавь добираться до прибрежной скалы.

Индейцы быстро выбросили из баркаса все, что попалось им под руки, и принялись избивать Эдгара и Ванкувера, но Пареа остановил нападающих и дал возможность обоим нашим людям отойти и взять с собой оставшиеся весла с баркаса и некоторые вещи. Однако, когда Пареа ушел, толпа сбила с ног Ванкувера и принялась стягивать с него одежду и одновременно попыталась вырвать на баркасе рим-болты. Появление Пареа положило конец **[465]** этим событиям. Пареа жаловался на то, что ему ушибли голову, и спрашивал, можно ли ему завтра явиться на борт, на что ему ответили утвердительно. После этого он отправился на каноэ в Коуруа — селение на северном мысе, где жил король.

Я направился на берег и приказал часовым вызвать меня, если они заметят на любой дистанции от обсерватории прячущихся индейцев. В том же случае, если индейцы подойдут так близко, что не будет сомнений в их дурных намерениях, часовые могут стрелять без особых распоряжений.

В 10 часов нас побеспокоили пятеро индейцев, которые проползли вокруг мораэ, но они были очень осторожны и изменили свой маршрут. Я сказал часовому, чтобы он стрелял метко по первому же человеку, который подойдет к холму. Около полуночи кто-то подошел к обсерватории, часовой дал выстрел, но туземец убежал, и, хотя солдат затем палил вслед, никакого вреда он ему не причинил. До утра нас больше никто не тревожил.

14 февраля. На рассвете я направился на борт. По пути меня окликнули с “Дискавери” и сообщили, что ночью украли ялик, перерезав буй-реп, к которому он был пришвартован.

На борту “Резолюшн” все были вооружены, и капитан зарядил свою двустволку. Когда я стал ему говорить о ночных происшествиях, он прервал меня и сказал, что не из-за этого люди вооружились. Все эти боевые приготовления были предприняты вследствие похищения ялика с “Дискавери”. Я спросил капитана, надо ли мне возвращаться с хронометром на берег или он меня использует для другой цели. Он ответил, что я должен отвезти хронометр на берег, быть там с моей командой и собрать вместе всех наших людей.

Пока я был на борту, из пушек дали несколько выстрелов по большим каноэ, которые вышли в море, с тем чтобы они возвратились к берегу. Шлюпки с вооруженными людьми были поспешно отправлены, чтобы не дать каноэ выйти из бухты, и такие же меры были предприняты на “Дискавери”. Капитан Клерк был на борту “Резолюшн”, он прибыл, чтобы известить о краже ялика, но чувствовал себя плохо и не мог пойти на берег к Териобу и потребовать, чтобы ялик нашли и доставили к борту. Поэтому капитан Кук сам направился туда. Он отбыл на баркасе с м-ром Филипсом, м-ром Робертсом и солдатами морской пехоты, а я отправился на берег на ялботе, взяв с собой хронометр. Капитан сказал, чтобы я успокоил индейцев, заверив их, что мы не причиним им вреда. Затем он отправился в Коуруа, а я пошел к нашим палаткам. Полагаю, что было это между 6 и 7 часами.

На берегу я прежде всего позаботился отдать солдатам морской пехоты строгий приказ оставаться с ружьями в руках в палатках и зарядить их пулями. Капрал попросил разрешения для пробы выстрелить из заряженного пулями ружья, но я ему этого **[466]** не разрешил, опасаясь, что

выстрел вызовет тревогу на кораблях и шлюпках, где сочтут, что нам требуется помощь.

Затем я отправился к старому Као и к жрецам и как мог объяснил им, что капитан Кук сердится на тех, кто украл ялик, и что ни самому Као, ни его людям, ни всем живущим у нашего селения по эту сторону бухты мы не причиним никакого вреда. Я попросил Као, чтобы он убедил народ не тревожиться и вести себя спокойно и мирно. Он очень искренне спросил меня, не пострадает ли Териобу, и я ответил, что нет и что Эроно (то есть капитан) отправился к Териобу, чтобы убедить его вернуть ялик. Мои объяснения Као и всем другим [жрецам] пришлись по душе. Я одновременно узнал, что Териобу очень сердит на жрецов за то, что они отвели для нас участок на территории мораэ.

Некоторое время я пробыл затем в обсерватории, готовясь к наблюдению равных высот, и поэтому не видел, что происходило в бухте, и знал только, что наши шлюпки рассеялись в ней в погоне за каноэ. Вскоре, однако, мушкетные выстрелы в Коуруа — селении, куда отправился капитан, так взбудоражили и встревожили нас, что мы не могли продолжать наблюдение.

Огонь прекратился после того, как отгремели мушкеты и был дан залп из больших пушек на “Резолюшн”. Но затем две четырехфунтовые пушки с борта “Дискавери” выстрелили по толпе, которая скопилась у стен, отмечающих границу участка, объявленного табу, и это был случай, когда промах оказал наилучшее воздействие из всех возможных. Первым выстрелом была поражена ниже кроны кокосовая пальма, второй выстрел был дан с занижением, и ядро ударило в скалы, оставив на них прямую борозду, но индейцы, естественно, тут же рассеялись.

Огонь с нашей стороны меня крайне огорчил: ведь не прошло и 10 минут с тех пор, как я убеждал островитян успокоиться, и их не следовало трогать, тем более что здесь по большей части собрались женщины и дети, основная же масса народа ушла к холмам селения Коуруа. Чтобы предотвратить эти ошибочные действия, я послал человека к капитану Клерку (его корабль стоял ближе, чем “Резолюшн”) и попросил, чтобы мне прислали гюйс и вымпел. Я объяснил, что огонь надо будет открывать только в том случае, если эти знаки будут мной подняты, и гюйс будет означать, что стрелять следует вправо, а вымпел укажет на необходимость дать залп влево. Моя шлюпка не вернулась. Между кораблями курсировали шлюпки, огонь прекратился, и примерно десять минут или четверть часа мы терзались и томились самым тяжким образом. Никогда в жизни я так не волновался, как в тот момент, когда увидел, что к берегу подходит ялик, в котором к нам направлялся м-р Блай. Еще не доходя до берега, он крикнул мне, что надо немедленно снять обсерваторию, и, прежде чем он сообщил мне страшную весть о гибели капитана, я заметил, как **[467]** горестно было его лицо и лица матросов, сидящих в ялике. Он мог только сообщить, что капитан и несколько солдат морской пехоты убиты и тела их остались во власти индейцев. Как можно скорее мы известили об этом Кайрикеа. Он прежде всего спросил, правда ли это, и сперва делал вид, будто не верит нашим сообщениям, но мы заверили его, что на его безопасность никто не посягнет, и посоветовали ему пригласить Као в большой дом, расположенный близ мораэ, куда они оба затем и явились.

М-р Блай, известив меня о печальнейшем событии, передал приказ свернуть обсерваторию, но оставить на прежнем месте плотников, занятых ремонтом мачты. Мы сосредоточили нашу небольшую команду на мораэ, которое, как уже выше упоминалось, представляло собой искусственный холм, или

каменную насыпь, очень удобную для обороны против туземцев. Они, надев на себя [защитные одежды] из циновок, уже начали собираться, и их число быстро возрастало.

Однако эта позиция была не слишком сильной: ведь мы разорили палисад высотой около 4 футов из толстых, поставленных впритык друг к другу столбов, и нас теперь ничто не защищало от камней.

Я отправился с хронометром на "Дискавери", оставив на берегу м-ра Блая, и едва успел подняться на борт, как услышал несколько мушкетных выстрелов. Я немедленно направился на берег, и капитан [Клерк] сказал мне, что он намерен держать на берегу сильную команду для охраны наших плотников. Высадившись на берегу, мы разогнали дерзких парней, которые под прикрытием скал пробирались к местам, откуда можно было неожиданно атаковать мораэ. Убедившись, что было бы очень трудно на этой позиции обеспечить охрану плотников и мачты, особенно в ночное время, мы отдали новый приказ: плотники должны были покинуть это место, а вслед за ними уйти отсюда следовало и нам. Для этого нам были предоставлены все шлюпки и большая часть людей с обоих кораблей, а также команда морской пехоты во главе с м-ром Филипсом (он не захотел оставаться на борту, хотя потерял много крови от раны, полученной в Коуруа). Наши приготовления были столь внушительными, что со стороны туземцев не предпринимались [серьезные] попытки атаковать нас, хотя нас забрасывали камнями, на что мы, после того как число наших людей на берегу сократилось, особого внимания не обращали. Туземцы, кидая в нас камни, сразу же рассеивались и прятались за каменные стены, так что при стрельбе мы в большинстве случаев давали промахи. Тем не менее в этой битве наши люди, прежде чем они остыли настолько, что стали подчиняться приказам, убили восемь

индейцев. Один из солдат, ушибленный камнем, вышел из строя. [468]

В дальнейшем на нас больше не нападали. Объяснялось это тем, что мы послали одного из наших друзей-жрецов к толпе и поручили ему передать туземцам, что, если они перестанут кидать в нас камни, мы прекратим стрельбу. Тем временем мы все доставили с берега на борт и отступили к шлюпкам. После того как мы оставили мораэ, туземцы завладели им и оттуда бросили в нас несколько камней.

Если бы мы дружно разрядили по ним наши мушкеты, погибло бы много островитян, но ряд соображений удерживал меня от этого. После того как мы передали туземцам наше пожелание, они вели себя в общем тихо и камней кидали мало. Кроме того, я не хотел тратить наши боевые припасы. Находясь в мораэ, я осмотрел все ружья и приказал их зарядить двумя пулями; я считал, что разумнее эти заряды сберечь, учитывая, что большинство наших людей очень недисциплинированно и что кремни в мушкетах очень скверные. Могло случиться, что второй залп оказался бы крайне недружным. Но более всего побуждало меня [к сдержанности] то обстоятельство, что у селения Коуруа были видны толпы туземцев, в том месте, где погиб капитан, а у корабля сновало множество каноэ, и число их все время возрастало. Я полагал, что, после того как мачта и плотники будут доставлены на борт и все наши люди, вооруженные мушкетами, будут посажены в шлюпки, у капитана Клерка явится необходимость дать нам приказ рассеять каноэ или атаковать туземцев на берегу, а они после одержанных ими побед, несомненно, были настроены дерзко. Я считал, что, открыв боевые действия, мы могли бы получить тела капитана и наших солдат.

Однако, прибыв на борт “Дискавери” в 11 час. 30 мин., я обнаружил, что план дальнейших действий еще не

выработан. Только спустя некоторое время один офицер выдвинул предложение, которое сочтено было приемлемым. Он посоветовал пригласить туземцев для переговоров и потребовать у них выдачи тела капитана, а мы решительно все этого желали. Предполагалось, что на это туземцы охотно пойдут, чтобы избавить себя от нашего огнестрельного оружия. Человек, предложивший этот план, готов был взять на себя его осуществление, но, поскольку было высказано мнение, что туземцы знают меня лучше, чем этого джентльмена, и, по всей вероятности, испытывают ко мне большее доверие, приказали вступить в переговоры мне. Решение было принято примерно в 1 час дня. Капитан и офицеры отправились на “Резолюшн”, и там мы все занялись установкой мачты. Эта работа и краткий отдых заняли время до 4 часов дня, а затем, основательно вооружившись, мы направились на шлюпках к берегу. Я должен был идти на ялботе впереди прочих шлюпок, подняв белый флаг, и начать переговоры. Таковы были данные мне особые распоряжения. В случае, если бы туземцы отказались выдать тело, я должен был им **[469]** пригрозить [репрессиями], но мне запрещалось открывать по ним огонь, если только они не нападут на меня первыми. В любом случае, даже если меня атакуют, я обязан был высадиться на берег.

Когда мы были на полпути к берегу, в нас кинули два камня, но они до шлюпок не долетели. Я на ялботе пошел вперед под белым флагом, и сразу же на берегу раздался радостный крик. Люди, возвращавшиеся с холмов, сбросили с себя защитные циновки, положили оружие и сели. На берегу, не проявляя враждебности, нас ждала толпа, состоявшая из мужчин и женщин.

Эти дружественные проявления дали мне основания полагать, что моя миссия окажется успешной. В этом я особенно уверился, когда Коа, сам себе присвоивший имя Британия, с белым куском материи добрался вплавь до моего

ялбота. Он приветствовал меня со слезами на глазах. В руках он держал пахоа (кинжал), и, так как я этому человеку не доверял, я отводил от себя острие этого оружия, когда он заключил меня в объятия. Он стал выпрашивать у меня кусок железа и с радостным выражением что-то начал кричать людям, собравшимся на берегу, а затем поплыл туда, заверив меня, что сразу же доставит тело [капитана]. Ожидая его, мы сидели как на иголках, но постепенно наши надежды уменьшились. Тем временем шлюпки с вооруженными людьми также приблизились к берегу, и матросы, вступив в беседу с туземцами, ясно поняли из их объяснений, что тело капитана разрезано на части и унесено куда-то далеко. Я понял, что туземцы говорят правду и что их, видимо, устраивает сделка с нами. Те, кто был вблизи от нас, убеждали меня сойти на берег и отправиться к Териобу, чтобы получить тело. Мало того, чтобы соблазнить меня этими предложениями, они привели на берег вождей. Желая якобы установить со мной более тесный контакт, они пытались завлечь мой ялбот ближе к скалам, чтобы отрезать его затем от наших шлюпок. Впрочем, не стоило труда разгадать эти нехитрые намерения. Их поступки склоняли меня к тому, чтобы прервать под благовидным предлогом наши мирные переговоры. Однако сделать это надо было так, чтобы не вызвать дурных последствий. Видно было, что туземцы питали совершенное доверие к нашему белому флагу и общались с нами, сложив свое оружие.

После всех этих размышлений явился один вождь, который состоял в дружбе с капитаном Клерком и офицерами “Дискавери” (на этом корабле он одно время находился, желая совершить переход на остров Моу'и). Вождь этот явно обрадовался, увидев м-ра Ванкувера — юного джентльмена, находившегося в моем ялботе, который понимал язык туземцев, и сказал нам, что он пришел от Териобу, чтобы

сообщить, что тело уже в пути и его перенесли через холмы, но доставлено сюда оно будет только завтра утром. **[470]**

Его поведение казалось очень искренним, и, когда его спросили, не лжет ли он, он сцепил указательные пальцы, а это у островитян знак, которым подтверждается, что они говорят правду. Я толком не знал, как следует поступать дальше, и послал м-ра Ванкувера к капитану Клерку, чтобы он сообщил ему обо всем, что здесь произошло, и передал, что, по моему мнению, туземцы ведут себя не искренне и не сожалеют о случившемся, а держатся так, как люди, чувствующие, что они обеспечили себе определенные преимущества.

М-р Ванкувер возвратился с приказом, согласно которому я должен был вернуться на борт, предварительно поставив туземцев в известность, что, если тело не возвратят завтра утром, селение и его жители будут уничтожены.

Когда мы шли к кораблю, один туземец, стоявший на высокой скале, имел наглость показать нам свою заднюю часть и делал прочие презрительные жесты. Я был зол на туземцев и выстрелил бы по этому человеку из мушкета, если бы меня не остановил м-р Барни. Он сказал, что мы не имеем права сводить на нет все, что нами сделано, из-за дерзости одного человека. Я уступил, но надо отметить, что больше подобных знаков пренебрежения я не видел. Мы вернулись на борт, и мое мягкое поведение, как я полагаю, лишь укрепило наш дух. Мужество у этого, так же как и у других нецивилизованных народов, ценится превыше всего, и несомненно, наше поведение создало у островитян наилучшие представления о нас.

Мне теперь предоставился досуг для подробного изложения всех обстоятельств гибели капитана. Он высадился в Коуруа (селение на северном берегу) [Кавалоа — см. схему] с м-ром

Филипсом, сержантом и девятью солдатами морской пехоты, оставив близ места высадки баркас и ялик. Они прошли к хижине короля, так как капитан намерен был, для того чтобы обеспечить возвращение похищенного ялика, препроводить Териобу на корабль. М-р Филипс вошел в хижину, разбудил Териобу и сказал ему, что Эроно [Лоно] находится здесь. Териобу вышел из хижины, и, когда капитан Кук попросил его, как это он делал обычно, отправиться с ним на борт, король немедленно согласился и пошел к шлюпке. По пути он встретился с одной старухой и какими-то вождями, и они (подозревая недоброе, ибо видели, что наши люди вооружены и все дело приняло совсем не такой оборот, как это бывает обычно) стали его отговаривать от намерения идти [на корабль] и, заметив, что капитан настаивает, резко воспротивились этому. Капитан, все еще нетерпеливо желающий осуществить свое намерение, предпринял все возможное, чтобы заставить этих людей уступить ему. Те упорно отказывались подчиниться капитану, и разгорелся спор, причем один из туземцев повел себя очень дерзко и пренебрежительно. Капитан Кук, увидев, что близ него стоит человек **[471]** с камнем в руках, потребовал, чтобы тот бросил камень, но этот туземец не только не послушался его, но и сделал жест, как бы собираясь метнуть в капитана камень. Тогда капитан дал по нему холостой выстрел из своей двустволки; второй ее ствол был заряжен пулей. Туземец сперва немного испугался, но, видя, что выстрел не причинил ему вреда, еще более осмелел, и тогда капитан выстрелил вторично, но пуля миновала обидчика и поразила насмерть другого туземца. Этот выстрел напугал молодого сына Териобу, который, поджидая отца, сидел в баркасе. (В баркасе оставался м-р Роберте.) Юный островитянин отпросился на берег и был отпущен.

В это время м-р Филипс заметил, что туземцы стали вооружаться. У тех, кто окружал капитана (а в этом месте

собрались главным образом вожди), были в руках железные кинжалы, добытые у нас. М-р Филипс обратил внимание на то, что местность у берега была каменистая с множеством луж и скользкой почвой, и посоветовал капитану отвести солдат к самому морю. Так было сделано, и солдаты выстроились на берегу лицом к селению и спиной к воде.

Капитан уже понял, что без кровопролития увести отсюда короля будет нельзя, и он сказал об этом м-ру Филипсу. Одновременно, несколько продвинувшись к берегу, он выразил м-ру Филипсу опасения за нас, заметив, что у меня слабая команда. Сказал он это потому, что услышал выстрелы, и решил, что доносятся они от нас и что на обсерваторию совершено нападение.

На самом же деле из мушкетов стреляла партия м-ра Рикмена, которая на шлюпках преследовала в южной части бухты туземные каноэ. Этими выстрелами был убит очень важный вождь по имени Моэнима. Тогда один юный вождь, хорошо нам известный, подошел к кораблям и стал говорить об этом убийстве как о злодействе. К его словам отнеслись с насмешкой. Он повторил свою речь на баркасе, а затем сошел на берег, чтобы ознакомить с этой новостью капитана Кука, который его подробно обо всем расспросил. Было замечено, что, как только этот вождь высадился на берег, индейцы пришли в большое возбуждение и разъярились, они стали вооружаться всем, что им попадалось под руку, а женщины и дети были удалены. В этот момент капитан с м-ром Филипсом спускался к морю и от выпадов туземцев отбивался прикладом, но также выстрелил из ружья (на этот счет имеющиеся сообщения расходятся). Некоторые говорят, что он отдал приказ солдатам морской пехоты стрелять и что за этим последовала стрельба со шлюпок. Другие утверждают, что первыми начали стрелять люди в шлюпках, так как там заметили, что индейцы обходят солдат морской пехоты с тыла и готовятся на них напасть с кинжалами; поэтому из

шлюпок открыли стрельбу без приказа. Как бы то ни было, но капитан призвал наших людей прекратить стрельбу в **[472]** направился к шлюпкам, чтобы как можно скорее отчалить от берега. Этот гуманный акт, быть может, и оказался фатальным для него. Туземцы, которые после выстрелов со шлюпок несколько подались назад, увидев, что стрельба прекратилась, надвинулись в большом количестве и со всех сторон стали бросать камни.

Необходимо было применить силу, и м-р Филипс приказал солдатам стрелять; часть солдат выполнила приказ, после чего индейцы набросились на них с великой яростью, опрокинули их л потащили к воде. Оружие теперь оказалось бесполезным. Те, кто умел плавать, добирались до шлюпок, другим здесь же разбивали головы.

Капитан Кук в это время был справа от м-ра Филипса и сержанта. М-р Филипс был сбит с ног и получил удар кинжалом в спину, затем нападающий отошел, чтобы нанести новый удар, но м-р Филипс немного оправился, встал на колени и выстрелом в упор поразил туземца насмерть [332].

Это счастливое обстоятельство вынудило туземцев отступить и дало м-ру Филипсу возможность прорваться к шлюпкам. Туда же поспешил капитан Кук, и он уже был у самой воды, когда один вождь ударил его в шею и плечо острой железной палкой [with iron spike], капитан упал лицом в воду. Индейцы кинулись к нему с громким криком, сотни их окружили тело, добивая упавшего кинжалами и дубинами.

При этом они терпели немалый урон, так как многих сразили выстрелы со шлюпок; и человек, который ударил капитана, был убит [333]. Сержант и офицер избежали гибели, добравшись до шлюпок вплавь. С нашей стороны кроме капитана Кука погибли капрал и три солдата морской пехоты. Один солдат был тяжело ранен в глаз, и он настолько

был плох, что, несомненно, утонул бы, если бы добравшийся до баркаса м-р Филипс не заметил его [334]. М-р Филипс прыгнул в воду и доставил раненого на баркас. Шлюпки вынуждены были отойти от берега на безопасное расстояние, так как туземцы продолжали кидать камни, а поскольку боевые припасы были исчерпаны, пришлось возвратиться к кораблям, откуда были даны выстрелы из нескольких больших пушек.

Когда шлюпки отходили от берега, к ним на помощь, услышав выстрелы, подошел на ялике м-р Леньон. Ему было приказано вести по берегу огонь, и он открыл стрельбу с дистанции 30 ярдов. Он видел мертвые тела, наполовину выступающие из воды, и немногие туземцы решались к этим телам приблизиться, поскольку их отпугивали выстрелы м-р Леньона и стрельба из пушек. Люди, бывшие с м-ром Леньоном, три или четыре раза перезаряжали ружья, а затем ялик отозвали, и с этого времени (было это в 8 или 9 часов) все внимание обратилось на нас, о чем я уже сообщал выше. **[473]**

По общему мнению, тело капитана, или то, что от него осталось, надо было получить [у островитян], но никаких шагов для этого не предпринималось, во всяком случае таких, которые следовало предпринять. Предложения были различные, но, к несчастью, человек, который должен был принять окончательное решение, был из-за своего болезненного состояния настолько слаб, что не мог действовать по собственному почину и лишь выслушивал мнения других лиц. Между тем одна партия считала, что нужно подвести корабли к селению и приготовиться к решительной экзекуции в том случае, если туземцы не сдержат своего слова; другие же придерживались более мягких мер, считая, что так надо вести себя, пока не будет отремонтирована мачта и корабли не окажутся в готовности вступить под паруса. Тогда-то, говорили они, и надо будет как

следует расправиться с островитянами. Третьи считали, что необходимо принять все меры для сохранения дружбы: ущерб, который мы претерпели, все равно невосполним, и дело это прошлое, и надо принять во внимание прежнее доброе и мягкое поведение островитян и то обстоятельство, что действовали они не по заранее обдуманному намерению, и разрыв между нами и туземцами произошел в силу несчастливо сложившихся обстоятельств. Да и, кроме того, мы нуждались в свежих припасах и воде.

Люди, придерживавшиеся крайних мер, совершенно напрасно приводили сторонникам третьего решения следующие доводы: дескать, одержав верх, туземцы преисполнились презрением к нам, а поэтому, по мере того как мы будем предпринимать все новые и новые действия, чтобы восстановить былую дружбу, они будут держать себя все более и более дерзко, и мы станем предметом их насмешек. Далее добавлялось, что мы добьемся [мягкими мерами] не возможности пополнить запасы, а еще более серьезных нападений, причем туземцы могут настолько ободриться, что атакуют наши корабли.

Приверженцам второго плана внушалось, что негуманно возбуждать у туземцев доверие, демонстрируя им наши мирные намерения, с тем чтобы потом убивать этих людей, и что туземцы, которые охотно могут простить все обиды, причиненные им под горячую руку, никогда не забудут преднамеренной жестокости.

Ни одно из этих трех мнений не одержало верх, и мы действовали по воле обстоятельств. На следующее утро явился Британия с куском материи и поросенком, которые как знаки мира предназначались мне (так уж получилось, что туземцы принимали меня за сына покойного капитана, и он сам при жизни допускал такое толкование, а я, естественно, гордился этим “родством” и от него не отказывался, а

поэтому теперь, после смерти нашего вождя, островитяне считали меня его преемником). Я, однако, отказался от приношения, так как ясно видел, что этот лицемерный пес **[474]** пришел к нам как шпион, чтобы высмотреть, чем мы заняты, и принести нелепые извинения за то, что тело не доставлено [в срок]. Но хотя я отверг дар этого человека, капитан счел за благо не пренебрегать мирными приношениями и взять их.

Британия настойчиво приглашал на берег капитана Клерка и меня, а затем нас покинул. Поскольку туземцы, несомненно, нарушили перемирие, у нас разгорелся спор о дальнейших действиях, и решено было, что ничего не должно препятствовать работам по установке мачты и что следует выждать, пока нам возвратят тело.

На том месте, где был убит капитан, собралась большая толпа, и там туземцы били в раковины, проявляя явные признаки враждебных намерений. Британия не раз появлялся у борта с мелкими подарками, стараясь обмануть нас и понаблюдать за нами.

Положение складывалось так, что мы снялись со станового якоря, чтобы в любой момент в случае нападения на нас можно было вывести корабли на траверз селения. Чтобы разузнать, не собираются ли каноэ [для атаки], была послана на разведку шлюпка. Баркас был пришвартован к борт-рею, караульная шлюпка все время ходила вокруг корабля, и к тросам была выставлена охрана.

Примерно в 8 часов вечера к кораблю подошло каноэ. Было очень темно, и часовые, заметив каноэ, сразу же открыли по нему огонь. Два туземца стали вызывать Тинни [то есть Кинга], утверждая, что они явились как друзья и желают что-то мне сказать о капитане. Я в этот момент был на палубе, и мы прекратили стрельбу, причем все обошлось для туземцев

счастливо: наши выстрелы не задели их, хотя две пули угодили в каноэ. Однако они были крайне испуганы и бросились нам в ноги. Один из них был нашим большим другом и часто бывал в наших палатках. Он играл главную роль во всех жреческих церемониях и постоянно с жезлом в руках сопровождал капитана Кука, когда тот бывал на берегу; он шел впереди и заставлял всех встречных туземцев простираться ниц перед капитаном. Впрочем, капитана он сопровождал скорее в качестве слуги, чем какой-то значительной особы.

Выше уже не раз отмечалось, что братство жрецов оказывало капитану исключительные и лишенные корыстных намерений почести, и мы, жившие на берегу, неизменно замечали в поведении жрецов известное недовольство, проявляемое по отношению к Териобу, хотя, общаясь с ним, они старательно придерживались заведенного ритуала. Однако жрецы не скрывали от нас своей ненависти ко многим вождям из окружения Териобу, хотя перед ними и не высказывали ее открыто.

Пришедший к нам собрат жрецов, ободрившись и пролив обильные слезы по Эроно, сказал нам, что он принес часть тела капитана. Держал он ее под мышкой в свертке. **[475]**

Легче вообразить себе, чем описать тот ужас, который охватил нас, когда, развернув сверток, мы увидели кусок мяса — часть человеческого бедра. Человек этот сказал, что это все, что ему удалось сохранить, так как тело капитана было разрезано на куски и сожжено. Однако голова, кости и все прочее, что не относилось к туловищу, было передано Териобу и другим вождям, а та часть тела, которая лежала перед нами, предназначалась для Као (как мы полагали, он должен был произвести над ней какие-то религиозные церемонии). Као и послал ее нам, поскольку мы изъявляли горячее желание получить тело.

Человек этот признался нам, что, если до сведения короля дошло бы, что жрецы передали нам эту часть тела, их всех убили бы, именно поэтому он явился к нам, когда стемнело. Мы не смогли его убедить остаться у нас на ночь; на наши уговоры он отвечал: неужели мы хотим, чтобы его схватили и убили. Он сказал, что нельзя доверять Коа (Британии) и что Териобу и все [его] люди — наши жестокие враги, и они одержимы яростью. Он всеми способами уговаривал меня не высаживаться на берег, ибо островитяне не только хотят убить меня, полагая, что я стал вождем, но главным образом думают о том, как бы одолеть нас в бою.

Мы спросили его, помешают ли нам брать воду (а она была в той стороне, где жили жрецы), и он ответил, что хотя жрецы и не могут нас поддержать, но сами они нас беспокоить не будут (В этом месте, по справедливому замечанию Дж. Биглехола, синтаксис Кинга совершенно растерзан. Можно лишь уловить общий смысл фразы, которая в оригинале звучит так: we ask'd him if they would molest us in getting water which was on their side; he said they would, that although they could not espouse our case, yet they would'not themselves molest us. — *Прим. пер.*).

Покидая нас, он проявил разумную осторожность и попросил, чтобы наша караульная шлюпка шла за ним, пока он не минует “Дискавери”, чтобы с этого корабля не открыли огонь. Беспокоился он не только потому, что подвергался опасности обстрела: выстрелы с “Дискавери” могли привлечь внимание островитян к его каноэ в то время, когда оно шло к берегу.

Мы прежде никогда не пренебрегали возможностью узнать, были ли эти островитяне каннибалами. Им часто задавали наводящие вопросы, когда шла речь о здешних способах погребения покойников, и на эти вопросы неизменно следовал ответ, что тела разрезаются на части и сжигаются. В

конце концов мы прямо спросили их, не поедают ли они в некоторых случаях мертвые тела, но сама мысль об этом вызвала у них возмущение. Таким образом, все наши опросы довольно основательно убедили нас, что эти люди не были каннибалами. Они же нам задавали очень странный вопрос: вернется ли Эроно, и спрашивали об этом **[476]** многие, интересуясь, как Эроно с ними поступит после своего возвращения.

Оба островитянина, [побывавши у нас], говорили мне, что в Коуруа было убито 17 человек, в том числе пять именитых вождей. Погибли Канина и его брат — наши добрые друзья. У обсерватории было убито восемь человек, и трое из них принадлежали к числу знатных людей.

Мы наметили следующий план действий: обеспечить корабли водой, и для этого отверповать “Дискавери” ближе к берегу, так, чтобы можно было обеспечить безопасность нашей партии, заготовляющей воду, и по-прежнему требовать возвращения тела. Если не удастся восстановить мир, смирить наше негодование до той поры, пока мы не будем готовы к выходу в море.

Соответственно 16-го партия под командой новопроизведенного лейтенанта Херви была послана на берег, другая партия была направлена на берег с “Дискавери”.

Утром туземцы снова били в раковины (а от жрецов, посетивших нас ночью, мы узнали, что это сигнал к вызову на бой); множество каноэ вышло из бухты, и на них было большое количество людей, как я полагаю, удовлетворенных своей отвагой и возможностью выразить нам свое презрение. И каноэ, и люди уходили из бухты ежечасно, и было ясно, что в случае, если бы нас обуял дух возмездия, нам пришлось бы проявить его, уничтожив жалкие хижины и немногих людей, оставшихся в селении.

Хотя численность туземцев на берегу значительно уменьшилась, примерно в 1 час дня один человек набрался мужества, и, подойдя почти на расстояние ружейного выстрела к кораблю, помахал в знак вызова шляпой капитана Кука, и [швырнул в нашу сторону] несколько больших камней. Островитяне, собравшиеся на северном берегу, возбуждали и подогревали его смелые действия.

Люди на борту были невероятно раздражены этим и скопом явились к капитану, требуя, чтобы он дал им возможность покарать эту дерзость.

Узнав от меня о действиях индейцев, капитан приказал выстрелить из нескольких пушек по толпе, собравшейся на берегу. Было сделано два выстрела по тому месту, где, судя по каким-то шевелениям, спрятались туземцы. При первом выстреле был недолет, но вторым срезало кокосовую пальму, под которой укрывались туземцы, и они стали быстро разбегаться. Сперва флаги перемирия были спущены в одном или двух местах, но после того как были даны четыре выстрела по разбегающейся толпе, несколько флагов появилось и на берегу.

Вскоре Британия и человек, который всегда сопровождал Териобу и носил за ним кортик, данный королю капитаном Куком, явились с просьбой о мире. Они утверждали, что на берегу **[477]** находятся наши друзья, и заверяли нас, что не допустят больше никаких оскорбительных для нас действий, поскольку все напуганы пушками. Они сказали, что мы убили Майха-Майху [Камеамеа]. Но на их языке слова “убить”, “ранить” и “причинить боль” звучат одинаково, и позже мы узнали, что Майха-Майха был ранен в лицо пулей, которая рикошетом отскочила от камня.

В месте, где мы брали воду, нам было оказано лишь слабое сопротивление, хотя какие-то бродяги и пытались помешать нашим людям.

Наш друг прибыл ночью снова и сказал, что [островитяне] еще не наши друзья и что мы должны быть на страже.

На следующий день люди из нашей “водяной партии” приступили к работе, но предварительно мы сочли нужным дать с “Дискавери” залп, чтобы разогнать праздношатающихся на берегу. Была обстреляна кокосовая роща, расположенная в самом селении.

Наши люди в дни этих событий совершили много проступков, заслуживающих осуждения. В оправдание можно лишь сказать, что дух их был очень возбужден варварской расправой с капитаном Куком и они стремились жестоко отомстить за эту расправу. Но обычный матрос, пребывая в таком состоянии и чувствуя, что ему все сойдет с рук, совершает такие же зверства, как дичайший индеец. Во многих случаях не во власти офицеров было сдержать их и трудно было заставить их в собственных же интересах подчиниться чьей-либо команде. И когда нужно было сжечь лишь несколько хижин близ колодца (в этих хижинах укрывались индейцы, которые бросали в нас камни), наши люди уничтожили не только эти хижины, но и все селение, и, прежде чем на берег был послан на шлюпке приказ не трогать домов, принадлежащих жрецам, они успели их спалить. Многих застрелили, когда они выскакивали из пламени; правда, солдаты были не столь уж бесчеловечны, чтобы расправиться с одной старухой, и ее оставили невредимой на берегу, когда она сказала, что две ее дочери находятся на “Дискавери”; и нельзя было эту женщину уговорить уйти отсюда. Одного старика, который шел со связкой кокосовых орехов и бананов, предназначенных, по его словам, для нашей партии, по счастливой случайности

миновала гибель. По нему дали несколько выстрелов, но он уцелел, хотя стоял неподвижно, а затем его связали и доставили на борт [335].

Никогда я еще не видел выражения такого ужаса, какой был написан на его лице, и в то же время меня поразило, как внезапно лицо его изменилось, когда его развязали и растолковали, что никто его больше не тронет. Он отправился на берег, подобрал все, что бросил, когда подвергался столь жестокому испытанию, и в дальнейшем стал самым верным нашим другом [336]. **[478]**

Сразу же после того как дома были преданы огню, мы увидели, что с холма к солдатам спускается весьма странная процессия. Впереди шел мужчина, за которым следовало 15 или 20 мальчиков, и они несли куски белой материи, зеленые ветки, бананы и пр. Эту партию встретили огнем и сильно ее расстроили, но офицер, бывший на берегу, прекратил стрельбу и разрешил мирному посольству приблизиться.

Во главе процессии был наш самый уважаемый и благожелательный друг вождь Кайрикеа; он хлопотал о мире и, когда был доставлен на борт, объяснил, что послал к Териобу того человека, которого мы недавно выпустили, и что Териобу горячо желает установить с нами дружбу. Мы заявили, что прежде всего должны быть возвращены останки капитана, и Кайрикеа сказал, что это будет сделано.

Мы постарались наиделикатнейшим образом растолковать ему, что дома, и в частности его жилище, были сожжены, потому что нас теснили туземцы, и он после тяжкого раздумья сказал, что они, [то есть жрецы], всегда были нашими друзьями и ничем нас не обидели.

Меня глубоко тронуло, что эти люди снова проявили к нам свои добрые чувства. А ведь они, полагаясь на мои обещания,

данные на берегу, и на мои посулы человеку, который принес нам часть тела капитана, отнесли все свои ценные вещи и все, что получили от нас, в большой дом, расположенный у мораэ, не подумав даже все это спрятать в более укромном месте; дом же этот был теперь сожжен.

Надо сказать, что капитан Кук в известной степени пренебрегал этой корпорацией жрецов. Такова уж была его практика, что главное внимание он обращал на то, чтобы задобрить королей или вождей тех мест, где он бывал. Это была политика мудрая, если взять в расчет, что короли и вожди, располагая абсолютной властью, обеспечивали пополнение наших запасов и держали в узде своих подданных. Поэтому и здесь с самого начала капитан опирался на вождей, доверив им повседневное снабжение нас зеленью и жареными свиными тушами, и все это нам посылал местный вождь Као. Этот старик никогда не появлялся на борту, не приходил к нам и его внук, и они ни разу ничего у нас не потребовали, так что казалось, что они не нуждаются в вознаграждении. Однако впоследствии капитан Кук убедился в противном и кое-что подарил Као, но дары эти по ценности уступали тем приношениям, которые исходили от Као. Поскольку, однако, капитан дарил вождям примерно то же, что и королю, они казались в достаточной мере удовлетворенными. Именно Као ежедневно посылал съестные припасы мне и моей партии. Это он никогда не упускал возможности воздать божеские почести капитану, когда тот появлялся на берегу, это он послал своих людей с нашими плотниками, **[479]** когда они три дня провели в горах, заготавливая лес, причем его люди помогали плотникам и не взяли у них ни единого гвоздика. Это он любому джентльмену или даже любому матросу, сходившему на берег или совершавшему на берегу прогулку, преподносил свиней, и это он человек, которому я оказывал покровительство и который, когда произошли эти

бедственные события, ни в коей мере не чувствовал себя их виновником, оказался единственным из вождей, кто пострадал от них.

Несвоевременно обуявший наших матросов дух возмездия вывел их из подчинения (в условиях, когда они не подвергались опасности); офицер, который в этот день должен был командовать на берегу, там почти не появлялся и обо всех упомянутых обстоятельствах не имел представления [337]. Впрочем, предполагалось сжечь только ту часть селения, которая непосредственно прилегала к стене; и, как я уже отмечал, мы, заметив, что горят дома, направили с корабля приказ прекратить поджоги, но эти распоряжения оказались запоздалыми.

Уместно задать вопрос, почему же я сам не взялся за выполнение необходимых обязанностей на берегу, зная лучше всех, как относятся к нам Као и его люди. Кстати, на берегу ничего для нас вредного и не происходило — немногочисленные бродяги, [о которых я упоминал], не принадлежали к корпорации жрецов, и они, по-видимому, куда-то бежали или где-то укрылись при первых признаках раздора или же после того, как мы покинули берег. Но я не мог действовать должным образом, так как в это время страдал от нарыва на груди, который разросся в ту ночь, когда накануне гибели капитана Кука мы с ним долго странствовали по берегу, и который не давал мне покоя на следующий день. Прорвался он только сегодня.

Многие из тех, кто желал сурово покарать этот народ за его поведение, даже после того как стало очевидно, что островитяне очень боятся оскорбить пришельцев, и видя, что основная масса островитян уходит на своих каноэ и уносит наиболее ценное из своего достояния, все в меньшей и меньшей степени склонялись к карательным мерам. Мы желали, чтобы туземцы в соответствии с обычными

порядками наших сношений с ними (а они порой подходили к нам на своих каноэ с белыми флагами) доставляли нам припасы. Но мы, несмотря на все наши усилия, не могли заставить этого негодяя Британию, все еще игравшего двуличную роль, приносить нам свиней и другие дары, так как, если бы он поступал таким образом, это было бы воспринято [туземцами] как проявление его [не показной], а истинной склонности к дружбе с нами (В этом месте синтаксис Кинга снова оказывается “разорванным” и смысл данной фразы представляется довольно туманным. — *Прим. пер.*). **[480]**

В это утро Британия попался мне на пути, когда он явился на корабль со своими старыми баснями. Я приказал ему держаться от нас подальше и внушил ему, что если он явится без останков капитана, то будет убит. Он так мало считался с нами, что тут же отправился в то место, где мы заготавливали воду, и присоединился к индейцам, которые бросали камни в наших людей. К несчастью, один из наших мидшипменов, выстрелив по нему, дал промах.

Из пушек была открыта стрельба по северному берегу, и нам сказали, что был ранен Майха-Майха. Обстреляли и селение [Коуруа], эффект был такой же, как и при стрельбе по селению, лежащему с нашей стороны, когда мы срезали выстрелом кокосовую пальму. Но эта канонада возбудила у островитян сильное желание заключить с нами мир. Впрочем, дело тут заключалось не только в пламенном желании, но и в стремлении сбыть нам излишние припасы.

Начиная с этой ночи 16-го [ошибка Кинга — 18-го числа] у нас, можно сказать, начались мирные отношения с туземцами, так как за два последующих дня были получены остальные части костей капитана Кука. От Териобу явился вождь с подарками, и много даров было преподнесено нам другими вождями. Подарки эти были приняты, и наши

первоначальные условия мира одобрены, а в связи с этим положен конец всем планам дальнейших боевых операций, и никто не добивался сатисфакции.

Вождя, который явился от Териобу, звали Яппо [Хиапо]. До этого мы знали его мало, хотя нам было известно, что он человек влиятельный.

Я полагаю, что эти вожди, теперь завязавшие с нами связи, сперва боялись показаться нам на глаза. Примечательно, что сначала они просили нас послать на берег кого-нибудь из старших офицеров и одного офицера направить к Териобу, который, как они говорили, боится к нам явиться до тех пор, пока наш представитель не посетит его. Несмотря на эти проявления недоверия (ведь и Яппо был оставлен у нас как заложник), не только он, но и другие вожди стали постепенно приходить на корабль без малейших опасений, и к нам явился даже юный сын Териобу, в котором души не чаял его отец.

18-го состоялся обмен послами между нашим капитаном и Териобу. Мы требовали выдачи останков и обещали в случае, если это требование будет выполнено, заключить мир.

19-го Яппо пришел с группой туземцев. Они принесли нам свиней, кокосовые орехи, бананы, плоды хлебного дерева, сахарный тростник и прочее в качестве подарка от Териобу капитану [Клерку] и [обещали передать нам] то, что осталось от капитана Кука. Видя это, мы пошли на мир. Капитан Клерк отправился к берегу на баркасе, приказав мне следовать за ним на ялике; **[481]** цель нашей поездки заключалась в том, чтобы передать, как это было условлено, подарки Териобу. Мы, однако, отказались высадиться на берег, да и островитяне на этом не очень настаивали. Яппо, сохраняя полное спокойствие, явился на баркас и был затем с другими своими спутниками доставлен на борт.

Он передал нам аккуратный сверток, покрытый пестрой шалью из черных и белых перьев (нам объяснили, что это траурные цвета). Развернув его, мы обнаружили в нем кисти рук капитана (а их можно было узнать по приметному шраму) [338], скальп, череп без нижней челюсти, бедренную кость и кости предплечья. Плоть сохранилась только на кистях и была здесь и там прорезана, причем в эти прорези насыпали соль. Кости голени, нижняя челюсть, ступни не были преданы огню: эти части тела роздали вождям, но Териобу уже послал за ними своих людей. Так нам сказал Яппо [339].

20 февраля. Яппо и сын короля явились на борт с останками капитана. Они принесли также башмаки и некоторые другие мелочи, принадлежавшие ему. Они настойчиво нас расспрашивали, не собираемся ли мы возвратиться и что мы предпримем по возвращении; им хотелось узнать у нас, всегда ли мы будем вести себя как друзья. Мы их заверили всеми возможными способами, что преисполнены мирных намерений.

Яппо сделал все, что от него зависело, чтобы убедить нас, будто Териобу, Майха-Майха и он сам искренне желают мира, хотя многие вожди все еще остаются нашими врагами.

И он, и другие островитяне с большой выдержкой говорили о своих потерях, видимо не преуменьшая их, и сказали, что 30 человек было убито, примерно столько же островитян получило тяжелые раны. О погибших они упоминали с полным безразличием и сокрушались лишь о смерти шести вождей.

Этим утром мы поставили мачту. Хотя в заливе Кинг-Джордж мы сменили и обновили большую часть талей, теперь они так часто выходили из строя, что опасно было работать с ними. Тросы либо износились, либо прогнили.

21 февраля получили все, что у туземцев сохранилось от тела капитана, и его двустволку, которую, однако, они испортили. Мы попросили Яппо, чтобы бухта была объявлена табу во избежание недоразумений: мы собирались дать прощальный салют по капитану и пушечные выстрелы могли испугать туземцев. После полудня похоронили его останки. Их положили в сундук и бросили в море.

22 февраля. До полудня туземцы не появлялись. Затем пришел Яппо; по нашей просьбе, он наложил табу, и неизвестно было, не увел ли он туземцев.

Мы заверили его, что остались друзьями островитян и что после похорон останков Эроно забвению преданы и все последние события. Мы сказали, что желаем, чтобы он призвал народ **[482]** к торговле с нами. Пока мы получили только несколько свиней и немного других припасов в качестве даров от различных вождей.

Как только туземцы были оповещены, что могут с нами свободно торговать, к кораблям подошло множество каноэ с разнообразными припасами и вожди появились на борту. Простые люди и вожди выражали большое сожаление о случившемся, и их радовало, что мы остались друзьями. Майха-Майха и некоторые другие вожди, не решившись, видимо, явиться лично, прислали в знак мира больших свиней.

23 февраля. Капитан Клерк полагал, что было бы весьма неразумно медлить с уходом отсюда, так как вести о наших злоключениях здесь могли быстро дойти до подветренных островов и вызвать там дурной отзвук. Поскольку корабли были полностью оснащены, паруса подвязаны и все готово к выходу в море, мы при попутном ветре с суши подняли якорь. Так как торговые операции нам теперь мешали [выйти в море], мы попросили туземцев с наступлением темноты

отойти к берегу или держаться на расстоянии от кораблей и направились к выходу из бухты. На берегу, когда мы шли мимо, нас провожали прощальными возгласами [340].

Так покинули мы бухту Каракакуа — место, ставшее памятным и знаменитым, ибо здесь трагически погиб один из величайших мореплавателей нашего народа да и всех иных наций. Как ни мало мы способны уберечь себя от разных смертей, но разве кто-нибудь из нас мог допустить, что капитана Кука ждет гибель, да еще такая, которая выпала на долю его — человека, который имел счастье приобретать дружбу индейцев в самых отдаленных частях света, либо своевременно проявляя должную смелость, либо завоевывая их расположение знаками доверия! И добивался он этого, глубоко вникая в образ их бытия и предупреждая их козни. Можно, однако, сказать, что долгий и успешный опыт общения с индейцами притупил у капитана Кука то чувство естественного недоверия, которым сперва он обладал. Но несомненно и то, что в этих краях были все основания оставить в стороне любые проявления недоверия к здешним людям, и, если бы мы не вернулись в бухту, у нас навсегда запечатлелись бы в памяти их послушание, их гуманность и их щедрость. Мы еще не встречали народа, который мог превзойти их в этом, и доверяли здешним островитянам, находясь в их стране, в гораздо большей степени, чем даже таитянам, и самая строгая их оценка не может лишить их того уважения, которого они заслуживают, несмотря на горе, причиненное ими.

Можно сильно сомневаться в том, что их нападение было заранее обдуманным, и, судя по поведению Териобу, у нас сложилось мнение, что ему неизвестно было о похищении нашего ялика. Хотя это и не вполне очевидно, но следует допустить, что некоторые вожди были бы рады найти повод для ссоры, и когда мы **[483]** вторично вернулись в бухту, то обратили внимание, что нас встречают далеко не так

сердечно, как мы надеялись, и, судя по их словам, можно было заключить, что они не одобряют наш повторный приход.

На эти признаки мы не обратили должного внимания, нам казалось, что цель нашего прихода им будет ясна, как только они увидят, что мы перевозим на берег мачту.

А между тем кражи стали более дерзкими и туземцы стали меньше бояться наших солдат и их угроз.

Все это необходимо принять в расчет, и все это кажется более естественным, чем наличие какого-то заранее разработанного в связи с нашим приходом плана.

Дело заключается в наших способах общения с индейцами. Объясняя причины, которые побуждали их изменить свое поведение, следует прежде всего искать ошибку в нашем поведении. Из сообщений, полученных нами на Таити, о поведении на этом острове испанцев мы могли извлечь уроки, позволявшие объяснить и утрату нами доверия [у здешних островитян]. Я полагаю, что и в том и в другом случае не требовалось много времени, чтобы вызвать у этих народов перемену в поведении.

Комментарии

317. Имеется в виду селение Кавалоа (см. схему бухты Кеалакекуа на стр. 421).

318. Дж. Гилберт в своем дневнике отмечает, что вмешательство этой женщины “крайне раздосадовало капитана Кука — он не привык, чтобы кто бы то ни было противился его намерениям” (Voyage.., 1967, 535, n. 2).

319. 16 февраля капитан Клерк предотвратил вылазку на берег, которая, если учесть накал страстей в стане англичан, несомненно, привела бы к массовому избиению островитян.

320. *Камеамеа* (ок. 1753—1819) — один из наиболее выдающихся исторических деятелей на Гавайях. Он был племянником короля Каланиопу и правителем округа Кохала. После смерти Каланиопу в ходе упорной борьбы одолел своих соперников и в 1792 г. стал правителем острова Гавайи. В 1810 г. завершил объединение всего архипелага, смело привлекая к делам управления опытных иностранцев и умело используя соперничество великих держав. О нем имеются интересные отзывы русских мореплавателей — Ю.Ф. Лисянского, О.Е. Коцебу, В.М. Головнина (см. Д.Д. Тумаркин. Вторжение колонизаторов в край вечной весны. М., 1964, стр. 88—110).

321. “Нам сказали, что ребра [Кука] и спинной хребет были сожжены”, — записал на Гавайях много лет спустя английский миссионер У. Эллис (Voyage.., 1907, I, 547). Расчленение тел погибших вождей было у гавайцев в обычае, причем сохранялись, как правило, только череп, берцовые кости и кости рук и голени. У. Бейли отметил, что “сохранилась прядь волос [Кука] длиной около дюйма, все остальные волосы растащили туземцы”. Хирург Дж. Лоу записал, что островитяне принесли еще один сверток с двумя лучевыми, двумя берцовыми костями и двумя костями голени, и это были останки солдат, погибших вместе с Куком (Voyage.., 1967, I, 547).

322. На Гавайях существовала легенда, что некогда покинувший эти острова бог Лоно со временем вернется туда на большом плавучем острове. Когда в январе 1778 г. Кук прибыл на Гавайи, жрецы объявили его живым воплощением бога Лоно. Вторично Кук явился на острова в ноябре, во время праздника макахики, который справлялся в честь бога

Лоно, и естественно, что жрецы острова Гавайи немедленно подтвердили решение, принятое в январе своими соседями. Такой апофеоз был выгоден жрецам высшего ранга, но не слишком радовал короля Каланиопу, вынужденного даром поставлять припасы спутникам “бога Лоно”. Особа Кука была наделена строгим табу, ему воздавались необыкновенные почести — островитяне не имели права смотреть на живого бога и при его появлении должны были падать ниц, закрывая глаза (обычай *капу-моэ*).

323. Такие жертвенники назывались на Гавайях *леле*.

324. *Эатуа,* или *кеатуа,* по-гавайски — бог, божество.

325. Собиратель гавайских преданий А. Форнандер отметил, что это была церемония посвящения Кука в сан бога Лоно. Кульминационный момент церемонии наступил, когда жрец Коа обернул вокруг бедер Кука кусок красной материи (A. Fornander. An account of Polinesian race, II, 1880, p. 178).

326. Гавайский термин “малаэ” (у Кука “мораэ”) не соответствует таитянскому “мораэ”. Гавайское “малеэ” — не святилище, а любое от чего-нибудь очищенное место.

327. Каланиопу и именитые вожди помимо наложниц имели еще и “наложников” — так называемых сопостельников *(ке-аикане).*

328. Као, ярый сторонник Кука, был главным жрецом острова Гавайи. Истинное его имя было Холаэ. Не следует путать его с жрецом меньшего ранга по имени Коа, руководившим церемонией посвящения Кука в сан бога Лоно.

329. В конце января 1779 г. гости так распустились, что страсти их нельзя было сдержать даже самыми суровыми карами. Двое матросов получили по две дюжины плетей за

то, что сознательно заражали венерической болезнью гавайских девушек (Voyage.., 1967, I, 511, n. 2).

330. Речь идет о деревьях *коа (Acacia heterophita),* из стволов которых изготовлялись каноэ. Коа похоже на эвкалипт, и листья его очень ароматны. Оно достигает в высоту 70—80 м.

331. Речь идет о вулкане Мауна-Кеа (4205 м), увенчанном снегами и давно не действующем.

332. Штурман У. Блай по поводу этого места в записках Кинга с раздражением заметил, что сообщение Кинга ложно.

333. На острове Гавайи несколько местных жителей одновременно претендовали на роль убийцы Кука (Beaglehole, 557, n. 3).

334. Это был солдат Дж. Джексон, по словам Дж. Тревенена, ветеран Семилетней войны 1756—1763 гг. Однако в судовых списках этот “ветеран” значится как восемнадцатилетний солдат.

335. Карательную акцию проводил лейтенант Дж. Рикмен. По словам Дж. Уотса, каратели сожгли 150 домов и убили семерых островитян, причем обезглавили два тела. Рикмен выставил головы на обозрение. Дж. Лоу пишет, что с островитянами обращались самым скотским образом и беззащитных людей истребляли с невероятной жестокостью и дикостью. Зато У. Блай считает, что только такими средствами можно было усмирить островитян. Сам Рикмен откровенно сознается, что “многих без пощады убивали” и что “пламя пощадило лишь немногие дома”. Он пишет, что, “когда задание было выполнено, мы возвратились на борт, груженные добычей, взятой у индейцев… и захватили с собой две головы, которые водрузили на пиннасе, чтобы устрашить врага и навсегда отвадить его от мысли нападать на нас” (J.

Rickman. Journal of Captain Cook's last voyage to the Pacific Ocean. Ann Arbor, 1966, 326).

336. Дж. Тревенен пишет, что этот старик “счел нас каннибалами” в этого мнения держался, пока головы островитян, доставленные Рикменом на корабль, не были выброшены за борт” (Voyage.., 1967, I, 563 n. 1).

337. Имеется в виду лейтенант Рикмен.

338. На правой кисти у большого пальца Кука был шрам — след от взорвавшегося в его руках рожка с порохом. Происшествие это случилось на Ньюфаундленде 5 августа 1764 г. (Beaglehole, 566, n. 1).

339. В издании записок третьего плавания, вышедшем в 1784 г., Дж. Кинг отметил, что голову Кука получил вождь Кахуопэоу (Кекуаупио), волосы — Камеамеа. ноги, бедро и руки — Терриобу (король Каланиопу) (Voyage.., 1784, III, 78).

340. Капитан Клерк чувствовал себя так плохо, что поручил Кингу вывести корабли из гавани.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА УЧАСТНИКОВ ЭКСПЕДИЦИИ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ГИБЕЛИ ДЖ. КУКА

Мидшипмен Дж. Уотс. “...Капитан Кук дал сперва холостой выстрел по одному из наиболее несдержанных туземцев, но этот акт несвоевременной гуманности капитана лишь осложнил дело и придал больше смелости вождям... Туземцы принялись кидать камни... Люди в шлюпках, осознав происходящее, открыли беглый огонь. Капитан, убедившись, что огонь открыт без приказа, повернулся к шлюпкам и, махая рукой, с большой горячностью приказал немедленно прекратить стрельбу. Тем временем солдаты морской пехоты с той же недисциплинированностью и с тем же слепым

увлечением стали стрелять и обе стороны начали общее нападение. Капитан Кук, видя, что его приказ прекратить стрельбу на шлюпках либо не услышан, либо оставлен без внимания, приблизился к ним, чтобы проследить за его выполнением, и, когда он подошел к самому берегу, вождь, находившийся рядом, ударил его в плечо, после чего капитан сделал несколько шагов и упал в воду. Двое или трое туземцев прыгнули на него и до тех пор били его в голову камнями, пока он не испустил дух. Между тем некоторые смельчаки продолжали борьбу, даже находясь в агонии. Капитан Кук, видимо, отступал к шлюпкам, чтобы затем вернуться на корабль. Пиннаса подошла к берегу, насколько допускала ее осадка, баркас же не решился приблизиться к берегу. **[484]**

Когда пал наш капитан, наступило замешательство, и солдаты бросились в воду, вплавь добираясь до шлюпок... Ялик под командой м-ра Леньона, помощника штурмана, своевременно прибыл на помощь, но м-р Уильямсон запретил шлюпкам приближаться к берегу, и, после того как те, кто оттуда бежал, были взяты на шлюпки, последние возвратились к кораблю...”

Помощник штурмана У. Херви: “(Филипс) предупредил капитана, что ...индейцы готовятся к нападению... и по поведению капитана я склонен думать, что он полагал, будто они вооружаются лишь с целью обороны, то есть чтобы защитить короля и не допустить увода его силой, а у туземцев, естественно, могла явиться подобная мысль, ибо они видели, что солдаты сплотились около капитана. Индейцы все более и более смелели, и дерзость их возрастала, так как число вооруженных островитян увеличивалось. М-р Филипс продолжал уговаривать капитана пройти к шлюпкам. Я, сэр, сказал (Филипс), отведу солдат к берегу, дабы прикрыть отход, ибо ясно вижу, что так надо поступить, глядя на поведение индейцев, и капитан ответил,

что нужды в этом нет, но что Филипс может так поступить, если хочет… Соответственно солдаты в полном порядке отошли к берегу, чтобы по возможности занять позиции на крутых скалах — берег был отвесный, но не успели они туда добраться, как индейцы начали кидать камни, и при этом с большой быстротой, и капитан, вместо того чтобы направиться к шлюпкам, как его это просили сделать, допустил, чтобы ему были нанесены тяжелые оскорбления, и таковы были эти выпады, что ради безопасности он вынужден был застрелить двух туземцев, а офицер морской пехоты застрелил еще одного человека” [341].

Астроном У. Бейли: “…Они (островитяне) начали очень дерзить, и один из них швырнул капитану Куку в лицо плод хлебного дерева, и в ответ на это капитан толкнул его в грудь прикладом своей двустволки (он держал ее в руках), и этот человек скрылся в толпе. Тут же другой туземец нацелился камнем в голову капитану, но был упрежден сержантом морской пехоты. Капитан Кук выстрелил из одного ствола (этот ствол был заряжен дробью) в этого человека и ранил другого туземца, который стоял сзади. Видя, что виновный не пострадал, капитан разрядил по нему второй ствол и убил его… капитан и м-р Филипс последовали за (солдатами), но капитан, заметив, что один туземец, шедший за ним, собирается нанести ему удар, обернулся, и индеец отбежал назад, после чего капитан снова пошел по направлению к шлюпкам, но, прежде чем он успел войти в воду, какой-то туземец подобрался к нему сзади и ударил его в затылок дубиной, оглушив его. Капитан, шатаясь, прошел вперед, и в это время (другой) человек подбежал к нему и ударил его в шею, между плечами, пахоу, или железной палкой; капитан упал в расселину, [485] или яму, между скал, в которой текла вода, и тогда туземцы нанесли ему несколько ударов, когда он лежал в воде, а затем оттащили его на скалы, где снова стали наносить ему удары в разные части тела… Все это время

баркас держался на расстоянии и оттуда велась стрельба. М-р Уильямсон удовольствовался тем, что послал к берегу ялик; юный джентльмен в нем расстрелял почти все свои заряды, и индейцев это согнало со скал, а баркас пошел к берегу; общее мнение таково, что некоторых удалось бы спасти или на худой конец можно было вызволить некоторые или все тела...

Все вышесказанное кажется мне истинным, и я основываюсь на различных сообщениях людей, которые там были.

Штурман Т. Эдгар: "...Если бы капитан Кук пошел к шлюпкам сразу же после того, как это ему посоветовали, вероятнее всего ему удалось бы спастись, но он ошибочно полагал, что мушкетный выстрел может разогнать весь остров, и, будучи в этом убежденным, советов не слушал, и внял им слишком поздно (Voyage... 1967, I, 536—538, n. 2).

Лейтенант Дж. Рикмен излагает ход событий следующим образом: "...Король готов был сопровождать капитана Кука на корабль, но в это время собралась такая большая толпа индейцев в этом месте и на берегу, что через нее трудно было пройти, и индейцы начали держать себя дерзко и оскорблять охрану. Капитан Кук, видя, каково их поведение, приказал офицеру морской пехоты трогаться в путь и стрелять по всякому, кто окажет сопротивление. Приказ этот лейтенант Филипс попытался выполнить, и был расчищен путь к шлюпкам для короля и его вождей, но едва они достигли берега, как прошел слух, будто Тути (Кук) хочет увести короля, чтобы его убить. Мгновенно некоторое число вооруженных людей оторвалось от толпы и с дубинками набросилось на охрану, и четверо солдат вскоре погибли. Один негодяй ударил капитана Кука и был капитаном убит. У капитана была двустволка, и он целился из нее в другого человека, когда какой-то дикарь сзади ударил его дубинкой по голове и свалил его на землю, после чего нанес капитану своим па-ха-хе (это было нечто вроде кинжала, и такие

кинжалы наши оружейники изготовили днем раньше по просьбе короля) удар с такой силой, что острие, войдя между плеч, вышло из груди. Схватка стала всеобщей. С кораблей открыли огонь из пушек по толпе, и так же поступили охрана и солдаты в шлюпках, и хотя страшный урон был причинен дикарям, они, будучи взбешенными, с удивительной отвагой выдержали наш непрерывный огонь и, несмотря на все наши старания, унесли с собой тела погибших в знак своей победы”. (J. Rickman. Journal of captain Cook last Voyage to the Pacific Ocean. Ann Arbor, 1966, p. 318—319). **[486]**

ПРЕБЫВАНИЕ НА КАМЧАТКЕ

ДНЕВНИК КАПИТАНА КЛЕРКА

29 апреля 1779 года. Пошли в залив Авача [Авачинскую губу] при легком ветре, но, поскольку отливное течение было противным, продвинулись мало. В 2 часа лот при промерах пронесло на 60 саженях, вскоре после 3 часов глубина оказалась 22 сажени; на дне — тонкий песок. Глубины были весьма постоянными у входа в залив, которого мы достигли между 4 и 5 часами, когда глубина была 7 саженей без 0,25. Направили ялик для промеров.

У NW мыса, или северной оконечности залива, на небольшом от нее расстоянии лежали три примечательные по форме, высокие и изолированные скалы [скалы Три Брата]. Мыс этот — самая высокая земля в этой местности, и на нем стоят дозорная башня и флагшток. Курс через вход в залив — NWtN — NNW 0,5 W, в самой узкой части ширина его около 1 мили. При регулярных промерах последний из них показал глубину 5,5 фута. При легком ветре и хорошей погоде вечером вошли в залив, насколько позволили льды, и остановились при

глубине 6,5 сажени в 7 час. 30 мин., отдав малый становой якорь близ большого скопления битого льда, которое протягивалось на много миль. Входы в гавань были по пеленгам SO 37° — SO 10°, ближайший берег — на расстоянии полумили.

За ночь весь битый лед вынесло к выходу из залива, а часть его ушла в море, так что утром вокруг нас была одна лишь вода и в заливе остался лишь твердый и плотный ледяной припай у берегов; кое-где лед, однако, вдавался в воды залива на 1 или 1,5 мили. Земля везде по берегам залива высокая и густо поросшая лесом, но сейчас она была покрыта обильными снегами. Мы заметили поселение, состоящее из полудюжины острогов, как называют здесь [дома], и по виду они ни на один атом (not an atom) не казались нам лучше, чем жалкие строения в Самгунудхе [342].

Однако, как я заключил, здесь обязательно должны были быть русские, и я послал лейтенанта Кинга в сопровождении м-ра **[487]** Веббера, знавшего немецкий язык, чтобы он от моего имени приветствовал губернатора и завязал между нами сношения.

Они вынуждены были высадиться на льду в полумиле от берега, на котором стояло поселение, так как ближе нельзя было подойти. Когда они находились на льду, к ним направилось несколько собачьих упряжек; все сани подошли к нашим людям на расстояние 150—200 ярдов и, проведя нечто вроде разведки, ушли к поселению со всеми, кто в санях находился. Наши джентльмены продолжали, однако, свой путь, и по прибытии в селение их встретило 15 вооруженных русских людей. Легко было узнать, кто из них главный, и к нему обратился лейтенант Кинг. К несчастью, мы совершенно не понимали друг друга: ни один из русских не знал ни слова на каком-либо из европейских языков и говорил только на своем языке. Но м-р Кинг нашел

действенные способы, которые дали бы им понять, что мы англичане и что явились сюда с мирными и дружественными намерениями, после чего русский [начальник] освободил свою боевую команду от ее обязанностей и пригласил наших джентльменов последовать за собой в его дом, где приняли их весьма дружественным образом. В ходе разговора или, вернее, обмена знаками он объяснил, что состоит в звании сержанта и в настоящее время выполняет обязанности губернатора этого поселения (которое русские называют Петропавловском) и всех прочих мест у залива Авача [343].

М-р Кинг спросил его, можем ли мы получить здесь муку и свежее мясо, и он ответил, что ничего нельзя сделать, до тех пор пока он не поставит в известность губернатора провинции о нашем прибытии, и тогда он, несомненно, выполнит то, что может удовлетворить нас. Этот губернатор, которого он назвал майором Бемом, по его словам, находится в Большой реке [Большерецке], и, пока наши люди гостили в доме [русского начальника], он отправил к губернатору нарочного и сказал, что, если погода будет благоприятной, мы, несомненно, получим ответ через четыре дня.

В ходе этой беседы м-р Кинг немного расспросил его о здешних ценах, и сержант сказал ему, что мука здесь продается по 8—10 рублей за пуд, а в пуде только 40 фунтов, скот идет по 100 рублей за голову. Это чудовищные цены, но мы надеялись, что майор Бем даст нам более благоприятные сведения [344].

Хозяева отправили обратно наших людей на санях, и, если принять в расчет искусство погонщиков, путешествие это могло быть довольно приятным, но лед был настолько разбит, что езда по нему была сопряжена с большим риском. Наши джентльмены по пути в селение провалились в прорубь, по глубине примерно равную их росту, но отделались лишь весьма неприятными ощущениями,

которыми чревато было купание в столь неподходящую для этого погоду. **[488]**

Рано утром я послал м-ра Блая на промеры этой части залива и на поиски места, где корабли могли бы найти по возможности лучшее убежище: всякое волнение на море было для нас крайне нежелательно в ходе тех работ, которые велись для устранения течи, но я надеялся, что нам удастся довести эти работы до конца. Около 9 часов м-р Блай вернулся, обнаружив наилучшее из всех мест, доступных сейчас, когда еще не сошел лед. Это место находилось у NO берега гавани Св. Петра и Св. Павла, или, как называют ее здешние люди, Петропавловской гавани. Там мы нашли хорошую якорную стоянку с глубиной 10 саженей; дно было илистое. М-р Блай обнаружил также банку к S от гавани, в которой глубина не превышала 1,5 сажени. Я полагаю, что именно о ней упоминал Миллер, называя ее скалистым баром, так как она находится как раз в том месте, где у него указан этот бар, и нигде в другом месте ничего похожего на такие скалы мы не обнаружили.

В 10 часов с приливным течением и штилем мы подняли якоря и отверповались с помощью шлюпок в бухту. В полдень были **[489]** примерно в 3 милях от селения Петропавловск, все еще верпуясь. Обсервованная широта 52°54,5' N.

Пятница, 30 апреля. Легкие ветры от S и SO, хорошая погода, часто штиль. Все были заняты на работах по верпованию корабля в гавань, и в 7 час. 45 мин. отдали якорь у ледяного припая, заведя правый становой якорь на глубине 10 саженей и на илистом дне, в 1 миле или чуть ближе от селения. Ближайшая часть берега была на расстоянии 0,75 мили...

Вторник, 4 мая. Утром прибыли на борт русский купец и немец, посланные губернатором из Большой реки с письмами, в которых он весьма любезно обещал снабдить нас

в изобилии всем, в чем мы испытываем нужду, в той мере, в какой это позволяют возможности этой страны, и просил без промедления ознакомиться с этими письмами, а также прислал очень приветливое приглашение, призывая меня и моих офицеров оказать ему честь и пожаловать с визитом в Большую реку...

Среда, 5 мая. ...Я имел основание полагать, что люди, посланные из Большой реки, никоим образом не соответствуют тем представителям, которых я вправе был бы ожидать при данных обстоятельствах, и отсюда заключил, что губернатор сильно заблуждается на наш счет и не понимает, кто мы и что мы. Поэтому я счел необходимым по мере возможности дать ему это понять и приказал моему первому помощнику м-ру Кингу, знающему французский язык, и м-ру Вебберу, который в совершенстве говорил на немецком языке, подготовиться к поездке в Большую реку и отправиться туда с первой же хорошей погодой вместе с возвращающимися в Большую реку людьми губернатора. Я поручил им должным образом уладить дела с губернатором, чтобы мы могли знать, что следует от него ожидать в будущем.

ДНЕВНИК ЛЕЙТЕНАНТА КИНГА

Четверг, 29 апреля. Вся страна покрыта снегом, и трудно себе вообразить более мрачную картину. На NNO мы приметили несколько бревенчатых домов и конусовидные хижины на столбах, но их жалкий вид и малочисленность не позволяли нам допустить, что это и есть селение (острог) Св. Петра и Св. Павла. Селение было от нас на расстоянии 2 лиг. В подзорные трубы можно было разглядеть двух человек, которые бродили около хижин. Мы осмотрели все берега залива, но не увидели больше хижин или лодок, нигде не было видно ни

одной живой души, только небольшие стаи уток нарушали это торжественное и необъятное безмолвие.

Нам вспомнились предупреждения покойного капитана; в ту пору, когда мы ушли ото льдов, он в речи, произнесенной перед командой корабля, объясняя необходимость сократить рацион, **[490]** сказал, что он совершенно убежден, что на Камчатке будет невозможно что-либо достать, а посему, придерживаясь столь дурного мнения об этой стране, он отметил, что должен направиться к югу на поиски гавани, где мы могли бы получить свежие припасы. Сама мысль о вынужденной зимовке здесь вызывала у нас содрогание.

На рассвете шлюпки были посланы на обследование залива и на поиски русского командира.

Мы направились к селению, о котором вчера упоминалось (видя близ него шлюп и не обнаружив других поселений, мы решили, что деревня эта и должна быть [гаванью] Св. Петра и Св. Павла), и дошли до льда, по которому и пришлось пешком добираться до берега. Меня сопровождали м-р Веббер и еще два человека. М-р Блай увел обратно пиннасу и ялик (оставив нам ялбот), чтобы принять участие в верповании корабля в гавань, где мы нашли удобную якорную стоянку против селения и у края льда и обнаружили мель, упомянутую Миллером.

Я думаю, что местные жители не замечали нас до тех пор, пока мы не достигли льда, но теперь мы увидели, что на берегу началась большая суматоха, и вскоре к нам приблизились сани, в которые были впряжены собаки. Мы было приготовились воздать местным жителям должное за ловкость, с которой они нам прислали упряжку, но сани повернули обратно и быстро помчались к острогу.

Мы обнаружили, что по льду ходить не только неудобно, но и опасно. Самый тяжелый из нашей группы по колена увяз в снегу, но под снегом ноги его наткнулись на твердый лед. Я передвигался быстрее, да и весил меньше, но внезапно я увидел, что цвет льда передо мной меняется, и, прежде чем я успел остановиться, лед треснул, и я провалился в воду. Человек, шедший за мной, бросил мне шлюпочный гак, и я, перекинув гак через прорубь, так, что концы его легли на ее края, подтянулся и выбрался на твердый лед. Однако вопреки нашим ожиданиям по мере приближения к берегу лед становился все менее прочным. Мы снова обрадовались, когда к нам подкатили еще одни сани и погонщик-камчадал остановился неподалеку от нас и вступил с нами в беседу; я показал ему письма Измайлова, и он тут же развернул сани и умчался к берегу, и вслед ему наша партия послала пару крепких словечек. Соблюдая величайшую осторожность, мы продолжали наш путь к острогу и, когда подошли к нему на расстояние четверти мили, увидели, что нам навстречу движется отряд вооруженных людей. Чтобы наиболее убедительно продемонстрировать наши мирные намерения, мы поставили в арьергард человека с гаком, а в авангарде пошли м-р Веббер и я. Во главе русского отряда был человек благопристойного вида с тростью в руках. Он остановился в нескольких ярдах от нас и построил своих **[491]** людей в боевой порядок. Я передал ему письма Измайлова и попытался, насколько был на это способен, растолковать ему, что мы англичане и пришли к ним из Уналашки. Нас провели в дом этого джентльмена, очень чистый и уютный, причем в помещении стояла нестерпимая жара. Пришел секретарь. Одно письмо Измайлова было вскрыто, а другое с особым нарочным отправлено в Большую реку.

Вежливый и обходительный офицер сказал нам, что он сержант и командир здешнего острога. Мы возымели к нему большое доверие, видя, в каком порядке и в какой

дисциплине он держит своих людей. Чтобы произвести на нас должное впечатление, он выставил у дверей своего дома две небольшие пушечки, и они нацелены были на наши шлюпки, и в полной готовности лежал боевой припас — заряды, порох, фитили.

Никто здесь не говорил на других языках, кроме русского, и очень трудно было получить какие-либо сведения. В общем мы поняли, что здесь добыть ничего нельзя, но что всего много в Большой реке и что губернатор мог бы дать нам то, в чем мы испытываем нужду. Но командир предупредил нас, что, до тех пор пока он не получит соответствующих распоряжений, к нам на борт он не пойдет и запретит являться на корабль своим людям и туземцам.

Наш аппетит хозяин удовлетворил отличной куропаткой и прочими яствами и одолжил нам разную одежду, после чего мы приготовились к возвращению. Никаким мальчишкам не доводилось испытывать такого удовольствия, как нам, — нас отвезли восвояси на собаках. Нам была предоставлена особая упряжка, и туземцы были настолько любезны, что отвели еще одни сани для нашего гака. Сани были настолько легки и такой удачной конструкции, что легко проходили в тех местах, где мы не могли продвинуться, идя пешком. Итак, мы расстались с любезным сержантом и возвратились на борт...

3 мая. ...Капитан Клерк направил меня на берег, чтобы разузнать, пришли ли какие-либо письма от губернатора в связи с сообщением о нашем пребывании здесь. Судя по словам сержанта, уже можно было ожидать этих писем. Нам сказали, что мы непременно будем извещены об этом завтра...

4 мая. Утром явились на борт русский купец по имени Фалласуч [Fallasuch] [Василий Федосеевич Посельский] [345] и особа с письмом от майора Бема, губернатора, или командира

Камчатки, капитану Клерку. У человека, который вручил нам письмо, на шляпе была кокарда, волосы его были отлично напудрены, и одет он был достойно. Мы решили, что он, должно быть, состоит у губернатора в секретарях. Говорил он по-немецки, на языке, который понимал м-р Веббер. **[492]**

Письмо было только пригласительным — губернатор приглашал капитана Клерка и его офицеров посетить Большую реку, и этот джентльмен должен был нас туда проводить.

При первом посещении корабля они выразили большое удивление и даже страх, так как не ожидали увидеть в этой стране два судна, гораздо большие по размерам, чем их шлюпы… Когда мсье Фалласуч и мсье Порт подошли к кромке льда (мы, заметив их, послали наши шлюпки, чтобы доставить гостей на борт) и увидели, какой величины наши корабли, они очень испугались и выразили желание, чтобы два человека из шлюпочной команды остались на берегу в качестве заложников. Мсье Порт явно обрадовался, обнаружив на борту человека, с которым он мог объясняться и который заверил его, что мы англичане и друзья им. Мы все же не могли не вызывать подозрений у этих обходительных людей, в чем убедились, когда м-р Порт кое-что рассказал нам о вчерашней нашей встрече с сержантом. Оказывается, увидев, что я и мои спутники высадились на берегу, он спрятал их [то есть посланцев губернатора] на кухне, с тем чтобы они подслушали нашу беседу и убедились, действительно ли мы англичане или только прикидываемся таковыми. Порт знал, как произносятся некоторые французские слова, и немного понимал голландский язык.

Я передал сержанту гинею, чтобы приобрести у него немного мяса для матросов, которые явились с нами, и он принес мясо на кухню. Нас было около 30 человек, и сперва это встревожило русских, но их страхи рассеялись, когда они

убедились, что мы пришли без оружия и когда солдаты оцепили наши шлюпки.

М-р Порт сказал нам также, что у майора создалось ошибочное представление о величине наших кораблей и о том, кто мы такие. Измайлов в своем письме изобразил наши суда как два небольших пакетбота, по величине и по численности команды никак не превосходящие его собственный шлюп, и поэтому в Большой реке о нас судили неверно.

Майор решил, что мы пришли с торговыми целями, и по этой причине послал к нам купца, а капитан [В. Шмалев] предположил, что мы французы и враги, и принял соответствующие меры. По словам м-ра Порта, потребовалось вмешательство майора, чтобы предотвратить бегство жителей из селения. Эти необычайные страхи, которые охватили простой народ, объясняются тем, что предыдущий командир Камчатки был убит группой отчаянных людей — изгнанников, возглавляемых польским офицером, тоже ссыльным. Захватив шлюп, эти люди, взяв с собой несколько русских жителей, ушли в Кантон [346].

Все это совпадало с тем, что мы слышали на Уналашке. Они утверждали, что поляку покровительствовали французы, которые наградили его за это ужасное преступление. Поэтому они **[493]** испытывали ненависть к французам, а отсюда и тот страх, который вызывали предположения, что мы можем оказаться людьми этой нации.

Капитан намерен послать меня в Большую реку...

7 мая. Я обращусь теперь к дневным запискам нашего путешествия в Большую реку, отложив сообщение о происшествиях, ветрах, погоде и всем, что произошло на корабле за время нашего отсутствия...

Мы вышли на наших шлюпках рано утром с намерением войти при приливе в устье реки Авачи и были встречены местными лодками, которые провели нас в реку.

Наша партия состояла из капитана Гора, м-ра Веббера, в ней принимал участие и я, а также мсье Порт, мсье Фалласуч и два казака. Наши проводники снабдили нас теплой одеждой, и мы нашли, что она очень удобна, тем более что пустились мы в путь, когда шел снег [347].

В 8 часов нас остановили мели, лежащие милей выше устья реки. Мы со всем нашим багажом пересели в маленькие лодки, принадлежащие камчадалам. На этих лодках со скоростью, которую позволяла река, мы прошли над песчаной отмелью, причем фарватер все время менялся. Выйдя на большие глубины, мы снова пересели на более удобные лодки или, точнее говоря, на лодку, по конструкции сходную с норвежским ялом, потому что наши вещи были погружены на суденышки меньшего размера. Фалласуч приобрел довольно много шкур морских бобров и погрузил их на наши суда. За шкуры он заплатил дороже, чем можно было ожидать.

Вверх по течению мы передвигались с помощью шести человек — трое из них находились на носу, трое — на корме, и они вели лодку, отталкиваясь от дна длинными шестами. В нашей лодке двое из этих людей были казаками, остальные — камчадалами. Последние обладали большей сноровкой и большей выносливостью. Пройдя несколько миль вверх, мы узнали, что река разветвляется на ряд рукавов, и нам сказали, что некоторые реки впадают в залив, а некоторые — в лежащую по левую от нас руку и протекающую южнее реку Паратунка. Общее направление этой реки на протяжении первых 10 миль северное, а затем она поворачивает на запад. По сообщению наших проводников, река эта очень мелкая,

что в значительной степени облегчает плавание вверх по течению, тем более что к вечеру вода спадает еще сильнее.

В устье она, как я полагаю, шириной с 0,25 мили и сужается постепенно. Она протекает по низкой местности, берега во многих местах, судя по молодым деревьям и ивняку, затопляются, и наши проводники говорили, что порой все вокруг уходит под воду. Земля **[494]** покрыта снегом, и наша лодка была первой, которая вошла в реку после ее вскрытия.

Останавливались мы лишь один раз, чтобы дать возможность людям перекусить и немного отдохнуть. Когда мы отправлялись в путь, нам сказали, что вечером мы придем в острог Каратчин [Карымчин], но мы задержались в устье и на мелях, лежащих несколько выше, и вечером оказались в 15 милях от этого острога [348]. Совсем уже стемнело, когда мы, наконец, отыскали свободное от снега место, где можно было разбить маленькую палатку. Этот участок был расположен на рубеже низкой местности, дальше река уходила в холмы умеренной высоты. Как мне представляется, наши люди толкали лодку против течения со скоростью 3 мили в час, что очень много, и в течение 10 часов они были заняты этой тяжелой работой.

Хороший костер и добрый пунш позволили нам отлично провести ночь. Костер пришлось развести на некотором расстоянии от нас, так как хотя земля и казалась сухой, но стоило только разжечь огонь, как вокруг костра образовались лужи.

Наши спутники пришли в восторг, увидев, какая у нас палатка. Мы угостили их нашей провизией: нам показалось необычным, что они взяли с собой чайник и что без чая не могли обойтись и пили его дважды или трижды в день. Чай у них в такой же цене, как и в Англии, но фунт сахару стоит здесь рубль (то есть больше 4 шиллингов). Здесь в ходу

только небольшие, очень белые сахарные головы, и они говорят, что доставляют их из Англии.

8 мая. Мы отправились в путь утром, и вскоре нас встретил тойон [вождь] из Каратчина, прибывший [со своими людьми] на маленьких лодках. Мать его была русская, отец — камчадал, и это был человек очень достойного поведения. Мы побывали в его лодке или, точнее, в двух его лодках, соединенных перекладиной, где нас усадили для большего удобства на шкуры морских бобров! Теперь мы пошли очень быстро, так как тойон, обладавший крепкими и ловкими руками, знал толк в речном деле. В 10 часов мы прибыли в острог, где размещалась команда тойона. Нас встретили камчадалы — мужчины и женщины и русские из партии Фалласуча, которые строили здесь лодки. Они нарядились в свои лучшие одежды, и женские платья были очень красивые и яркие: они были сшиты из разноцветной нанки, у некоторых же одежда была из светлого шелка. Белье у них также было шелковое, а замужние женщины покрывали головы красивыми шелковыми платками.

В остроге имеются три бревенчатых дома [пропуск]... и 19 “балаганов”, или конических хижин на столбах, высотой около 10 футов. В домах очень тепло благодаря большим печам, которые, если **[495]** они хорошо натоплены, дают много жару и долго его сохраняют. Нам, однако, температура показалась слишком высокой.

Бревенчатые дома все на один фасон, в них одна квадратная комната и вдоль одной или двух стен стоят широкие скамьи. Окон два, они маленькие и вместо стекол в них [пропуск]... В одной из стен прорублена дверь, ведущая на кухню: последняя вдвое уже комнаты и вдвое короче ее, поскольку половину этого помещения занимает печь. Из главной комнаты дверь [открывается] в широкую пристройку, в которой хранятся сани и прочие домашние вещи. Из

пристройки поднимаются по приставной лестнице на чердак, расположенный над комнатой и кухней. Стены сложены из бревен, пазы между бревнами хорошо проконопачены мхом, внутри помещения бревна стесаны. Стропила и потолочные балки также стесаны настолько гладко, насколько это можно сделать топором, ибо при таких работах русские не пользуются рубанком. Верхняя часть комнаты черна от дыма, как блестящий агат. В одном из углов помещается [икона], или картина духовного содержания, и вокруг нее воткнуты маленькие восковые свечки. Глядя на этот угол, люди всегда крестятся перед тем, как сесть за общий стол. В доме тойона вся утварь ограничивается небольшим столом и скамьей, но оказанный нам сердечный прием, несомненно, перевесил все изъяны в меблировке его жилища, а жена его оказалась отличной поварихой. Нам подали рыбу, дичь разных видов [пропуск] ... и ягоды, которые сохранились с прошлого лета. Кухонная утварь — тарелки, ножи и пр. — имелась в достаточном количестве. Некоторые мелочи доставили нам большое удовольствие: например, одна оловянная ложка с лондонским клеймом — она воскресила в нашей памяти очень многое.

Поскольку была оттепель, решено было дальше ехать на санях в ночное время, когда снег становится тверже. Это решение дало нам возможность совершить прогулку по селению — единственному месту, где не было снега. Оно расположено в очень приятном месте, и нам кажется, что земля здесь могла бы давать много всевозможных полезных растений, но мы не увидели нигде вокруг ни клочка возделанной почвы.

Когда багаж на санях был увязан, собаки подняли ужасный вой, который усилился, когда их запрягли. Эти звуки вполне терпимы и даже любопытны, но нестерпим весьма отвратительный запах, который они издают при этом, стремясь опорожниться. Об этих двух мелких подробностях я

упоминаю, так как они всегда случаются при отправке в дорогу (и показывают, что почти повсюду это животное наделено сообразительностью или даже скорее способностью к самоусовершенствованию — недаром же собаки с островов [Южного моря] по мере общения с нашими людьми теряли на борту былую свою вялость и становились более **[496]** бойкими и привязчивыми), — собаки отлично знают, какая работа им предстоит.

Мы отправились в путь в 9 часов [вечера], хотя еще таяло, но отъехали недалеко: пошел небольшой дождь, и снег стал настолько мягким, что мы вынуждены были остановиться до ночи. Все устроились наилучшим при данных обстоятельствах образом на сон в санях.

9 мая. В 3 часа мы снова отправились в дорогу, и наши проводники высказали опасение, что из-за оттепели мы можем задержаться и тогда нельзя будет ни проехать вперед, ни возвратиться назад.

Способ езды на собаках крайне любопытен, и нас он безумно радовал. Нам, чужестранцам, управлять собаками не дозволялось. Это делал человек, который сидел спереди и направлял сани; работа эта очень утомительная и требует большой сноровки и внимания, чтобы сани не опрокидывались, когда дорога идет по склонам или когда снег становится настолько мягким, что сани заваливаются то на одну, то на другую сторону. Погонщик становился на полоз, очень широкий, и, получая точку опоры, имел возможность плечами выравнивать сани. У меня погонщиком был очень славный казак, который, однако, оказался человеком весьма неопытным, и он опрокидывал сани на каждой миле, что вызывало веселье у прочих моих спутников [349].

В 2 часа п.п. мы прибыли в острог Натчикин [Начикин] [350] на берегу Большой реки; точнее говоря, Натчикин стоит на маленькой, шириной не более 10 ярдов, речке, впадающей в Большую реку. Расстояние между двумя этими селениями, или длина отрезка дороги, проходящей по долине, 38 верст, или 29 миль. В сильный мороз на санях эту дистанцию можно пройти за 5 часов, но снег теперь так размяк, что собаки проваливались в пего по брюхо. Я просто понять не мог, как они выдерживают такую страду.

Натчикин весьма незначительный острог; здесь только один бревенчатый дом — резиденция тойона и пять балаганов. Мне бы хотелось знать, почему здесь так мало селений и людей. Нас приняли так же любезно, как и в Каратчине, а после полудня мы отправились к горячему источнику, который находится близ селения. Прежде чем мы дошли до источника, мы заметили ручеек, который берет из него начало, и ощутили сильный запах минеральной воды. Горячая вода не только в этом источнике, который в диаметре достигает 3 футов, но и в маленьких ключах, выбивающихся на площади около акра, и здесь в великом изобилии растет дикий чеснок, который как раз в эти дни сильно пошел в рост. Источник располагается на пологом склоне холма умеренной высоты, и от реки до него примерно 200 ярдов. Ручейки, вытекающие из этого и из других источников, впадают в реку, сливаясь **[497]** в небольшой поток, который ярдах в ста от реки подпружен и образует озерцо. В этом озерце купаются, причем нам сказали, что вода в нем излечивает некоторые болезни, такие, например, как опухоли, ревматизм и др. Температура воды в нем такая же, как и крови, то есть 37°. Когда же термометр был опущен в источник, то за 2 минуты ртуть поднялась на 1° выше точки кипения спирта и больше уже не поднималась, хотя термометр опускался в источник на 5 минут. Температура

воздуха была 1,5°, а воды в реке 4,5°. Вечером подул сильный ветер и начался снегопад [351].

10 мая. Утром сели в лодки, причем нам сказали, что завтра мы будем в Большой реке и что туда можно добраться и в тот же день во время быстрого таяния снегов в горах, когда вода в реках поднимается. Сейчас же так быстро идти рекой было нельзя, так как она вскрылась лишь три дня назад, и, как и в Аваче, мы первыми в этот сезон пошли к Большой реке. К нашим мучениям добавилось мелководье. Через каждые полмили лодки наталкивались на мели, хотя местами река текла очень быстро. Местность была однообразной — всюду виднелись скалистые голые горы. Временами пролетали стаи уток. Могу добавить, что спали мы в эту и в следующую ночь на лодочных банках, а 11-го мы не могли найти ни одного местечка, свободного от снега.

12 мая. Утром пришли в Опачинский острог, от которого до Натчикина считается 50 миль. Последние 10 миль река, покинув холмы, протекала уже по ровной местности [352]. По величине Опачин примерно равен Каратчину. Здесь нас уже два дня ждал сержант с тремя или четырьмя русскими солдатами. Он направил в [Большерецк] лодку с сообщением о скором нашем прибытии и взял нас под свою опеку.

Когда мы сели в лодку, то заметили, что Порт стал очень пуглив и как-то принижен. У нас явилось предположение, что он всего-навсего губернаторский слуга, а стало быть, мы воздавали ему почесть не по чину. Но, поскольку он был человеком очень скромным и сдержанным, решено было относиться к нему как к джентльмену, ставшему лингвистом.

Между Опачином и Большой рекой местность очень ровная и по большей части затопленная. По мере приближения к месту, мы с сожалением отмечали, что вид у нас становится каторжный и что мы будем встречены в том виде, который

имеем сейчас, то есть в дорожной одежде и с длинными бородами. За час до наступления темноты мы, целые и невредимые, прибыли в столицу Камчатки. Видя собравшуюся толпу и получив сведения, что губернатор находится на берегу и готовится нас встретить, мы остановились, прошли в казарму и послали Порта сообщить губернатору, что, как только приведем себя в порядок, сразу же явимся к нему с визитом, и просили его специально нас не дожидаться. **[498]**

Но, видя, что он настаивает на соблюдении этикета, мы со всей возможной поспешностью отправились засвидетельствовать ему свое уважение. Я обратил внимание на то, что мои спутники проявили такую же неуклюжесть, как и я, приветствуя губернатора. От поклонов и реверансов — признаков высокой породы — мы совершенно отвыкли за последние два с половиной года. Я с сожалением обнаружил, что губернатор, поведение которого было весьма обязательным, забыл французский язык, между тем этот язык я понимал и Порт говорил, что он его знает. Только м-р Веббер имел удовольствие беседовать с губернатором. С майором Бемом был капитан Исмилов [В. Шмалев] [353], еще один офицер и группа купцов или цивильных джентльменов. Мы были препровождены в губернаторский дом и представлены его супруге, одетой совершенно по-европейски и обладавшей вполне европейскими манерами, которые свидетельствовали о ее хорошем воспитании и родовитости.

Капитан Гор ознакомил губернатора с целями нашего путешествия и попросил его предоставить нам муку и говядину для судовых экипажей. Затем майору было сказано, что по опыту нашего путешествия нам было ведомо, что в это время года невозможно получить в [гавани] Св. Петра и Св. Павла необходимый провиант и что как только мы оправимся, то тут же уйдем. Губернатор, однако, прервал нас и заметил, что не нам знать, что могут здесь дать [гостям], и

сказал, что он не видит трудностей в обеспечении нас провиантом, но хочет лишь получить от нас сведения о наших нуждах и сроке нашего пребывания здесь. Капитан Гор сказал, что уйдем мы 5 июня. Мы хотели обсудить подробно нашу заявку, но губернатор сказал, что он просит нас дать ему записку, в которой было бы указано, сколько голов скота и муки нам нужно.

После краткой беседы с губернатором мы убедились, что ему неизвестны события, случившиеся в Европе, в той мере, в какой они касались нашей страны и волнений в Америке. Он лишь сказал нам, что между европейскими державами война официально не ведется — об этом он знал бы, ибо его оповестил бы двор, а сообщения из Петербурга приходят за шесть месяцев, да и за последние два года он не слышал ни о каких особых политических новостях. Затем губернатор выразил желание проводить нас в отведенное нам помещение. По дороге туда мы прошли мимо двух домов, охраняемых часовыми, и они отдали честь капитану Гору. Нас ввели в очень чистый и достойный дом, и майор дал нам понять, что здесь мы будем жить, пока находимся в Большой реке, и что он нас ожидает у себя завтра. С нами он оставил Порта, и мы убедились, что нам предоставлены все удобства. У наших дверей было выставлено двое часовых, а в соседнем доме помещалась команда сержанта, готовая к действию при любой оказии. **[499]**

Помимо Порта в наше семейство вошел один путпроперчак [подпоручик] (чин средний между капралом и сержантом). К нам были приставлены эконом и повар, и повару приказано было подчиняться распоряжениям Порта в части приготовления пищи соответственно английским кулинарным традициям.

Мы получили много посланий от здешних важных людей, и они сообщили нам, что не желают сегодня вечером утомлять

нас своими визитами и откладывают их на завтра. Подобные выражения галантности и вежливости в этом месте — по контрасту с ним нас удивили и показались весьма для нас лестными, и в довершение всего в сумерках к капитану Гору явился с рапортом сержант.

13 мая. Утром получили приглашения от майора, капитана и наиболее видных особ этого селения. Майор и капитан узнали от Порта, в чем мы больше всего нуждаемся, и выразили желание поделиться тем малым, что у них есть, с нашими офицерами, отметив, что в это время года здесь во всем недостаток и так бывает, пока на шлюпах не завезут осенью из Охотска много разных товаров.

После наших дальнейших расспросов о ценах на быков и на муку мы объяснили майору, что капитан Клерк может дать вексель на Провиантскую Палату, и майор сказал нам, что он, несомненно, окажет услугу своей повелительнице, оказывая всемерную поддержку англичанам — ее друзьям и союзникам, и что ей доставит удовольствие узнать, какая помощь нам оказана в столь отдаленной части ее владений, и принять вексель было бы действием, не сообразным с характером ее величества. Если же мы и впредь будем настаивать на вручении ему обязательства на все, что получим здесь сообразно нашим таможенным правилам, то он может принять от нас обычный сертификат, в котором будет указано, что именно и в каком количестве нами взято, и он представит этот документ ко двору. Тогда все дальнейшие операции возьмет на себя уже двор. Что же касается наших личных нужд, то губернатор счел бы свои действия предосудительными, если бы в этом отношении мы положились только на купцов. Он в скором времени намерен покинуть эти места навсегда и желает поэтому показать не только камчадалам, но и русским, как должно в будущем вести себя по отношению к иностранцам.

В ответ на эти проявления доброго к нам отношения мы могли лишь принести губернатору свою благодарность. На наше счастье, капитан Клерк передал мне для вручения губернатору серию печатных карт нашего предыдущего путешествия и просил меня вручить ему их от своего имени, если окажется, что губернатор проявляет интерес к подобным материям и хоть сколько-нибудь ценит таковые. Майор оказался энтузиастом во всем, что **[500]** касалось новых открытий, и был чрезвычайно признателен за этот дар.

Капитан приказал мне также показать губернатору небольшую карту наших открытий, совершенных в этом путешествии. Вполне естественно, что более всего губернатора заинтересовала именно эта карта. Губернатор был очень воспитанным человеком и ни малейшим намеком не выразил вторичного своего желания снять с этой карты копию, чтобы не быть обиженным отказом.

Обед, который нам был дан в доме губернатора, был бы сочтен изысканным в любом месте, и после обеда мы отправились осматривать селение и его окрестности. Местность на много миль вокруг — сплошное низменное болото, и такая же земля продолжается на берегах Пенжинского моря. Майор сделал насыпь в том месте, где на острове стоит селение, и благодаря этому оно не только лучше подготовлено к обороне, но и в меньшей степени страдает от наводнений. Остров лежит в месте слияния реки Готтшаук [Гольцовки] и той реки, по которой мы сюда спустились. Последняя становится гораздо больше, приняв близ Опачина два притока — Баамоу [Банная, Бааню] и Соутоунгоутчоу [Сутунгучу], которые соответственно впадают в нее с N и S, и реку Быструю, значительно большую, чем эти два притока [354]. В низовье Большая река широкая и глубокая, и она впадает в Западное, или Пенжинское, море в 22 милях ниже селения. На этих реках имеется много островов, но они, как мне кажется, дают лишь траву, которой кормится скот, и

сено, и майор говорил нам, что единственное место, где земля возделана, — это его сад. Почва почти везде покрыта снегом, а там, где она обнажена, она испещрена небольшими бугорками, на которых земля торфянистая и черная. Мы видели здесь два или три десятка коров, а у майора есть шесть крепких лошадей, которые отлично содержатся. Коровы, лошади и собаки — это единственные не дикие животные. У губернатора имеется с дюжину кур. Местные жители считают, что здесь невозможно разводить кур, свиней и других животных меньших по размерам, чем лошади и быки. Быкам очень достается от собак, а без собак в нынешнем состоянии страны ее жители никак не могут обойтись. Дома здесь все на один образец — бревенчатые и крытые соломой (thatch'd). У губернатора комнаты просторные, но слюда (ising glass) придает им бледноватый вид Основная масса местных жителей обитает в двух или трех связанных между собой длинных домах. Посередине в этих домах есть проход, и по обе стороны его располагаются жилые помещения. Здесь есть два больших здания, где размещаются солдаты все дома строятся вразброс. На окраине селения стоит несколько балаганов.

14 мая. Майор и капитан прислали нам четыре мешка табака, весом около 100 фунтов каждый, и просили передать, что **[501]** им будет приятно, если табак этот будет вручен нашим матросам. По желанию матросов, готовых заплатить любую цену за табак, лишь бы только не остаться без него, мы заказали Фалласучу некоторое количество этого товара. Об этой сделке, несомненно, дошло до сведения майора, и поэтому он и прислал нам в подарок табак.

Одновременно майор и капитан послали капитану Клерку и офицерам 20 голов отличного сахара и много чая. Капитану Клерку майор презентовал свежее масло, мед, инжир, рис и разные мелочи в дополнение к тому, что он желал передать через нас капитану. Напрасно мы пытались сдержать эту

щедрость; ведь нам было известно, что майор посылает на корабли если не половину, то близкую к этому часть всех имеющихся в селении запасов. На это неизменно следовал ответ, что нам все это дается, так как мы претерпеваем бедствие. Им казался просто невероятным тот промежуток времени, который прошел с тех пор, как мы покинули Англию и мыс Доброй Надежды, и они нам поверили только после ознакомления с нашими картами и данными, подтверждающими долгое пребывание в плавании. Но сам факт такого плавания представлялся им удивительным.

Мы отобедали с капитаном, а после обеда, дабы разнообразить впечатления от местных развлечений, он показал нам лучших танцоров-камчадалов. Самое грубое и варварское описание не может дать представления о дикости этих танцев. Туземные пляски чередовались с русскими танцами и песнями. Последние были для нас новы и очень понравились.

Вечером мы испросили у майора разрешения вернуться. Мы узнали, что обратный путь окажется более долгим, чем мы того ожидали, и поэтому не считали возможным задерживаться здесь. Но майор нам сказал, что он уже запечатал свои бумаги и готов передать командование Камчаткой капитану; он намерен 1 июня отправиться в Охотск, а отсюда выехать через несколько дней. Если бы мы задержались на лишний день, он бы проехал с нами к нашим кораблям. У нас не было оснований отклонить его предложение, и мы согласились подождать его.

15 мая. Чтобы дать нам возможность наилучшим образом ознакомиться со здешними обычаями и модами, майор вечером пригласил к себе едва ли не все селение. Появились все дамы, и одеты они были блестяще и на русский манер. Мсье Бем для большего эффекта распаковал свой багаж и предстал перед нами в богатом и изящном туалете. Меня

поразило богатство и разнообразие дамских шелковых нарядов, и зал в доме майора был подобен очаровательному оазису среди самой дикой и тоскливой страны земного шара. Мадам Бем получила возможность продемонстрировать своим гостям танцы, принятые в “изящной” части империи. Поразительнее всего было то, что по-русски она не **[502]** могла произнести ни слова — и она, и ее муж были родом из ливонского города Риги. Она оставила двух дочерей в Петербурге и с того времени, как покинула столицу, родила мальчика и девочку, которые сейчас были при ней. То обстоятельство, что вся семья Бемов пребывала в добром здравии, хотя муж и жена уже вышли из среднего возраста, свидетельствовало о том, что это место, скверное во всех других отношениях, было весьма здоровым.

16 мая. Первое, что нас поразило утром, было дорожное снаряжение, присланное нам майором Бемом. Он явился в наш дом, чтобы помочь нам упаковать вещи. Груз у нас теперь был изрядный — мы увозили и щедрые дары майора, и скромные подарки, которые нас упросили принять другие лица, и то, что нам дала в дорогу мадам Бем; наш багаж был поручен заботам сержанта и капрала. По пути к лодке нас позвала к себе мадам Бем, и мы попрощались с ней. Мы находились под впечатлением исключительно человечного и благожелательного приема, и чувство это в еще большей степени возросло, когда мы покинули наш дом: по одну сторону от нас выстроились солдаты и казаки, по другую — все мужское население городка, а мы сами, майор, капитан и самые видные джентльмены оказались в свободном пространстве между солдатами и горожанами, и нас провожали под барабанный бой. Таким образом мы прошли к дому майора, и вся толпа пела песню, которую, как сказал нам майор, русские люди обычно поют, прощаясь с друзьями. Нас приняла мадам Бем, и с ней были все дамы, облаченные в шелковые платья, их туалеты дополнялись ценными

мехами разных расцветок, что придавало этому собранию весьма впечатляющий вид. Распрощавшись с этим обществом, поскольку было уже 11 часов, мы спустились к реке в сопровождении дам, которые пели те же песни, что и прочие местные жители. Солдаты во главе с капитаном выстроились на берегу, приветствуя майора и капитана Гора, и из двух полевых пушек был дан салют. Прощание с мадам Бем на нас так сильно подействовало, что мы не слишком спешили к лодкам. Когда же мы отчалили, все провожающие трижды приветствовали нас громкими возгласами, на что мы им соответственно ответили. Нас было, однако, куда меньше, даже если взять в расчет наш багаж и трех купцов, которые везли товар для продажи нашим матросам. Перед тем как мы зашли за мыс, мы в последний раз увидели наших гостеприимных друзей, и они проводили нас последним и уже едва слышным прощальным возгласом.

21 мая. 21-го мы по реке Аваче начали спуск к [гавани] Св. Петра и Св. Павла и вечером прошли над мелью, расположенной близ устья этой реки. В этом путешествии мы с удовлетворением отмечали, что во всех острогах тойоны и камчадалы стремятся оказывать нам помощь. Они с радостью встречали майора, **[503]** и это чувство сменялось печалью, когда им сообщалось, что майор их покидает.

Мы уже известили капитана Клерка о приеме, оказанном в Большой реке, и о намерении майора нас сопровождать, указав, когда именно следует нас ждать. Нас очень обрадовало, когда мы увидели, что навстречу нашей партии идут все шлюпки с обоих кораблей и что все наши люди умыты и одеты так, как наилучшим образом им можно было одеться при нашей бедности.

Майора поразило, что матросы на шлюпках такие крепкие и здоровые, и еще больше он был удивлен, что они, несмотря на снег, гребли, находясь в одних рубахах. В самом деле, по

виду наши люди резко отличались от русских солдат. Майор попросил нас дозволить ему переночевать на берегу и на следующее утро явиться с визитом на борт к капитану Клерку. Он сказал, что так считает нужным поступить, чтобы не беспокоить в позднее время капитана Клерка, о плохом состоянии здоровья которого ему было известно.

Поэтому мы отправились в дом сержанта. Снег почти везде сошел, и его совсем не было в той части берега, где стоит селение, и гавань предстала теперь перед нами в совсем ином свете. Я на час покинул майора, чтобы посетить капитана Клерка и ознакомить его с моими наблюдениями. Прошло всего две недели, но состояние капитана значительно ухудшилось, и ему не помогла, как мы на то надеялись, молочная и растительная диета.

22 мая. Майор прибыл на борт и засвидетельствовал свое уважение капитану Клерку. В честь майора был дан салют и его приветствовала наша морская пехота. Гостю были отданы почести, которые показали ему, что мы воздаем ему должное в меру его заслуг и готовы отблагодарить его всем, чем можно.

Он явился не только, чтобы приветствовать капитана Клерка, но и чтобы проверить, как камчадалы выполняют его приказ помогать нам в рыбной ловле и охоте, за что мы выразили ему чувства искренней благодарности. Не меньшей была благодарность наших матросов: когда они узнали, что майор сделал такой прекрасный подарок, как табак, с их стороны было добровольно изъявлено желание отказаться от грога и отдать ему весь спирт. Матросы понимали, что в этом климате без брэнди обойтись трудно, они знали также, что на берегу солдаты платят рубль за бутылку, поскольку спиртные напитки здесь — вещь редкая и ценная. Нам отлично было известно, с каким чувством отнеслись матросы к запрету пить грог в ту пору, когда мы находились в жаркой стороне, и

поэтому достойна была восхищения их щедрость: ведь если бы их жертва была принята, они лишились бы спиртного в условиях холодной местности. Однако майор, вместо того чтобы обречь их на это лишение, будучи человеком отзывчивым и рассудительным и понимая, в какой мы находимся **[504]** крайности, удовлетворился лишь нашими благими намерениями. И так как он покидал эту страну, мы не могли предложить ему ничего лучшего, чем подобранную для него коллекцию разных диковинок. Если бы мы не так давно оставили Англию, можно было бы, не доводя самих себя до крайности, снабдить этот обязательный народ такими полезными для домоводства вещами, как тарелки, стеклянная посуда, ножи, вилки и пр., но сейчас мы и сами во всем этом испытывали нужду. И мы могли бы к этому добавить много разных столь же полезных мелочей, которые облегчили бы жизнь этим людям и пришлись бы им куда более кстати, чем островитянам, [которым все это было роздано].

Поскольку майор скоро отбывал к своему двору и поскольку он был так любезен, что предложил нам взять с собой любые пакеты, которые мы только могли ему вручить для дальнейшей передачи, капитан Клерк сказал ему, что хочет послать через пего нашему послу некоторые бумаги, касающиеся предшествующей части путешествия. Было также договорено, что один маленький пакет можно будет отправить с курьером. Майор Бем сказал, что, если переход к Охотску окажется удачным, курьер достигнет Петербурга в декабре, тогда как сам он будет там в феврале или в марте.

Капитан Клерк, рассудив, сколь сохранными окажутся сообщения о наших открытиях, если их доверить человеку с таким характером и положением, как майор, и приняв во внимание, что самая трудная часть плавания осталась позади, решил переслать через него дневник покойного командира и свой собственный дневник с момента гибели капитана Кука

до настоящего времени и карту. Мы с м-ром Бейли также пожелали написать сообщение о нашем плавании, каковое в случае любого несчастья, которое могло бы произойти в будущем, дало бы Адмиралтейству подробный отчет о самой, на мой взгляд, важной части нашего путешествия. Ведь то, что мы узнали здесь от кормчих майора (и это было их собственное мнение), указывало на то, что практически невозможно пройти к северу дальше тех мест, где мы побывали. Майор весьма любезно показал нам все карты, которые у него были, и предложил нам их скопировать. Впрочем, они не содержали ничего нового и не были такими точными, как карты, полученные нами от Измайлова. Действительно, насколько мы могли судить, со времен Беринга никто не заходил севернее 66° N. На одной карте, северная часть которой, как сказал майор, была составлена путешественниками, ходившими из Колымьи в Анадырь, не было выдающегося в море мыса, как на карте Миллера и на карте Грина, где он показан по крайней мере на высоте [69°]; на этой карте не было выше 66° никаких мысов. Но контуры берега на ней так не сходны с темп, которые в действительности положены нами, что, я полагаю, она не заслуживает копировки. И чем **[505]** больше я вникаю в доводы Миллера, протянувшего Чукотский мыс до 73 или 75°, сравнивая его данные с тем, что мы видели, тем больше а прихожу к убеждению, что миллеровские сведения почти точно соответствуют Восточному мысу [о котором и идет речь], лежащему на 66°. Наше будущее плавание может пролить свет на этот вопрос [355].

26 мая. 26-го майор попрощался с нами, и с корабля был дан салют, а матросы по собственному почину проводили его троекратными прощальными возгласами. М-р Веббер и я отправились вместе с майором на реку Авачу, в то место, где от нее отходит затока, соединяющаяся с рекой Паратунка.

Там мы встретили местного священника, его жену и детей, которые пожелали попрощаться с майором.

Этот священник в меру своих сил поддерживал дружбу с нами и с майором. Хотя его дом в Паратунке расположен в 16 милях от корабля, он ежедневно снабжал капитана Клерка молоком от своих коров, хорошим хлебом, свежим маслом и пр.

Когда мы совершали путешествие в Большую реку, он послал нам [пропуск]... чтобы нам было теплее, и хлеб, масло и пр. для нашего пропитания. Невозможно передать, как этот добрый священник, его семья и мы сами были опечалены последним прощанием с майором Бемом. Мы сожалели, что расстаемся с этим человеком, которого нам вряд ли удастся когда-либо увидеть и чье бескорыстное поведение нам крепко запомнилось. Если в любой стране, посещаемой иностранцами, дела ведутся такими людьми, как Бем, то это в высшей степени способствует приумножению славы ее государей, самой этой страны и внушает доверие к человеческой природе, как таковой. Как не сравнить, пользуясь данным случаем, недостатки цивилизованных народов, которые так хорошо понимают, что такое благорасположение и гуманность, и так много толкуют об этом, а на деле в малой степени придерживаются и того и другого, с поведением некультурных островитян, чьи добродетели проявляются в полную их силу. Пример майора должен быть использован на будущее, особенно теми народами, которые нуждаются в дальнейшей полировке [polishing]. В связи с этим надо отметить, что майор Бем в ответ на все добрые услуги, оказанные нам, только и попросил у нас, что порох и свинец для камчадалов, и им он внушил, что в воздаяние они должны будут всегда оказывать помощь иностранцам и что таков обычаи всех цивилизованных наций.

Побуждая своих подчиненных к заботам о нас, майор был занят мыслями о наших будущих нуждах, и, так как предполагалось, что мы скорее всего не найдем прохода и возвратимся сюда к концу года, он попросил капитана Клерка сообщить ему, в каких тросах мы нуждаемся, и обещал послать их нам из Охотска, **[504]** а также сказал, что в нашем распоряжении весь корабельный припас, которым русские в этом краю располагают.

Он дал нашим капитанам письма ко всем своим соотечественникам, с которыми мы могли встретиться, и просил их оказывать нам всемерную помощь. И в конечном счете, будучи просвещенным человеком, он. прилагал все усилия, чтобы содействовать нашему предприятию, считая, что оно способствует общественной пользе всех наций. И как гуманный человек он оказал нам всю помощь, в которой мы испытывали нужду, попав в бедственное положение, и поддерживал нас всеми средствами, которыми он располагал. Поступая так, он оказал честь его повелительнице и своей стране и продемонстрировал добрый пример для всех, кто находился в том же положении.

ДНЕВНИК ПОМОЩНИКА ХИРУРГА Д. САМВЕЛЛА

Вторник, 4 мая. Утром купец по имени Василий Поселкой Фаласич и еще одна особа — Иоганн Даниэль Пот [Порт] — прибыли сюда из Большерецка. На санях они доехали до кромки льда и до кораблей добрались на шлюпке, немедленно отправленной с “Резолюшн”. ...Мы уяснили, что Измайлов в своих письмах представил нас как купцов-голландцев или изобразил по своему разумению нас как пиратов и посоветовал своим землякам на Камчатке нас остерегаться, и это ему мы обязаны тем, что русские здесь

долгое время относились подозрительно к нашим намерениям...

Пятница, 7 мая. Шлюпка была послана в Паратунку — деревню, где жил священник Роман Федорович Верещагин [356]. Он очень тепло принял мидшипмена и команду шлюпки и дал молоко для капитана Клерка, который очень страдал от чахотки. Заболел он чахоткой еще в ту пору, когда мы покинули Англию...

...Воскресенье, 9 мая. Получено письмо от партии, находящейся в пути к Большерецку, в котором сообщается, что путешествие еще не окончено, но оно оказалось приятнее, чем этого можно было ожидать.

Вторник, 11 мая. Большое количество льда ушло в море, и пространство между кораблями и селением очистилось. Корабли подвели к берегу. М-р Бейли, астроном, установил на берегу обсерваторию, получив на то разрешение от русских, которые были явно удовлетворены, видя, что наши намерения дружеские. Штурман стоящего в гавани шлюпа Деметра Полутов [Дмитрий Полутов] сегодня обедал на борту “Дискавери” [357].

Среда, 12 мая. Утром капитан Клерк первый раз отправился на берег и был встречен отрядом солдат с большим почетом. **[507]**

После полудня сержант проводил его на корабль и с ним отобедал.

...Понедельник, 17 мая. Утром получили письмо от 13-го числа из Большерецка от нашей партии, в котором сообщалось, что люди наши прибыли в Большерецк и были приняты дружественно. В обратный путь они собирались отправиться дней через 10—12 вместе с майором Бемом. Ночью умер от дизентерии плотник из команды “Резолюшн”

Джон Макинтош, и утром тело было отправлено к входу в гавань и опущено в море.

...Четверг, 20 мая. ...На берегу среди русских был учинен бунт, и в результате один из них был забит в кандалы. Все произошло из-за того, что один из наших офицеров привез на берег ром и напоил каких-то людей.

...Пятница, 21 мая. После полудня один камчадал привез письмо капитану Клерку от лейтенанта Кинга. В письме сообщалось, что партия, сопровождаемая майором Бемом, прибыла к устью реки Авачи; в письме содержалась просьба прислать туда шлюпки, чтобы можно было прямиком дойти до кораблей. Тотчас же были отправлены 4 шлюпки, и наши люди между 9 и 10 часами высадились в селении, а майор Бем остался на ночь в доме сержанта. Майора сопровождали Фаласич и Иоганн Д. Пот — наши прежние гости, и другой русский купец Алексей Кожевин, и один немец, сосланный в эту страну...

...Майор, чье полное имя Фредерик Магнус Бем, или Бём, человек лет пятидесяти. Он родился в Ливонии и здесь уже лет шесть состоит губернатором. Он высок и джентльмен по манерам и по виду, с ним здесь жена и сын, а две его дочери в Петербурге. Его правление удовлетворяет людей всех рангов' и здесь он в большей чести. Благодаря посредничеству м-ра Веббера, знающего немецкий язык, мы могли с ним свободно вести беседы. Естественно, наряду с прочими вопросами мы задали ему вопрос, как сейчас обстоит дело с Англией и Америкой, но он этого не знал, так как о политическом положении в Европе получал сообщения лишь в той мере, в которой оно касалось России и ее отношений, мирных и немирных, с другими державами. {Он нам сказал, что в 1775 году получили от петербургского двора распоряжения касательно возможного прихода на Камчатку английских кораблей; сообразно с этими распоряжениями он должен был

снабжать суда всем, что можно найти в этой стране, и ничего не требовать взамен.} Он также информировал нас, что незадолго до того, как мы прибыли на Камчатку, им было получено письмо от капитана Шмилова [Шмалева], брата капитана Шмилова, находившегося в Большерецке, и в этом письме сообщалось, что два чужеземных корабля были замечены чукчами, которые решили, что русские с реки Анадырь пришли к ним за податью, потому что прежде чукчи подать платить отказались а теперь, дескать, **[508]** их хотели запугать видом двух больших судов. Действительно, 12 августа капитан Кук высаживался в индейском селении в заливе Св. Лаврентия близ [мыса] Сердце-Камень, а об этой высадке уже упоминалось ранее [358].

Когда мы впервые подошли к камчатскому берегу, наши корабли приметили с холмов два казака, и они сразу же вернулись в бухту и подняли среди русских тревогу. Русские подумали, что пришли враги, и священник из Паратунки, а также другие люди упаковали свое добро и приготовились к отъезду в Болынерецк. Это мы узнали от майора, но то, что он нам сказал, не согласовывалось с поведением сержанта, который был крайне удивлен, когда наши шлюпки подошли к острогу Св. Петра и Св. Павла [359].

Помимо майора в Большерецке находится капитан Василий Шмилов, или Шмилев, и он примет командование Камчаткой, когда этим летом майор отбудет в Петербург. Наши джентльмены проводили здесь время довольно приятно, и их развлекали русскими и камчадальскими танцами и песнями. Последние им были в новинку и вызвали большое любопытство. Дела, были улажены и для обоих кораблей приобретены быки и мука, после чего гости отправились на берег...

Лейтенант Кинг вручил сыну майора серебряные часы — дар капитана Клерка, а женщинам роздал серьги и другие украшения...

Суббота, 22 мая. Утром на кораблях подняли штандарты св. Георгия и на пиннасе с “Резолюшн” на борт был доставлен майор Бем, который в 10 часов встретился с капитаном Клерком. При встрече был выстроен отряд морской пехоты и дан салют из 13 пушек. Вскоре была послана шлюпка за священником и другими русскими, которые явились с майором; все они отобедали на “Резолюшн”.

Воскресенье, 23 мая. Майор отобедал с капитаном Гором на борту “Дискавери”, где его встретили с теми же воинскими почестями. Он позировал м-ру Вебберу, который очень удачно запечатлел его внешность [360]. Майор не раз выражал удивление видом всех наших людей; он говорил, что просто не верится, что три года они провели в плавании, — так и кажется, будто они только что покинули Англию. Не меньше поразило его то обстоятельство, что у нас так мало людей умерло от болезней. Он сказал нам, что, когда русские отправляют в летний вояж к берегам Америки и на прилегающие острова шлюпы с командами в 60 человек, только 20 или 30 возвращаются обратно, остальные гибнут от цинги и других болезней. Его удивило, что на “Резолюшн” всего 112 человек, а на “Дискавери” — 70, так как одномачтовый русский шлюп водоизмещением в 70 тонн обычно вмещает 60 членов команды. **[509]**

...Среда, 26 мая. Около 2 часов майор отправился в Большерецк. До Паратунки его провожали лейтенант Книг и м-р Веббер. Чтобы хоть как-нибудь отблагодарить его за гостеприимство, которое он проявил, снабдив наши корабли всем, что в его власти было дать нам, капитаны и офицеры обоих кораблей подарили ему ром и вино, четыре квадранта, подзорную трубу и некоторые предметы, приобретенные

нами на различных островах, которые мы посетили в Южном море. Этот последний дар очень был ему по вкусу, и он намерен был преподнести его императрице [361]. Нельзя при этом не упомянуть, что команда “Резолюшн” на некоторое время добровольно отказалась по предложению капитана Клерка от ежедневных порций грога, чтобы часть этого напитка подарить майору и тем самым отблагодарить его за полученный от него табак.

Майор категорически отказался от этого дара, но его порадовал этот знак благодарности. Капитан Клерк подарил сыну майора саблю, а майору вручил подзорную трубу.

Среда, 26 мая. Два мидшипмена были посланы на съемку в бухту, и карту ее капитан Клерк обещал прислать майору, который выразил желание ее получить. Майор хотел представить императрице отчет о течениях, морях и гаванях Камчатки, и для этой цели такая карта была весьма кстати. К нашему большому удивлению и негодованию, мы узнали в канун нашего ухода отсюда, что наш астроном передал штурману [русского] шлюпа, стоящего здесь, карту всех наших открытий на берегах Америки в обмен на карту Камчатки и прилегающих местностей [362]. Само по себе упоминание об этом уже не требует дальнейших комментариев, но на такой поступок никто не обратил внимания.

На все время нашей стоянки майор оставил своего слугу И.Д. Пота, который использовался как переводчик. Он даже назначил к нам офицера, чтобы тот мог оказывать нам помощь в случае, если на других азиатских берегах мы встретимся с русскими. Это предложение майора было отклонено, и тогда он дал обоим капитанам письма к русским людям с приказом снабжать нас всем, что они могут дать, в том случае, если мы окажемся у какого-нибудь берега и в чем-нибудь будем испытывать нужду [363].

Понедельник, 31 мая. За отсутствием лучшей темы я позволю себе рассказать о нашей небольшой экскурсии в Паратунку, где мы нанесли визит священнику... Рано утром [1 июня] мы все погрузили в шлюпку и отправились в Паратунку. Обойдя западную оконечность гавани, мы увидели русскую лодку, поврежденную на скалах и прибитую к берегу. Не приметив людей, мы решили, что здесь было две лодки и на второй лодке ушли те кто потерпел крушение. Иным способом на берег выбраться было нельзя, так как в этом месте со всех сторон возвышались **[510]** неприступные утесы. Но вскоре мы заметили человека в рубахе, карабкавшегося по отвесной скале, и другого человека, который сидел внизу и курил трубку. Они призвали нас на помощь, и мы направились к берегу, где с изумлением обнаружили, что потерпели крушение один наш джентльмен с "Резолюшн" и камчадал. Поскольку место было скалистым, мы попросили этого джентльмена пройти вдоль берега к нашей шлюпке, что он и сделал; но камчадал не заботился о своем спасении и остался со своей трубкой на старом месте. Джентльмен рассказал нам о своих приключениях, случившихся, пока он обходил на шлюпке залив Авача. Он взял шлюпку вчера, чтобы пройти на ней в Паратунку, и нанял молодого камчадала в качестве гребца. Стоило подуть ветерку, как камчадал убоялся прямо пройти к месту через залив и направил лодку вдоль берега, не выпуская изо рта трубку. Ночь застала их в пути, когда они дошли до устья Паратунку. но в темноте отыскать его они не смогли, так как не знали местности. Камчадал от гребли устал и решил отдаться на волю судьбе и не брать в руки весла. Когда наш джентльмен возымел желание его к этому принудить, он совершенно серьезно заявил, что скорее перережет себе глотку, чем станет испытывать подобные тягости (это согласуется с характеристикой камчадалов Крашенинникова, который говорит, что они склонны к самоубийству). В конце концов лодка наполнилась водой, и оба путешественника вплавь добрались до берега... На

берегу… камчадал приготовился удобно умереть и уселся там, раскуривая то немногое, что оставалось в его кисете. Компаньон камчадала не проявил, однако, такой же склонности покинуть наш бренный мир и полез на крутую скалу, а на нее взобраться было невозможно, и на его счастье мы пришли ему на выручку…

…Среда, 2 июня. Мы прибыли в Паратунку в обеденное время, и священник принял нас чрезвычайно тепло…

…Четверг, 3 июня. …Паратунка расположена на берегу реки того же названия примерно в 20 милях от гавани Св. Петра и Св. Павла. Там есть церковь, шесть русских домов, 16 камчадальских балаганов, которые построены на высоких столбах, и несколько юрт, или хижин, наполовину врытых в землю. Церковь построена Берингом, и, как все русские дома, она деревянная с куполом вверху. Она очень ветхая и запущенная, но здесь считается достойным местом отправления культа. Ее украшает много икон, и среди них имеются иконы с изображениями св. Петра и св. Павла, принадлежавшие Берингу и Чирикову. Эти иконы, на которых запечатлены изображения святых патронов, были взяты в плавание к западному берегу Америки, и по возвращении кораблей они были принесены в дар этой церкви. Под навесом, который стоит близ здания церкви, подвешено четыре небольших колокола. Здесь помимо священника живет лишь **[511]** один-единственный русский — служка священника. За камчадалами надзирает, как и во всех прочих селениях, их вождь-соотечественник, который носит титул тойона. Тойонов назначает губернатор Камчатки, который может сместить любого из них по своему усмотрению, и они своп обязанности исполняют под контролем русских. В балаганах живет обычно человек 6—10. Священник сказал нам, что в приходе Паратунка насчитывается 962 камчадала, а в Большерецком — 1460. Как велик приход, мы не установили, но узнали, что страна эта не

столь населена, как в недавние годы. Во время прогулки мы набрели на развалины большой деревни, но там не осталось никаких следов от фундаментов жилых зданий. Русские говорили нам, что в 1769 году более 10 000 человек умерло от оспы, занесенной из Сибири через Охотск. Этот слабый народ скоро вымрет, и вероятно, никого из камчадалов не останется спустя несколько поколений.

Пятница, 4 июня. ...Священник Роман Федорович Верещагин имел от роду 44 года и родился в Большерецке; отец его был русским, мать — камчадалкой. У него было пятеро или шестеро детей, и их, и жену он достойно содержал, получая 80 рублей в год. Ежегодно летом он в открытой лодке совершал переход на ближайший из Курильских островов, чтобы наставлять его обитателей в христианской вере. Первый раз он там побывал в 1777 году. Он обратил в христианство жителей 14 Курильских островов. У камчадалов он пользовался большим уважением и говорил на языках Верхней и Нижней Камчатки, Пенжинской [Пенжинского берега] и Курильских островов. Это был умный, щедрый и мыслящий человек, хотя его так и нельзя было убедить, что Лютер и Кальвин были достойными особами. Доведение его было очень общительным, и к людям он хорошо был расположен, и эти качества создали ему доброе имя и известность у многих обитателей Камчатки...

...Хотя нет признаков родства между языками камчадалов и жителей Американского материка в области залива Нортон и обитателей Наваналашки [Уналашки], ...имеется все же заметное сходство в этимологии, манере произношения, тоне и акценте и в характере твердых гуттуральных звуков.

Русские скупают на Курильских островах меха, но поселений там у них нет. Священник нам говорил, что японцы также закупают на Курильских островах меха, меняя их на медные и бронзовые изделия и лакированную посуду. Такую посуду мы

видели и на Камчатке; русские привозят ее с Курильских островов.

...Воскресенье, 6 июня. Мы распрощались со священником и его семьей и возвратились на корабли. Утром прибыло 20 голов скота и две лошади для капитана Клерка, предоставленные ему на время нашей стоянки для верховых поездок, нужных ему по состоянию его здоровья. Пришла партия товаров, принадлежащая **[512]** купцам из Большерецка, и товары эти продавались по поразительным ценам. Некоторые из них были английской работы, и мы купили несколько оловянных ложек с лондонским клеймом, заплатив по 15 шиллингов за штуку, тогда как в Англии они стоят 2 шиллинга.

...Вторник, 8 июня. Сегодня у солдата Джексона из-под уха вышел осколок от наконечника индейского копья длиной в 4 дюйма. Это был тот солдат, который в стычке, где погиб капитан Кук, был ранен в глаз. Он думал, что глаз ему поразили камнем, не подозревая об этом наконечнике до тех пор, пока он не вышел из его тела. Глаз он потерял именно из-за этого предмета.

Четверг, 10 июня. Священник, его семья, служка и тойон из Паратунки нанесли сегодня визит капитану Гору. Священник подарил капитану Клерку меховое одеяло, которое он называл паллисой, а капитану Гору презентовал меховую одежду. Когда он покидал “Дискавери”, в его честь дан был салют из пяти пушек.

Пятница, 11 июня. Корабли были готовы к выходу в море, но нас задержали противные ветры... Священник обедал на борту “Дискавери” и затем распрощался с нами, так же как и И.Д. Пот, слуга майора Бема. Капитан Клерк в награду за службу И.Д. Пота в качестве переводчика вручил ему часы, и много разных вещей ему дали офицеры. Судовой журнал

капитана Кука был доверен заботам майора Бема, который должен был передать его в Англию вместе с картой открытий и отчетом о событиях, которые произошли после смерти капитана Кука. Капитан Клерк переслал также суммарный отчет о нашем плавании и грядущих намерениях в Адмиралтейство и письмо английскому послу в Петербурге, в котором отмечалось гостеприимство майора Бема и то огромное внимание, которое он проявил к делу его величества. Все это майор намерен был отправить с курьером, полагая, что пакеты дойдут в январе будущего года до Англии. В этом месяце он отправлялся в Петербург.

...Среда, 16 июня. ...К такому произведению, как “История Камчатки” [Крашенинникова], мы не можем добавить почти ничего или же очень мало, и то, что будет сказано ниже, касается лишь отдельных подробностей. Страна вокруг залива [Авача] скалистая и гористая, но, кроме горных вершин, она вся покрыта лесом, преимущественно березовым, и лес этот идет и на постройки, и на топливо. Селение, или острог Св. Петра и Св. Павла, стоит на узкой песчаной косе, которая образует гавань и отделяет ее от залива Авача, и в эту гавань ведет узкий проход между скалами. Селение состоит из пяти или шести русских бревенчатых домов и примерно 15 балаганов и трех или четырех юрт. Балаганы имеют форму конуса на широком основании и поддерживаются столбами высотой около 4 ярдов. В них поднимаются по лестницам из **[513]** толстых брусьев, в которых врезаны ступеньки. Юрты частично углублены в землю и покрыты землей. Раньше в них входили сверху, но, с тех пор как здесь поселились русские, в юртах сбоку делаются двери. В этом селении юрты совсем заброшены и камчадалы живут в балаганах. Перед балаганами устроены помосты, на которых сушат много рыбы для собак [юколы], а под балаганами висит и сушится рыба для собственного употребления. В селении масса собак, и

везде (в частности, и в самих домах) сильно воняет рыбой. В верхнем конце гавани Петра и Павла находится барак для солдат и склад, и это самые большие здешние здания. В селении около 40 солдат и 60 матросов со стоящего здесь шлюпа. Русские женятся на камчадалках, и многие из русских живут в балаганах. Большинство русских — подряженные люди [are transports], и им платят по 13 рублей в год. Эти люди в летнее время питаются икряным хлебом и рыбой, в их рацион входят ягоды. Большинство из них — казаки. Многие одеты в собачьи шкуры подобно камчадалам, и все ходят в сапогах. Что до камчадалов, то следует сказать, что они совершенно порабощены русскими после ряда сражений, в которых они боролись за свою свободу, и в этой борьбе погибли многие из них. Из-за этого и по причине оспы, недавно здесь бывшей, уцелело лишь малое количество камчадалов. Они коренасты, и рост у них средний, лица весьма широкие, скулы выдающиеся и красноватые, волосы и глаза черные (очень маленькие). Кожа у камчадалов цвета светлой меди. В целом это не очень красивый, но хорошо сложенный люд. Летом они занимаются ловлей и сушкой рыбы, зимой — охотой. Огнестрельное оружие у них в ходу, и они меткие стрелки. Говорят они и по-русски, и на своем языке, крещены, наставлены в вере и обучены письму. Мужчины одеты в собачьи шкуры, женщины переняли русские моды и носят платья из русской или китайской материи. Как все порабощенные народы, камчадалы скромны и покорны, и русские нам говорили, что теперь они не бунтуют и послушны велениям своих господ...

Нам сообщили, что в 1770 году один француз, сосланный на Камчатку, образовал шайку, убил губернатора и, захватив в Большерецке судно, бежал в Китай [364]. Маленький шлюп, стоящий здесь, принадлежит купцу Фалласичу. Он должен этим летом пойти в торговый вояж на Шумагинские острова. Возможно, что этот поход вызван той запиской, которую

капитан Кук получил от индейцев и которую он показал майору, заключившему, что Измайлов ведет [на этих островах] тайную торговлю.

У русских неподалеку от острога Петра и Павла имеются постройки, в которых вываривается соль для местных нужд в достаточном для этой цели количестве. Самые ценные шкуры здесь — морские бобры и соболя. Соболиная шкура продается за 2—5 рублей. За морских бобров нам платили по уже упомянутой цене, и **[514]** нам говорили, что в Китае купцы за них дают в два с лишним раза больше. Морских бобров у берегов Камчатки ловят мало, их добывают на островах Северного архипелага, Курильских и на острове Беринга, а также вдоль определенной части американского берега, хотя мы уяснили, что никаких поселений на [Американском] материке у русских нет. Соболей добывают на Камчатке.

Мы получили здесь немало припасов. Нам дали 20 голов скота и 230 пудов муки. За все это майор Бем цен не назначил и не допустил, чтобы капитан Клерк вручил ему обязательство, по которому выплата должна была производиться правительством, он настоял на том, чтобы отложить расплату до того времени, когда дело будет решено лондонским и петербургским дворами [365]...

Комментарии

341. Далее Херви свидетельствует, что началась суматоха и Кук не смог добраться до берега своевременно — до того, как туземцы перешли в общую атаку. В противовес Уотсу Херви утверждает, что Кук дал на шлюпки приказ открыть огонь, но, поскольку гребцы подводили шлюпки к берегу, они не могли одновременно вести стрельбу, что поняли островитяне, которые, воспользовавшись этим, напали на Кука и убили

его. Херви отмечает, что помощник штурмана Робертс, командовавший пиннасой, действовал с большим мужеством и решимостью, чего нельзя сказать о людях на баркасе и на ялике.

Все эти свидетельства противоречивы и расходятся между собой в существеннейших пунктах. Единственным очевидцем, принимавшим непосредственное участие в стычке, был лейтенант Филипс, но внимание его было отвлечено непосредственными боевыми операциями и самозащитой. Филипс утверждает, что двустволка Кука была заряжена дробью и пулей, и этого же мнения придерживаются Самвелл и Бейли, но Уотс и Кинг считают, что один из стволов не был заряжен вовсе и что холостой выстрел как раз и побудил туземцев перейти к наступательным действиям. Тот же Уотс утверждает, что Кук дал приказ на шлюпки прекратить стрельбу, тогда как Херви прямо указывает, что Кук приказал людям в шлюпках открыть огонь. Кинг придерживается того же мнения, что и Уотс, а Филипс говорит, что “капитан дал приказ стрелять”, не разъясняя, правда, относилось ли это распоряжение к людям в шлюпках или к солдатам, которые находились на берегу. Херви выдвигает более чем странную версию о том, что островитяне кинулись в атаку в тот момент, когда гребцы подводили шлюпки к берегу и не могли стрелять по толпе, но Самвелл (Voyage.., II, p. 1197) считает, что нападение совершилось, пока люди со шлюпок перезаряжали ружья. Думается, что Кинг и Уотс, стремясь изобразить действия Кука в момент схватки в более выгодном для него свете, невольно отклонились от истины. Но почти все показания сходятся на том, что лейтенант Уильямсон, который командовал баркасом, вел себя недостойно. Он держался подальше от берега и не открыл вовремя огонь, причем ссылался затем на то, что якобы не разглядел сигнала с суши. К такой же тактике Уильямсон прибег 18 лет спустя в битве

под Кемпер-дауном, “не разглядев” сигналов командующего эскадрой, за что едва не был расстрелян адмиралом Нельсоном (Voyage.., 1967, I, Introduction, p. LXXIX). Кстати, именно Уильямсон, когда обсуждался вопрос о мерах которые следовало предпринять для последующего усмирения островитян' настаивал на крутой расправе с ними. Поведение Уильямсона было настолько трусливым, что капитан Клерк, человек очень мягкий и всегда избегавший столкновения со своими офицерами, вынужден был провести специальное дознание, которое, по словам Самвелла, ничем не кончилось, так как люди из команды баркаса изменили свои первоначальные показания (Voyage.., 1967, II, p. 1204 — 1205).

О причинах стычки 14 февраля говорилось уже во вводной статье, где отмечалось, что в этом отношении свидетельства участников экспедиции и островитян значительно расходятся. Предания гавайцев, в которых нашли отражение трагические события февральских дней 1779 г., были в XIX в. собраны У. Эллисом, А. Форнандером, Д. Мало и Ш. Диблем, но, пожалуй, одну из наиболее интересных версий приводит О.Е. Коцебу, который в конце 1824 или в начале 1825 г. встретился на Гавайях с непосредственным участником событий островитянином Калемаку (Каремаку дневников О.Е. Коцебу). По словам Калемаку, Кук “отправился прямо к старому королю, который в это время отдыхал, и пригласил его последовать за собой на корабль, на что старец сразу же согласился. Однако многие эри [вожди] принялись уговаривать короля отказаться от визита, на котором все более настаивал английский капитан. Увидев, что старика пытаются задержать, Кук взял его за руку и хотел увести силой, чем весьма возмутил собравшихся толпой островитян. Тут прибежал окровавленный эри, который был ранен ружейным выстрелом с английской шлюпки, когда пересекал бухту. Он упал на колени перед королем, умоляя его никуда не ходить, чтобы избежать столь же печальной участи. При

виде раненого эри толпа, дотоле сдерживавшая свое возмущение, пришла в неукротимое бешенство. Произошло вооруженное столкновение, в результате которого Кук и несколько солдат были убиты, а остальные англичане обратились в бегство” (О.Е. Коцебу. Новое путешествие вокруг света. М., 1959, стр. 236).

Эта версия правдоподобна и частично совпадает с показаниями Филипса и Кинга. Филипс говорит о старой женщине и двух вождях, которые уговаривали короля не идти с Куком к шлюпкам, а Кинг упоминает о юном вожде, который явился к месту событий с вестью о гибели видного вождя Калиму, убитого в бухте выстрелом со шлюпок лейтенанта Рикмена (Кинг называет этого вождя Моэнимой). Этот юный вождь (Дибл узнал от гавайцев, что его звали Кекуаупио) своим рассказом крайне возбудил толпу. Правда, штурман У. Блай утверждает, что Рикмен убил вождя после того, как островитяне напали на Кука (Voyage.., 1967, I, p. 556, n. 1), но свидетельство это вряд ли соответствует истине.

342. Характеристика Петропавловского острога, данная Клерком, подтверждается описаниями Г.А. Сарычева, И.Ф. Крузенштерна, В.М. Головнина. В 1805 г. И.Ф. Крузенштерн писал: “Здесь не видно ничего, что могло бы заставить промыслить, что издавна место сие населяют европейцы” (И.Ф. Крузенштерн. Путешествие вокруг света... на кораблях “Надежда” и “Нева”. М., 1950, стр. 233). Петропавловский острог был основан в 1740 г. Берингом, который возвел несколько, по отзыву С.П. Крашенинникова, “преизрядных” домов. Однако вскоре все работы были заброшены и селение пришло в упадок.

343. Петропавловским гарнизоном командовал сержант Сургуцкий.

344. *Бем, Магнус Карл* (1727—1806) — премьер-майор (подполковник), в 1773—1779 гг. был главным командиром Камчатки. Он был назначен на этот пост в апреле 1772 г. после бунта Беньовского и прибыл в Большерецк с почти неограниченными полномочиями в октябре 1773 г. Подчинялся он иркутскому губернатору.

345. Д. Самвелл называет этого купца Василием Поселкой Фаласичем. Дж. Кинг именует его Фалласучем, или Фаллусучем. Истинное его имя названо в письме иркутского губернатора Ф.Н. Клички генерал-прокурору А.А. Вяземскому от 16/IX 1779 г. Кличка пишет, что камчатские власти по прибытии англичан “отправили к оным иностранцам собственного пример-майора служителя и купца Посельского с данными от Бема к главнокомандующему на тех кораблях писмами” (ЦГАДА, Госархив, VII, д. 2529, ч. II, л. 42).

Иоганн Даниэль Порт был, как верно предположил Клерк, камердинером (служителем) Бема и его крепостным человеком. Бем, не имея представления о характере английской эскадры, направил в Петропавловск недостаточно представительное посольство.

346. Порт неверно передал содержание рапорта Г. Измайлова, который не преуменьшал размеров английских кораблей.

Конечно, французы не покровительствовали Беньовскому, но ему был оказан теплый прием в Париже, когда он туда попал, совершив путешествие через три океана.

347. Точно такое же путешествие, как Кинг и Гор, совершил в январе — феврале 1738 г. С.П. Крашенинников, с той лишь разницей, что он шел не из Петропавловска в Большерецк, а из Большерецка к Авачинской бухте (см. С.П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М. — Л., 1949).

348. Острожек Карымчин официально назывался Паратун. С.П. Крашенинников отмечал, что в нем было 16 охотников-камчадалов и шесть строений (С.П. Крашенинников, там же, стр. 652).

349. Отличное описание камчатских собачьих упряжек было дано В. М. Головниным (см. В.М. Головнин. Путешествие на шлюпе "Диана". М., 1964, стр. 276—281).

350. Острожек Мышху, или Начикин, в устье реки Горячей также населяли камчадалы. В 1738 г. в нем проживало "ясашных иноземцев семь человек" (С.П. Крашенинников, там же, стр. 649).

351. Кинг описывает знаменитые начикинские, или большерецкие ключи на окраине села Начики с дебитом 1,5 литра/сек и температурой 60—80° С. Эти ключи и гейзеры на другом притоке реки Большой — реке Банной связаны с зоной действующих вулканов (Б.И. Пийп. Термальные ключи Камчатки. М., 1937, стр. 78—92).

352. Калинин, или Опачин острожек был расположен на левом берегу реки Большой, в 44 верстах от Большерецка, и в нем проживало в 1738 г. "девять ясашных иноземцев".

353. "Капитан Исмилов" — это Василий Иванович Шмалев (1737—1799), сын хлыновского (вятского) уроженца И.С. Шмелева, анадырского командира. Подобно своему старшему брату Тимофею (1736—1789) В.И. Шмалев был неутомимым исследователем русского Северо-Востока. Братьям Шмелевым принадлежит более 40 трудов по географии, этнографии и истории Сибири, они долгое время состояли в переписке с академиком Г.Ф. Миллером (см. А.И. Алексеев. Братья Шмалевы. Магадан, 1958). К сожалению, Дж. Биглехол, не располагая сведениями о научной деятельности В.И. Шмалева, дал ему в своей вводной статье к изданию

материалов третьего путешествия Кука незаслуженно сдержанную характеристику.

354. Столица Камчатки Большерецкий острог стояла на северном берегу реки Большой, между впадающими в нее реками Быстрой и Гольцовкой, в 33 верстах от моря. Выше Большерецка в Большую реку впадают река Банная (в XVIII в. она называлась Баню) с горячими ключами в верховье и река Сутунгучу. Описание Большерецка см. у С.П. Крашенинникова и В.М. Головкина.

355. Трудно сказать, какие карты показывал Бем. Во всяком случае на картах Н. Дауркина берега Чукотки показаны верно.

356. Деревня Паратунка, лежащая в нижнем течении реки Паратунка, была в 70-х годах XVIII в. в состоянии крайнего упадка. После эпидемии оспы 1767—1768 гг. из 360 жителей уцелело не больше 40.

Роман Федорович Верещагин (1735—1782?) — священник в Паратунке, личность весьма примечательная. С его отцом, “служилым” человеком, летом 1738 г. встречался С.П. Крашенинников. Два сына этого служилого человека, по словам И.Ф. Крузенштерна, “сделали величайшую честь своему состоянию”. Старший. Роман, сыграл большую роль в распространении русской культуры на Камчатке и на Курильских островах, на которых он неоднократно бывал. Р.Ф. Верещагин в совершенстве владел камчадальским и коряцким языками и пользовался у коренных жителей Камчатки огромным авторитетом.

357. *Дмитрий Полутов,* по происхождению тотемский крестьянин, в качестве передовщика и штурманского ученика в 1772—1774 гг. ходил из Охотска на Уналашку и промышлял “мягкую рухлядь” на Лисьих островах, описывая их и

исследуя. Он составил опись 20 островов, и в частности Кадьяка, где побывал в 1776 г. В 1779 г. он готовил в Петропавловске к плаванию на Лисьи острова шлюп “Св. Николай” купцов Пановых. В 1779— 1785 гг. промышлял на Алеутских островах и на Кадьяке (Р.В. Макарова. Русские на Тихом океане... М., 1968, стр. 74—75, 186).

Относительно обсерватории В.И. Шмалев в рапорте генерал-прокурору А.А. Вяземскому от 19/VII 1779 г. сообщал, что “в бытность его, Бема, в Петропавловской гавани находящиеся на тех кораблях профессор с помощником, расположась на берегу палатками, брали обсервацию, причем и нашим, бывшим при нем штюрману и штюрманскому ученику, показывали употребление вновь изобретенными квадрантами усматривать высоту солнца для сыскания ширины места, также и подзорными небольшими трубами оного господина майора Бема снабдили” (ЦГАДА, Госархив, VII, Д. 2529, ч. I, л. 4 об.).

358. Конечно, в Петербурге не могли в 1775 г. дать указаний о приеме судов английской экспедиции, которая была снаряжена год спустя. Однако в связи с бегством Беньовского уже в 1773 г. были даны строгие предписания Бему следить за появлением у камчатских берегов “чужестранных судов”, поскольку в Петербурге было получено известие о намерениях Беньовского с помощью Франции снарядить корабль с неизвестными и опасными намерениями. Новые распоряжения охранительного порядка были даны Бему в 1777 г., но снова в связи с возможностью появления у камчатских берегов кораблей Беньовского. Бему вменялось в обязанность в случае появления иностранных судов “зделать десант и недозволить впустить в порт как на шлюпке, так и на боте служителей более десяти человек” (ЦГАДА, Госархив, VII, д. 2529, ч. I, л. 6 об.).

Тревога, вызванная ожиданием кораблей Беньовского, усилилась, когда в 1778 г. от командира Гижигинской крепости Т.И. Шмалева поступили известия о появлении у чукотских берегов неизвестных судов, причем одновременно до Камчатки дошли вести о том, что эти суда побывали на Алеутских островах. Речь шла о кораблях Кука, которые летом 1778 г. прошли от Уналашки к Чукотке. Интересные документы, в которых содержались сведения об этих “нераспознатых” судах, приведены Дж. Биглехолом. Это два письма английского посла в Петербурге Дж. Гарриса государственному секретарю лорду Уэймауту от 9/XI и от ноября (день не указан) 1779 г. В письмах приводятся рапорты Бема, переданные Г. Потемкиным Гаррису. В первом рапорте сообщается, что летом 1778 г. русские, промышляющие на Алеутских островах черными лисами, получили от туземцев сведения, что два каких-то корабля прошли куда-то на север и люди говорили не на русском языке. Второй рапорт (Гаррис получил его во французском переводе) мы привели на стр. 572—573.

С сообщением о неведомых судах, появившихся у чукотских берегов, связана еще одна дипломатическая акция, предпринятая в том же 1779 г. Речь идет о письме гр. Н.И. Панина русскому послу в Париже И.С. Барятинскому от 11/22 октября 1779 г., в котором Барятинскому поручалось связаться с “поверенным от американских поселений” (т.е. от США) Бенджамином Франклином, запросив последнего, не американские ли суда побывали у русских берегов (А.В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М.. 1948, стр. 12; Н.Н. Болховитинов. Становление русско-американских отношений. М., 1966. стр. 76. 274—282). Как и следовало ожидать, Франклин (в декабре 1779 г.) выразил сомнение в возможности прохода американских судов к Камчатке путями, ведущими через Канаду, и предположил, что корабли эти, видимо, “есть или японские или англичанин

Кук, который поехал из Англии тому три года объезжать свет" (Н.Н. Болховитинов, там же, стр. 279).

359. Сургуцкий был не столько удивлен, сколько обеспокоен появлением в гавани иноземной шлюпки.

360. Дж. Биглехол отмечает, что этот портрет утрачен.

361. Речь идет о коллекции, ныне хранящейся в Музее Института антропологии и этнографии АН СССР.

362. Судьба этой карты неизвестна.

363. "При отбытии тех англичан из Камчатки даны им открытые указы для пользования всем находящимся в открытом Восточном море в вояжах российским промышленникам в обхождении с ними в Восточном море в со всякой благосклонной лаской и о нечинении озлоблений" (ЦГАДА, Госархив, д. 2529, ч. II, л. 42 об.). Британское Адмиралтейство в 1781 г. подарило М. Бему серебряную вазу с благодарственной надписью на латинском языке, текст которой был воспроизведен в журнале "Северный архив" (ч. 22, № 13, 1826, стр. 47). В том же номере "Северного архива" (стр. 33—47) был напечатан всеподданнейший рапорт М. Бема от января 1781 г., в котором бывший камчатский командир, определенный казначеем в Коллегию иностранных дел, просит уволить его в чистую отставку, отмечая при этом, что с ним крайне несправедливо обошелся губернатор Ф.Н. Кличка, по чьему указанию М. Бему при проезде его в 1779 г. из Иркутска в Петербург было отказано в прогонных деньгах. Даже подаренные Ч. Клерком коллекции М. Бем вынужден был везти на свой собственный кошт. Кроме того, Кличка отобрал у М. Бема карту открытий экспедиции Кука. Получив отставку, М. Бем удалился на свою прибалтийскую мызу и жил там в бедности. Однако он отказался в 1799 г. от пенсии, предложенной ему английским

правительством. Дж. Биглехол без ссылки на источник сообщает, что вазу, подаренную М. Бему Адмиралтейством, Потемкин ему не дал, заявив, что она представляет собой собственность русской нации, и передал ее в музей (Beaglehole, p. CLXIII, n. 2).

364. Снова отклики на бунт Беньовского. Беньовский бежал из Большерецка не в 1770, а в 1771 г. и был не французом, а уроженцем Словакии, в 60-х годах XVIII в. состоявшим на польской службе. Достиг он не только Китая, но и Франции.

365. На стр. 488 приводится фотоснимок расписки, выданной Клерком. Д. Самвелл привел неполные данные о провианте, отпущенном англичанам в Петропавловской гавани.

ДНЕВНИК ЛЕЙТЕНАНТА ДЖ. КИНГА

12 июня. Погода умеренная. Рано утром стали сниматься с якорей... В 3 часа подняли становой якорь и пошли под парусами. В 8 часов отдали якорь. Острог [Петропавловск] был по пеленгу NtO, скала на W берегу прохода — по пеленгу SOtS.

13 июня. В 4 часа пошли к выходу из бухты с отливным течением, верпуясь с помощью шлюпок из-за штиля. В 10 часов подул ветер с моря через проход от SOtS, отливное течение сменилось приливным, и мы вынуждены были отдать якорь. Высокая скала была по пеленгу S 0,75 O, острог — по пеленгу N 0,5 W. После обеда я вместе с капитаном Гором отправился на O берег прохода, и на склоне высокого холма мы заметили остатки парапета с четырьмя или пятью амбразурами. Это укрепление “командовало” над проходом, и во времена Беринга здесь были пушки. **[515]** Поблизости были развалины хижин и подземные помещения, вероятно бывшие кладовыми. В 6 часов с отливным течением подняли

якорь, ветер по-прежнему с моря, из-за густого тумана до 8 часов лежали в дрейфе...

15 июня. Были удивлены, когда перед рассветом услышали шум, подобный отдаленным раскатам грома, а на рассвете обнаружили, что палуба и борта покрыты тонкой пылью, похожей на наждачный порошок. Пыль эта висела в воздухе, и из-за нее стояла мгла. В направлении вулканической горы [Авачинской сопки], то есть к N от острога, сгустилась такая тьма, что мы не смогли разглядеть очертаний горных гряд. Около полудня и после полудня извержение вулкана все еще продолжалось, создавая звуки, подобные отдаленному грому, и сопровождаясь тучами золы; в общем частицы ее были величиной с горошину, но на палубах подбирали кусочки размером с грецкий орех, и многие такие частицы не претерпели изменений, вызываемых огнем. Зола смешивалась с грязью и оседала в потоках дождя, с ней выпадал пепел. Ближе к вечеру стало ужасно греметь и сверкать, и глубокая тьма, рассеянная в воздухе, создавала небывало гнетущее впечатление. Эффект вулкана должен был сказываться на большом расстоянии в открытом море: мы были от него на расстоянии 8 лиг, и пепел падал везде, куда только достигал глаз...

ДНЕВНИК КАПИТАНА КЛЕРКА

...18 июля. ...В 10 часов увидели впереди льды, которые в полдень протягивались с NO 0,5 O к WtN на расстоянии примерно 2 миль, и они были в том же состоянии, что и раньше. Я опасался, что они протягиваются на большой дистанции и помешают всем нашим попыткам продвинуться на N, однако мы должны были обследовать границы льдов и попытаться сделать все, что можно. Обсервованная широта 70°26' N [долгота 196°18' O]...

19 июля. ...Мы были у кромки льдов и не могли продвинуться дальше на N, а поэтому спустились по ветру и пошли вдоль края ледяного поля, которое протягивалось к S. ...Обсервованная широта 70°10,5' N...

21 июля. ...Ясно было, что у этого берега совершенно невозможно продвинуться дальше на N, и трудно было надеяться на то, что эти гигантские массы льда могут растаять за немногие оставшиеся недели лета. Несомненно, льды останутся здесь как непреодолимый барьер, препятствующий любым попыткам пробиться через него. Поэтому я считал, что для пользы дела лучше всего пройти вдоль льдов к азиатскому берегу, пытаясь отыскать в них проход, который позволил бы мне хоть сколько-нибудь продвинуться дальше на N, а если это не удастся, то предпринять подобную **[516]** попытку, держась берега; однако я не льстил себя надеждой, что там ждут большие успехи, так как теперь море настолько было забито льдами, что нечего было и думать о поисках прохода [широта 69°37' N, долгота 193°7' О].

ДНЕВНИК ЛЕЙТЕНАНТА ДЖ. БАРНИ

Вторник, 27 июля... Видя, что невозможно ни дальнейшее продвижение на N, ни приближение к берегам Азиатского или Американского материка, поскольку этому препятствовали льды, переполнившие все море, мы сочли бесполезными все дальнейшие попытки такого рода [широта 67°55' N, долгота 188°26' О].

28 и 29 июля. Повернули на SO к азиатскому берегу...

31 июля. Шли на S; азиатский берег виден весь день. В полдень широта 65°08' N, долгота 189°08' О, склонение 25° О...

...Воскресенье, 22 августа. Утром пришла шлюпка с “Резолюшн”, и нам сообщили, что скончался капитан Клерк. В полдень были на траверзе Шупинского Носа [мыс Шипунский], его широта 53°08' N, долгота 159°56' O.

Понедельник, 23 августа. Вечером увидели дозорную башню в заливе Авача; в темноте на ней зажгли маячные огни. В полночь отдали якорь у входа в залив Авача при глубине 11 саженей.

Вторник, 24 августа. Утром подняли якорь и пошли к острогу; после полудня отдали якорь в гавани Св. Петра и Св. Павла. Местность теперь выглядела очаровательнейшим образом; право же, кажется, что летняя и зимняя Камчатка — это две разные страны. Майор Бем, мы слышали, отбыл в Петербург вскоре после нашего ухода (в июне). Главным командиром Камчатки теперь был капитан Шмалев, Острог Св. Петра и Св. Павла находился в ведении того же сержанта, который командовал, когда мы здесь были раньше.

ДНЕВНИК ПОМОЩНИКА ХИРУРГА Д. САМВЕЛЛА

Воскресенье, 22 августа. Этим утром между 8 и 9 часами наш главный командир капитан Чарлз Клерк умер от чахотки [consumtion], а страдал он от нее с тех пор, как мы покинули Англию. Он родился в Уэтхерсфил-Холле Брейнтри в графстве Эссекс и скончался в возрасте 38 лет. Отец его был мировым судьей, и годовой доход от собственного поместья капитана составлял примерно 500 фунтов. Наш капитан начал свою службу во флоте в юности и принимал участие в некоторых боевых действиях во время последней войны. Он находился на борту **[517]** “Беллоны”, когда команда этого корабля захватила [фрегат] “Куражьез”. Бизань-мачта, на топе которой Г.Ч. Клерк стоял в этом бою, была снесена и

рухнула в море, но ее подняли на борт, причем она не пострадала совершенно [366]. Он в качестве мидшипмена принимал участие в первом кругосветном плавании “Дельфина”, а на “Индевре” служил помощником штурмана, и на обратном пути после смерти м-ра Хикса капитан Кук сделал его лейтенантом [367]. Во время предыдущего плавания он был вторым помощником на “Резолюшн” и по возвращении был назначен командиром “Дискавери”. В нынешней экспедиции он после злосчастной смерти капитана Кука 14 февраля возглавил командование кораблями. Капитан Клерк был душевным человеком и отличным моряком, но ему все же не хватало твердости и решительности — качеств, необходимых для большого командира. Он не был уверен в себе и постоянно испытывал колебания и сомнения, но уж коли определенная линия поведения была им выработана, никто не мог проводить ее в жизнь с такой готовностью, как это делал капитан Клерк. Ему больше подходил бы пост первого помощника командира, и ему легче было исполнять приказания, чем давать их. Однако стойкость, проявленная им в плавании после гибели капитана Кука, стойкость, которая превозмогала его телесные недуги, позволила ему с честью выполнить свой долг и оставить по себе добрую память. Главным свойством его характера была общительность, и в качестве веселого собеседника, пожалуй, никто не мог с ним сравниться. К этому следует добавить, что обладал он открытым нравом и был украшением любой компании, а поэтому и смерть его вызвала горькое сожаление. Только он и капитан Гор, его преемник, одни в целом свете совершили три кругосветных плавания. Вакансия, освободившаяся после смерти капитана Клерка, была замещена только вслед за тем, как мы вошли в гавань Петра и Павла, так что этого события мы ждали день или два. Мы пожелали похоронить капитана Клерка в деревне Паратунка, ибо такова была воля покойного. Он завещал местной церкви 100 рублей…

Вторник, 24 августа. В 8 часов утра… мы отверповались в гавань с приливным течением. Подняли на полумачте вымпел на обоих кораблях в знак присутствия на борту тела капитана Клерка. При легком попутном ветре вступили в гавань и в 3 часа п.п. стали на якорь. В момент, когда корабли отдали якорь, сержант [Сургуцкий] выстроил весь свой небольшой гарнизон в полном вооружении и затем прибыл на борт “Резолюшн” к командиру. Сообщив ему о смерти капитана Клерка, мы упомянули о том, что намерены похоронить покойного командира в паратункской церкви, но видно было, что он не желал этого допустить, ибо мы не казались ему христианами. Поскольку это дело касалось в сущности только священника и сержант не мог взять на себя **[518]** решение такого вопроса, он послал гонцов к нему в Большерецк, желая поставить в известность о нашем прибытии нынешнего губернатора Камчатки капитана Шмилова [Шмалева]. Нас больше всего поразил сейчас контраст между нынешним видом местности и тем, который нам открылся, когда мы сюда пришли в мае, когда все было в снегу. Теперь холмы и долины были покрыты восхитительнейшей зеленью, и такой роскошной картины мы никак не ожидали встретить в подобной стране.

На пологих склонах бухты росли такие же деревья, как на горе Маунт-Эджкем под Плимутом. И нигде еще я не встречал такого прекрасного вида — вершина далекой горы, убеленная снегами, вздымалась над ближними холмами, а долина была сплошь покрыта зеленью, так что одновременно страна являла величественным и впечатляющим образом картины зимы и лета.

Среда, 25 августа. Сегодня капитан Гор вступил в командование “Резолюшн” и назначил первого помощника этого корабля лейтенанта Кинга командиром “Дискавери”…

Астрономические обсерватории были установлены на берегу и разбита палатка для обоих капитанов...

Четверг, 26 августа. ...Сержант обедал с обоими капитанами на борту “Дискавери”.

Пятница, 27 августа. Этой ночью прибыл наш старый друг приходский священник из Паратунки Роман Федорович Верещагин и утром посетил капитана Гора. Он отказался похоронить капитана Клерка в Паратунке, ссылаясь на то, что мы не христиане или по меньшей мере люди, не приобщенные к греческой церкви, но предложил предать тело земле в том месте, где в будущем году должны построить церковь и где похоронено много русских. Священник сказал, что там также погребен профессор Делиль [де] ла Кройер, который сопровождал к берегам Америки Беринга [368]. Взяв в расчет, что людей этих убедить невозможно, мы согласились с предложением священника, и оба капитана отправились с ним на берег, чтобы выбрать надлежащее место для могилы. Когда место было выбрано, туда послали партию людей, чтобы выкосить траву, удалить подлесок и расчистить поляну для погребальной процессии. Вечером вырыли могилу у подножия дерева в самой глубине бухты Петра и Павла, чтобы там в субботу похоронить капитана Клерка.

...Воскресенье, 29 августа. Между 12 часами и 1 часом тело капитана Клерка было предано земле с воинскими почестями, достойными его ранга по церемониалу, принятому англиканской церковью. С кораблей было дано по 12 пушечных залпов, и солдаты трижды салютовали из мушкетов у могилы. На погребении присутствовали капитаны, все офицеры обоих кораблей, священник, сержант. В качестве зрителей было много русских и **[520]** большинство наших матросов. В палатке капитаны и офицеры отобедали со священником и сержантом...

...Пятница, 3 сентября. Русский прапорщик по имени Иван Иванович Синд (сын лейтенанта Синда — мореплавателя, который на картах числится Синдовым) прибыл сюда из Большерецка с извинением от капитана Шмилова. Он писал, что не ждал нас и что, поскольку на Камчатку не прибыли ожидаемые из Охотска шлюпы, он пока не может снабдить нас, но, как только эти шлюпы сюда придут, приедет он сам. Однако он сообщал нам, что из Верхней [369] к нам идут 16 голов скота и переводчик с русского на немецкий язык...

...Воскресенье, 5 сентября. Сержант передал нам быка. Его зарезали и половину туши отдали для личных нужд капитана Гора, остальное распределили между командами обоих кораблей [370].

...Четверг, 9 сентября. Сегодня увидели русский шлюп у входа в гавань, и к нему были отправлены на пиннасе штурман с "Резолюшн" и прапорщик Синд. Они вернулись со шлюпом, который стал на якорь вне гавани. Это был шлюп, или двухмачтовый галиот, которого ждали из Охотска.

Пятница, 10 сентября. Ветра не было; были посланы четыре шлюпки, чтобы отверповать в гавань русский шлюп; около 12 часов он стал на якорь в гавани Петра и Павла. Приветствовали шлюп четырьмя выстрелами. На шлюпе доставлено было 50 солдат, и с ним прибыл офицер, посланный майором Бемом, чтобы принять команду в гавани Петра и Павла. Этот офицер и штурман отобедали в палатке капитана Гора. Офицер, который по рангу, будучи подпоручиком, равен лейтенанту, принял командование от сержанта и выставил его из дома. На галиоте нам привезли муку, канаты, смолу и вар, согласно обещанию майора Бема, и письмо губернатора Охотска капитану Клерку. Еще одно письмо было доставлено от лекаря из Охотска хирургам наших кораблей. С кораблем прибыл купец с различными товарами — шелком, платками, нанкой и т.д. На шлюпе была

доставлена мука и все прочее для здешнего гарнизона и для него же две пушки...

...Суббота, 11 сентября. Ночью дул сильный ветер, и русский шлюп прибило к берегу, но ущерба он не потерпел. Утром оба корабля получили канаты, смолу и вар. На “Дискавери” было отпущено шесть бочек смолы, две бочки вара, бунт 4,5-дюймового каната на 135 саженей, трос 3,5 дюйма на 125 саженей и трос 2,5 дюйма на 125 саженей, 42 пуда бечевы и 40 парусных игл. Доставлено было некоторое количество гвоздей, но мы в них не нуждались и поэтому не взяли их. До 16-го люди занимались обычными делами, сержант ежедневно обедал в палатке с капитаном Гором. **[522]**

Четверг, 16 сентября. Сегодня прибыл переводчик, которого мы ожидали, и нам его представил капитан. Он понимал довольно сносно немецкий язык, но говорить на нем не мог. Он был русским дворянином, и сослали его сюда лет тридцать назад. Звали этого человека Петром Матвеевичем Евашкиным. Он родился в 1723 году, был прапорщиком в лейб-гвардии императрицы Елизаветы и ее фаворитом, но за преступление (а за какое именно, ему неведомо) его сослали в эту страну (можно предположить, что как раз за то, что он был в интимной связи с императрицей). Но как бы то ни было, преступление его оказалось такого характера, что последующие государи России не считали нужным отозвать его из ссылки, хотя о его деле неоднократно докладывали двору многие правители Камчатки. Перед ссылкой он был бит кнутом и у него разрезали (slit) ноздри, и знак этого наказания остался у него навсегда. Отец его был генералом русской армии. Он рассказал нам, что, находясь здесь, испытал великие лишения, и 30 лет не пробовал хлеба, и питался одной лишь рыбой до тех пор, пока майор Бем не заинтересовался им и не сделал его жизнь более сносной. Однако, хотя майор Бем пытался добиться для него разрешения на возврат в Россию, успеха он в этом не имел, и

майору удалось лишь выхлопотать для этого человека разрешение на свободные поездки не дальше Охотска.

Это был высокий и крепкий человек, и видимо, в молодости он был красив. Он хорошо играл на скрипке и был отлично воспитан, понимал французский и немецкий языки, в юности ездил в Париж и Амстердам и, видимо, тяжко переживал свою злую судьбу, которая обрекла его на прозябание в этой дикой стране. Жил он больше в Верхнем, получал от правительства пенсион и сам себе был полным хозяином. При дальнейшем знакомстве мы все прониклись к нему уважением [371].

Пятница, 17 сентября. Оба капитана отправились с группой наших людей на охоту в сопровождении П.М. Евашкина с намерением провести вне гавани несколько дней. Они взяли с собой кока, палатки и прочие принадлежности, так что партия эта напоминала не группу спортсменов, а караван, отправляющийся в дальнее странствование. С ними отправились двое камчадалов...

...Понедельник, 20 сентября. Сегодня прибыл гонец, сообщивший нам, что капитан Шмилов прибудет сюда через день-два. Между русским сержантом и капралом произошла размолвка, и дело это разбирал подпоручик; сержант получил жестокую порку, жестокую вдвойне, если принять во внимание, какой пост он занимал и как к нему относился капитан Гор, который ежедневно приглашал его к обеду наряду с нашими офицерами. Это наказание было расценено в определенной мере как акт, **[523]** оскорбительный для нас, и вызвало возмущение своей явной несправедливостью. Если капитан военного корабля снисходит до того, что ставит себя на один уровень с сержантом, приглашая его к своему столу, то, естественно, должно было бы полагать, что этого сержанта нельзя подвергать наказанию по воинскому уставу. И действительно, русские в невыгодном для нас свете

рассматривали короткие отношения главного нашего командира с сержантом, как на то неоднократно нам намекал переводчик П. Мат. Евашкин. После полудня капитан Кинг и Евашкин возвратились с охоты на медведей, так и не встретив ни одного зверя и не удовлетворив свой спортивный азарт. Грузили со шлюпа муку.

Среда, 22 сентября. В годовщину коронации его величества сегодня в полдень каждый шлюп салютовал 21 выстрелом и офицеры обоих кораблей обедали с капитаном Гором. На обеде присутствовал капитан Шмилов, который прибыл сегодня утром из Большерецка. На борту его приветствовали 11 выстрелами.

Четверг, 23 сентября. Капитан Шмилов посетил “Дискавери”, где его приветствовали 11 выстрелами, а затем отобедал с капитаном Кингом и офицерами обоих кораблей в палатке.

Суббота, 25 сентября. Капитан Шмилов попрощался с нами и отбыл в Большерецк. Капитан Гор подарил ему золотые часы, винтовку, набор ножей в футляре и некоторое количество рома. Перед отъездом он сместил подпоручика и вновь назначил на место командира сержанта, что отчасти вызвано было нашими заявлениями по поводу вышеупомянутого дела и тем, что подпоручик был привержен к пьянству. Последний должен был теперь вернуться в Охотск. Капитан Гор дал Евашкину набор верхней одежды, рубахи и пр., а капитан Кинг подарил ему винтовку и разные вещи. Корабли готовы были к выходу в море, но мы поджидали, когда прибудут быки, а они должны были появиться в ближайшие дни.

Воскресенье, 26 сентября. Вольные каменщики с обоих кораблей устроили собрание своей ложи в русских бараках и там приняли новых членов — первых и, вероятно, последних масонов из числа жителей этой страны. Сегодня опрокинулся

один из балаганов, но жильцы в нем не пострадали и обиталище это сохранило свою прежнюю форму.

Понедельник, 27 сентября. Масоны собрались снова и приняли еще несколько новых членов. Партии наших людей часто ходили в Паратунку к священнику и попутно развлекались охотой на уток, а на реке уток было очень много. Несколько джентльменов, находясь в Паратунке, пожелали отправиться на медвежью охоту и подрядили с этой целью служку и паратунского тойона, чтобы те их сопровождали. Ночью (а именно ночью медведи спускаются с холмов к озерам, чтобы наловить рыбы) охотники подошли к большому озеру и увидели там трех или четырех **[524]** медведей. Одного удалось подстрелить, когда он переходил через небольшой пруд, но он тут же, сердито рыча, ушел в лес... (Далее речь идет об охоте, в которой участвовал сын священника Р.Ф. Верещагина Федор, и приемах охоты камчатских охотников на медведей. — *Прим. пер.*)

Четверг, 30 сентября. Прибыло 16 голов скота и две лошади, предоставленные офицерам на время нашей стоянки. Этим утром капитан Гор отправился в Паратунку, взяв с собой плотника, для того чтобы установить гербовый щит капитана Клерка в церкви. Под ним была выгравирована следующая надпись:

“Выше — гербовый щит капитана Чарлза Клерка. Он вступил в командование кораблями его величества короля Британии “Резолюшн” и “Дискавери” после смерти капитана Джемса Кука, который, к несчастью, был умерщвлен туземцами на одном из островов Южного моря 14 февраля 1779 года, после того как обследовал берег Америки от 42°30' до 70°44' северной широты в поисках прохода из Азии в Европу. Капитан Клерк скончался от легочной чахотки в море 22 августа 1779 года в возрасте 38 лет и покоится у подножия дерева близ острога Св. Петра и Св. Павла. Он предпринял

вторичную попытку отыскать проход из Азии в Европу и проникнуть на север до того предела, которого достиг капитан Кук, но убедился, что дальнейшее продвижение практически невозможно”.

В том месте, где похоронен капитан Клерк, был насыпан земляной холм, огороженный частоколом из кольев, врытых в грунт. Вокруг могилы два старых товарища по плаванию посадили несколько ив. Против дерева была прибита в изголовье доска со следующей надписью:

“У подножия этого дерева покоится прах капитана Чарлза Клерка, который принял командование его британского величества кораблями “Резолюшн” и “Дискавери” по смерти капитана Джемса Кука, который умерщвлен был на одном острове Южного моря 14 февраля 1779 года. Умер в море от легочной чахотки 22 августа того же года в возрасте 38 лет”.

Этот текст был составлен капитаном Гором...

...Суббота, 2 октября. Капитан Гор потребовал от офицеров обоих кораблей, чтобы они в письменном виде представили свои мнения о курсе, которым следует возвратиться в Англию. Сегодня эти рекомендации были вручены, и все согласились с тем, что надо будет пройти к востоку от Японии, зайти для пополнения запасов продовольствия в Макао в Китае, и такой план был бы наиболее предпочтительным для следования на нашу родину. Зима уже надвинулась, и надо было ожидать штормовой погоды в широте Японии, и было бы не безопасно проводить обследования японских берегов, тем более не следовало проходить к западу **[525]** от Японии. Оба корабля были выведены из гавани в бухту Петра и Павла...

Воскресенье, 3 октября. Годовщина коронации императрицы справлялась русскими как большой праздник. С кораблей

были даны с долгими интервалами пушечные залпы, а на берегу большую часть дня гремели залпы из ружей. В полдень “Резолюшн” дал залп в честь этого события из 20 пушек, а капитан Гор преподнес говядину и ром офицеру и сержанту и на берегу отпраздновал вместе с ними.

Понедельник, 4 октября. Сегодня священник и вся его семья ожидались на корабле: они намерены были нанести визит капитану Гору. Джентльмены с обоих кораблей были приглашены к обеду на борт “Резолюшн”, с тем чтобы они затем приняли участие в вечерних танцах, которые желал посмотреть священник. Вечером он прибыл со своей женой и дочерью. Жена сержанта и все женщины-камчадалки селения пришли на борт, и у нас были русские, курильские и камчадальские танцы, которые исполнялись под аккомпанемент скрипки Евашкина, нашего переводчика. В это же время прибыл гонец из Большерецка с подарками для командиров и офицеров обоих кораблей (подарили нам чай и сахар). В Большерецк прибыл из Охотска шлюп, и в письме, написанном им своему шурину (Д. Самвелл пишет непонятно: in a letter he wrote to his brother-in-law. Местоимение he [он] может относиться к кому угодно, но, видимо, речь идет о каком-то охотском жителе. — *Прим. пер.*), он сообщал, что Англия и Франция находятся в войне друг с другом и что англичане захватили 50 французских военных кораблей, которые помогли американцам, и он нас поздравил с этой победой. Мы не знали, что и подумать об этом, ибо русский язык нам был мало доступен и мы не были уверены, что поняли все правильно, но полагали, что захвачены были торговые корабли, хотя русские и уверяли нас, будто речь идет о боевых кораблях. Впрочем, надо было запастись терпением: ведь через несколько месяцев все для нас прояснится. Нам также сказали, что князь Орлов впал в немилость при дворе и изгнан из России, но, куда именно,

русские и сами не знали [372]. Сержант едет в Россию, и он повезет с собой рекомендации капитана Клерка.

Вторник, 5 октября. Священник, его семья и сержант с женой обедали на "Резолюшн". Вечером были танцы. Все камчадалки, как и вчера ночью, пришли на борт.

Среда, 6 октября. После полудня священник распрощался с нами. Было небольшое извержение вулкана, которое продолжалось и во вторую половину дня.

Четверг, 7 октября. Палатки и все прочее были доставлены на борт, так как мы были намерены завтра отправиться **[526]** в путь. Зима наступила здесь очень быстро, листва облетела, травы завяли, и страна, такая зеленая в момент нашего прибытия, снова приняла печальный и пустынный облик. Горы внутри страны покрылись снегом, и стало очень холодно. Женщина, которая еще в первый наш приход бежала от своих друзей и жила с барабанщиком из команды "Дискавери" в палатке, пожелала отправиться с ним в Англию.

Пятница, 8 октября. Утром снялись с якоря и вышли из бухты со свежим ветром от N...

ДНЕВНИК ШТУРМАНА Т. ЭДГАРА

Среда, 25 августа... В 9 часов [д.п.] на борт ["Дискавери"] прибыл лейтенант Джемс Кинг, который принял командование кораблем, а бывший командир ["Дискавери"] капитан Джон Гор занял на "Резолюшн" пост покойного капитана Клерка. Одновременно явились на борт ["Дискавери"] лейтенант Джон Уильямсон и м-р Уильям Леньон, которые заместили лейтенантов Джемса Барни и Джона Рикмена, назначенных на "Резолюшн"...

...Понедельник, 30 августа... В полдень тело капитана Чарлза Клерка было положено в пиннасу для последующего погребения, и на обоих кораблях зазвонили судовые колокола. Когда с пиннасы тело вынесли на берег, с кораблей было дано 12 пушечных выстрелов с интервалами в 40 секунд. В 12 час. 30 мин., когда тело было предано земле, эскорт морской пехоты дал три залпа, и пушечный салют окончился.

ДНЕВНИК МИДШИПМЕНА ДЖ. ГИЛБЕРТА

Лето здесь [на Камчатке] очень короткое и продолжается немного больше четырех месяцев: в октябре страна принимает совершенно зимний облик: деревья и кусты теряют листву и дни становятся холодными; я не сомневаюсь, что в конце ноября и в начале декабря земля здесь покрывается снегом.

Мы пополнили запас воды и топлива и в части провианта получили все, что можно было в этом месте получить. После утомительной семинедельной стоянки мы 10 октября 1779 года вышли из залива и, поскольку погода была хорошая, провели съемку берега вплоть до мыса Лопатка. Этот мыс — южная оконечность Камчатки и лежит в широте 50° N и в долготе 155,5° O. Затем в наши намерения входило обследование Курильских островов, но из-за противных ветров нам не удалось увидеть ни одного из них. Самый северный из Курильских островов виден [остров Шумшу] с мыса Лопатка; согласно рукописным русским картам, острова **[527]** эти малы, и всего их насчитывается восемнадцать, а островная цепь протягивается на SSW к островам Йедзо [острову Хоккайдо]. Последних мы также не видели, так как все время дул ветер от W и к ним нельзя было подойти.

Островов этих три, они не очень велики и лежат к NW от Японии.

Из-за неточности старых карт Японию обычно считают одним большим островом, тогда как на самом деле это скопление ряда островов. Но значительного размера достигают только три острова, а остальные очень малы. Они расположены один подле другого и в совокупности по площади почти равны Великобритании.

24 октября мы дошли до NO оконечности острова Нипон, главного из японских островов и по величине почти равного двум другим островам. Эта оконечность лежит в широте 40,5° N и в долготе 141,5° O [мыс Сирия — крайняя NO оконечность острова Хонсю; широта 41°26' N, долгота 141°28' O]. Мы шли примерно в 2 милях от берега умеренной высоты и на вид весьма плодородного. Земля была хорошо возделана и разбита на правильные делянки, и общая картина являла совершенное очарование.

Поскольку ветры были легкие, мы продвигались вдоль берега медленно; берег тянулся к S. Затем подул ветер с суши, и, так как к тому же и течение шло к O, нам удалось только в течение двух дней наблюдать этот берег. Видели два японских судна, но они находились от нас на расстоянии 2—3 миль и ближе не подошли. Принимая в расчет скорость, с которой они шли, было бы бесполезно их догонять. Некоторое время мы лежали в дрейфе и, дав салют, подняли наши флаги, но никакого эффекта это не дало, и японские суда продолжали следовать к берегу.

Через три или четыре дня при попутном ветре мы подошли к земле градуса на 1,5 южнее того пункта, у которого мы от нее отвернули. Берег был от нас на расстоянии 3 или 4 лиг.

Держались малые ветры и штиль, что воспрепятствовало нам провести съемку берега, когда мы направились дальше на S. Спустя два или три дня силой течения нас снова отнесло в море, а еще через несколько дней мы заметили землю на расстоянии примерно 12 лиг и множество кораблей у берега. Это была SO оконечность острова, лежащая в широте 35° N и в долготе 140° О. Над ней поднималась очень большая остроконечная гора, по высоте почти равная высочайшим из тех гор, которые нам доводилось видеть прежде [гора Фудзияма].

Течение, которое огибало этот мыс, было сильнее, чем прежде, и отнесло нас так далеко к О, что все наши попытки снова приблизиться к земле оказались напрасными. Поскольку надвигалась зима, мы пошли на S к берегам Китая. В течение нескольких дней в воздухе было много пепла, который, вероятно, выбрасывал один из ближайших вулканов. **[528]**

Это был небывало трудный переход: все время штормило, шквалы сопровождались грозами и дождем и на море было чрезвычайно сильное волнение. 14 ноября мы прошли мимо островов Сульфур [острова Волкано], лежащих в широте 25° N и в долготе 140,5° О. Их всего три, они малы и необитаемы.

Капитан Гор хотел пройти к двум или трем маленьким островам, которые называются островами Ваши [острова Батан], но мы пропустили их, поскольку не знали, каково их точное положение [373].

Незадолго до того как мы вышли к берегу, корабли натолкнулись на большой риф. Дело было в полночь в кромешной тьме, и мы услышали шум прибоя, разбивающегося о риф, когда корабль уже был на отмели, отходившей от скал. Мы едва успели повернуть фордевинд и отвернуть в море. Утром мы снова спустились фордевинд и

пошли вдоль южной оконечности рифа. Называется этот риф Пратас и лежит в широте 22°42' N и в долготе 116°44' O; склонение 0,5° W [374]. Этот риф имеет округлую форму, в окружности достигает примерно 6 лиг, и у его западной стороны лежит низкий песчаный остров протяженностью 2 или 3 мили, и к берегу его, видимо, можно подойти на шлюпке.

30 ноября мы подошли к островам Лама; это ряд маленьких островков, лежащих неподалеку от китайского берега [375].

Капитаны в соответствии с приказами Адмиралтейства потребовали, чтобы все джентльмены передали им свои дневники, карты, зарисовки и любые заметки, касающиеся этого путешествия. Тщательному обыску подверглись также и матросы. Цель этой меры заключалась в том, чтобы предотвратить возможность публикации кем бы то ни было сообщений о наших открытиях, ибо такая публикация должна была быть осуществлена лицами, назначенными их лордствами, и в том виде, в котором последние считали возможным ее выпустить в свет.

Мы обогнули южную оконечность острова Лама и спустя три или четыре дня отдали якорь на рейде Макао, и все мы испытывали величайшую радость и удовлетворение, поскольку в течение трех лет до нас не доходили вести из Европы. Как раз три года миновало с тех пор, как мы покинули мыс Доброй Надежды.

На следующий день мы подняли якорь и направились к Типе [Таи-па — старая гавань Макао]. Это надежно укрытая гавань, правда довольно мелкая (глубина ее только 2,5—3 сажени, дно ракушечное). Она велика и образуется четырьмя небольшими островами, лежащими у входа в Кантонскую реку [Сицзян], и расположена в 24 лигах от Кантона. Мы стали на якорь примерно в 4 милях от Макао — небольшого

поселения, принадлежащего португальцам. Они же владеют цитаделью и всеми укреплениями, но живут в городе преимущественно китайцы, и им не разрешают покидать пределы маленького полуострова, на котором **[529]** расположено поселение Макао. Макао лежит в широте 22°10' N и в долготе 113°48' O.

Здесь мы услышали о войне с Францией — событии, для нас совершенно неожиданном: ведь мы в общем были убеждены, что американский мятеж давно уже подавлен [376].

Китайцы снабжали нас самой разнообразной провизией, но цены у них были очень высокие. Капитан Кинг отправился в Вампу, где останавливались корабли Британской Ост-Индской компании, и приобрел на небольшом бриге, принадлежавшем одному фактору этой компании, разный корабельный припас; и, хотя там стояло девять компанейских судов, но — увы! — получили мы меньше, чем в свое время приобрели на Камчатке. Помимо того что были проделаны обычные судовые работы, мы привели в порядок поручни на баке и шканцах и подготовили корабли к боевым действиям, а этим мы прежде никогда себя не утруждали. В обмен на становой якорь мы выменяли на компанейском судне шесть четырехфунтовых пушек и довели до 16 количество стволов на “Резолюшн” и до 10 на “Дискавери”. Остаток наших шкур мы продали гораздо выгоднее, чем на Камчатке; китайцы очень охотно их покупали и давали нам от 50 до 70 долларов за шкуру, что составляет 11 фунтов 5 шиллингов — 15 фунтов 15 шиллингов, тогда как покупали мы шкуру за топор или за пилу. Двое матросов с “Резолюшн” бежали ночью на шестивесельном ялике, и больше мы о них ничего не слышали.

Заготовив воду, отремонтировав такелаж и проконопатив борта, мы после утомительной шестинедельной стоянки вышли в море и направились на S [13 января 1780 г.].

Выйдя в море, мы восемь дней шли при шторме и плохой погоде, пока не достигли острова Пуло-Кондор. Это маленький, высокий остров, покрытый лесами, лежащий в широте 8°39' N и в долготе 106°19' O. Мы отдали якорь в прекрасной гавани на его NW берегу при глубине 6 саженей и пробыли здесь неделю. Здесь живет несколько китайских семей, и у них мы купили восемь или 10 буйволов, так как нуждались в говядине для судовых команд. Сетями мы наловили много рыбы и заготовили топливо — для этой цели место, в котором мы стояли, было очень удобно. В глубине бухты берег почти везде зарос манграми, и обезьян в них неимоверное количество. На восточном берегу есть небольшой источник, в нем мы брали воду для текущих нужд.

28 января мы вышли в море и, пройдя пролив Банки [Банка], 12 февраля отдали якорь на SO берегу острова Принсес [Панаитан] в Зондском проливе на глубине 26 саженей; дно — тонкий песок. По общему мнению, это самое жаркое и нездоровое место на земле. Живут здесь малайцы; и мы у них купили много рыбы и черепах по сходной цене. Запас воды мы пополнили из стоячего **[530]** пруда; вода в нем неважная. Приобретя здесь все, что можно было добыть, 18 февраля мы вышли к мысу Доброй Надежды.

На переходе к мысу Доброй Надежды нам повезло: погода была хорошей и ветры, как правило, попутными. Только последние две недели дули легкие ветры и случались штили, что необычно для морей у мыса, в которых чаще бывают не штили, а штормы. За два дня до того, как мы вышли к земле, мы увидели с мачты шесть шедших на большом расстоянии от нас кораблей и позже узнали, что это были французские боевые корабли, которые крейсировали в этих водах по пути к острову Св. Маврикия. Но сгустился туман, и мы видели эти корабли всего лишь несколько минут. Немного спустя мы встретили большой корабль, который держался на дистанции в течение двух-трех дней, а затем спустился к нам с

наветренной стороны. Судно это казалось подозрительным, и мы легли в дрейф и изготовились к бою. Оно приблизилось к нам с наветра, подняло имперский флаг и направилось дальше. Мы встретили также небольшое судно Ост-Индской компании, которое крейсировало здесь с приказами для возвращающейся в Англию флотилии. На “Резолюшн” была повреждена голова руля, вследствие чего корабль не мог обойти мыс Доброй Надежды и вступить в Столовую бухту, и мы вынуждены были зайти в залив Фолс-бей, от которого по суше до Столовой бухты 16 миль. Туда мы прибыли 11 апреля после восьминедельного перехода.

Здесь мы узнали о войне с Испанией и получили декларацию короля Франции ко всем командирам французских боевых судов и кораблей, запрещающую препятствовать нашему плаванию или тревожить нас [377]. Я побывал на борту одного французского фрегата, захваченного флотилией адмирала Кеппела и посланного Адмиралтейством для нас на случай нашего возвращения. Мы застали здесь корабли Ост-Индской компании “Нассау” и “Саутгемптон”, которые не решались выйти в море из-за той французской флотилии, которую мы видели. Десять дней спустя в Столовую бухту зашел фрегат “Сибил”, и под его конвоем оба корабля отправились в Англию.

Плотники с обоих кораблей изготовляли новый руль для “Резолюшн”, и вскоре эта работа была закончена. Отремонтировав корабли и взяв достаточное количество корабельного припаса и провианта, мы после утомительной месячной стоянки вышли 9 мая в море и взяли курс к берегам Англии. 12-го потеряли из виду землю. В разное время видели три корабля, но они не подходили к нам близко.

9 августа мы вошли в Канал [Ла-Манш], и я полагаю, что капитан Гор намерен был через него проследовать дальше, но этому, видимо, помешали противные ветры. Мы пошли на N

к западному берегу Ирландии, с тем чтобы пройти в залив Голуэй, но ветер **[531]** по-прежнему дул от О, и мы лавировали у берега неделю или 10 дней, не имея возможности приблизиться к земле, хотя она была от нас на расстоянии не более 30 лиг. Потеряв надежду зайти в Голуэй, мы направились на N и 21 августа дошли до островов, лежащих у западного берега Шотландии. Это была первая земля, которую мы увидели с тех пор, как покинули мыс Доброй Надежды, и после того, как совершили крайне утомительный переход, отнявший у нас три месяца, две недели и три дня. За все время нашего плавания это был самый долгий переход, в течение которого мы не видели земли. На следующий день мы вошли в гавань Стремнесс на Оркнейских островах, но причина, по которой мы сюда зашли, когда на кораблях было достаточно воды и ветры позволяли обогнуть остров и пройти к реке [Темзе], известна была одному лишь нашему командиру [378]. Благоприятный для нас ветер держался шесть дней, а затем отошел к SO и, дуя от этого румба, никак не позволял нам продолжать плавание. Капитан Кинг послан был на маленьком судне в Абердин с картами, журналами и пр. для доставки всего этого в Адмиралтейство. На время его отсутствия командование на “Дискавери” принял м-р Барни — первый помощник командира “Резолюшн”. Хотя мы получили разнообразный провиант и местные жители приняли нас с величайшим радушием, но — увы — пребывание в этом месте было для нас томительным и тяжким. Ведь о наших близких мы здесь могли узнать с не большим успехом, как если бы мы находились на Таити.

Мы задержались здесь на месяц и, только когда подули нужные ветры, покинули 20 сентября Оркнейские острова в компании с несколькими торговыми судами. Капитан Гор намерен был подняться к Литу, но ветер дул из залива Ферт, и мы пошли вдоль берега. Здесь умерло два человека из

команды “Резолюшн” — один из них участвовал в двух плаваниях [Кука], а другой, сержант морской пехоты, в эти плавания ходил трижды [379].

30 сентября мы отдали якорь на рейде Ярмута и там приняли на борт новые швартовы — наши старые совсем износились. После двухдневной стоянки мы подняли якорь и направились к Реке и 7 октября 1780 года пришвартовались к плашкоуту в Вуличе, а “Резолюшн” пошел в Дептфорд. Оба корабля были сразу же очищены, и командам выдано сполна жалованье в шестикратном размере, и наши люди были освобождены от военной службы, за исключением солдат морской пехоты, которые были направлены в свою часть.

Капитаны Гор и Кинг были утверждены в этом чине, равно как и м-р Барни, м-р Уильямсон, штурманы и командиры. Все помощники штурманов и мидшипмены произведены в лейтенанты, и некоторые матросы получили звание унтер-офицеров. **[532]**

Так закончилось долгое, утомительное и неприятное плавание, продолжавшееся четыре года и три месяца. За время путешествия мы потеряли по болезни только семь человек, и все они служили на “Резолюшн”; трое погибло на “Дискавери” в результате несчастных случаев. В список этих потерь не входят люди, погибшие с нашим великим и несчастным командиром.

Комментарии

366. Речь идет о сражении в бухте Виго 14 августа 1761 г. Клерк был единственным человеком из числа сброшенных при падении мачты за борт, которому удалось спастись.

367. Имеется в виду кругосветное плавание Дж. Байрона на корабле “Дельфин” в 1764—1765 гг.

В первом плавании Кука Клерк на обратном пути в Англию был назначен первым помощником командира экспедиции (после смерти лейтенанта З. Хикса).

368. *Луи Делиль де ла Крейер* — французский географ, участник Второй Камчатской экспедиции. Умер в Петропавловске 10 октября 1741 г. и был похоронен в Паратунке.

369. Верхняя — это Верхнекамчатский острог.

370. История с разделом туши быка не лучшим образом характеризует капитана Гора, даже если учесть, что расходы на представительство были у командира экспедиции весьма значительными. В реестре припасов, отпущенных Большерецкой канцелярией на английские корабли, имеется запись о выдаче Сургуцкому 40 рублей за этого быка (ЦГАДА, Госархив VII, д. 2529, ч. II, л. 52).

371. При втором посещении англичанами Петропавловска В.И. Шмалев оказался за отсутствием лиц, знающих иностранные языки, в тяжелом положении. Он вынужден был направить к англичанам секретнейшего “ссылочного” человека и 2 ноября 1779 г. послал рапорт генерал-прокурору А.А. Вяземскому, в котором объяснил, в силу чего ему пришлось нарушить строжайшие правила о содержании государственных преступников. В рапорте В.И. Шмалев писал: “Нынешнее вторичное тех англичан в Петропавловскую гавань прибытие по необходимой надобности учинился потребен к разговариванию с ними перевотчик, но его здесь в Камчатке сыскать было негде и кроме находящегося здесь в Верхнекамчатском остроге ссылочного Петра Квашнина (?), которого я по бытности

здесь главного командира пример майора Бема довольно разговаривающего с ним на немецком диалекте и разумеющего приметить мог. То в рассуждении сей необходимости, посланным Верхнекамчатского острога командиру, сержанту Телецтову повелением, велено его, Квашнина, к Петропавловской гавани отправить, куда по прибытии как при мне, так и без меня при тех господах англичанах в переводе [состоял], хотя знаемым оказался и на немецком диалекте сам не разговаривал, но с оного на российский диалект по разумению его немало споспешествовал. И так как учиненный мною поступок не могу я, чтоб оный не открыть Вашему Высокосиятельству на милостивейшее разрешение, извиняя себя той необходимостью, а о том же его превосходительству господину генерал майору и кавалеру Францу Николаевичу Кличке сего числа покорнейше донесено" (ЦГАДА, Госархив, VII, д. 2529, ч. II, л. 60).

Дело действительно было крайне щекотливым. Речь шла о человеке, навечно сосланном в Сибирь за тягчайшее в глазах властей преступление. Причем звали этого "ссылочного" не Петром Квашниным, как писал В.И. Шмалев, а Петром Ивашкиным. Дело Ивашкина заключалось в следующем: летом 1742 г. камер-лакей Александр Турчанинов, прапорщик Преображенского полка Иван Сновидов "составили заговор с целью захватить и умертвить императрицу Елисавету и племянника ее, герцога голштинского [будущего Петра III], и возвести на престол Иоанна Антоновича... виновных высекли кнутом и сослали в Сибирь, у Турчанинова вырезавши язык и ноздри, у двоих его товарищей только ноздри" (С.М. Соловьев. История России с древнейших времен. М., 1963, кн. XI, т. 21, стр. 163).

Ивашкин не мог рассчитывать на снисхождение и после смерти Елизаветы и Петра III, так как Екатерина II была напугана заговором Мировича, пытавшегося в 1764 г.

освободить из Шлиссельбурга заключенного там Иоанна Антоновича и посадить его на престол.

Тяжкая доля Ивашкина описана у Д. Самвелла, но на этом история его не кончается. В 1787 г. с Ивашкиным на Камчатке встретился французский мореплаватель Лаперуз, а в 1805 г. (!) с 86-летним заговорщиком там же беседовал И.Ф. Крузенштерн. Ивашкин был прощен только при Павле I, пробыв в ссылке почти 60 лет. В Россию он не вернулся и умер на Камчатке в апреле 1806 г.

372. Участники экспедиции впервые узнали здесь об англо-французской войне, начавшейся еще весной 1778 г.

Граф (а не князь) Григорий Орлов из России не высылался — в 1775 г он вышел в отставку и уехал за границу.

373. Корабли прошли через пролив Баши, отделяющий Филиппины от Тайваня, к северу от островов Баши, или Батан. Координаты этих островов в описаниях конца XVII—XVIII в. были указаны по-разному

374. Мель Пратас — это низкие островки Дуншадаа, которые и сейчас чрезвычайно опасны для судов, следующих из Гонконга в Манилу

375. Группа из пяти островков Лема лежит близ устья реки Сицзян на подходах к Кантону (Гуанчжоу) и Макао (Аомыню). Макао с 1557 г принадлежал Португалии.

376. Гилберт, видимо, забыл, что первые вести об англо-французской войне участники экспедиции получили в октябре 1779 г. в Петропавловской гавани.

377. Дж. Биглехол опубликовал любопытные письма из архива Дж. Бенкса, из которых явствует, что во Франции губернатор Кале герцог де Круа предпринял ряд шагов,

направленных к тому, чтобы на время англо-французской войны обеспечить иммунитет кораблям экспедиции Кука. В равной мере на защиту участников экспедиции от превратностей войны выступил посол США в Париже великий ученый Бенджамин Франклин, который предупредил командиров американских кораблей, что корабли Кука не должны считаться неприятельскими. Герцог де Круа о том же известил французского консула в Капштадте (Кейптауне) (Voyage.., 1967, v. II, p. 1542).

378. Здесь намек на крайнюю скрытность командира экспедиции Дж. Гора. Тревенен писал своей матери, что Гор — “это единственный человек, который не спешит вернуться в Англию”. Офицеры за глаза называли Гора “старым американцем” (Гор был уроженцем английской Америки, вероятно Вирджинии). Очевидно, он вынужден был, опасаясь французов, пойти в обход Великобритании; к несчастью для экспедиции, противные ветры задержали его на Оркнейских островах” (Voyage.., 1967, v. II, p. 717, n. 1).

379. Умерли в двух шагах от дома матрос С. Гибсон и рулевой старшина Дж. Девис.

ГАВАЙСКИЕ ОСТРОВА

ДНЕВНИК КАПИТАНА КЛЕРКА

Эта группа островов, названная капитаном Куком Сандвичевыми островами в честь его лордства, состоит из 11 [островов] и лежит между 18°50' и 22°15' N и 199°30' и 205°15' O. Судя по их положению на земном шаре, мы могли бы предполагать, что они богаты очень многим, но мы даже и помыслить не могли, каким это богатство окажется. О'у'хи [Гавайи], где у нас были завязаны основные сношения [с местными жителями], самый восточный и наибольший остров этой группы. Это обширная земля, вытянутая к NtW

0,25 W, и в окружности она составляет 85 лиг. Только на этом острове имеются горные хребты с пиками различной высоты и две возвышенности были покрыты снегом в течение всего времени нашего пребывания в этих краях [горы Мауна-Кеа и Мауна-Лоа].

Огромная высота этих снежных пиков не производит, однако, впечатляющего для глаза эффекта — я полагаю потому, что пики эти возвышаются на очень широких цоколях. Видны они весьма **[533]** отчетливо с расстояния 26 лиг и на этой дистанции кажутся очень высокими и резко очерченными. На NO берегу острова высокие земли круто обрываются в море, но уклон здесь такой, что на скатах к берегу все покрыто лесами и зеленью. В некоторых местах эти холмы прорезаны небольшими долинами, вдающимися, однако, на некоторое расстояние в глубь страны. Они кажутся очень богатыми и плодородными, и в них имеются туземные жилища. В некоторых местах между склонами холмов и урезом воды берег образует узкие низины, но обычно холмы непосредственно обрываются в море. На южном берегу картина резко меняется, склоны холмов, обращенные к морю, очень пологие, и вместо зелени, столь украшающей NO берег, вы здесь видите страну, поверхность которой везде усеяна пеплом. Эта часть острова для вулкана — свалка, и сердце острова разрывается извержениями на куски. В глубины земли ведут многочисленные ходы различных размеров, и многие из них настолько глубоки и страшны, что наши люди не решались их обследовать. Туземцы показывали некоторые пропасти, очень глубокие и обширные. Канонир с “Резолюшн” был в одной из них и сказал, что в длину она 40 саженей, в ширину — 3 и имеет такую же глубину; открыта она с обоих концов, и склоны ровные, как будто их зачистили долотом, и глянцевые от лавы.

Другие пещеры, небольшого размера и весьма многочисленные, были приспособлены туземцами для разных нужд и использовались ими как жилища. SW сторона в общем была сходна с южной, но она являлась подветренной; и туземцы приложили немало труда, чтобы очистить здесь землю от пепла и разбить плантации. А плодородие почв здесь настолько велико, что с лихвой окупает все хлопоты. Ничто не может сравниться по живородной силе с этой богатейшей почвой. Правда, местами туземцы вынуждены удалять пепел на глубину 4,5 и 6 футов, и на таких участках толщина почвы вряд ли превышает 2 или от силы 3 фуга, но зато почва эта несравненна. Две-три мили в глубь страны — почвенный покров становится более мощным, и растительность там совершенно роскошная. На S и W берегах склоны, обращенные к морю, сложены опаленными огнем породами, которые образуют крутые утесы, и повсюду здесь множество пещер.

Селения туземцев построены вдоль морского берега. В бухте Карекакуа [Кеалакекуа] имеется три селения; одно из них расположено на SO берегу бухты, и оно весьма велико, протягиваясь вдоль берега почти на 2 мили, второе лежит на NW берегу и не столь значительно, третье — это маленькое селеньице во внутренней извилине бухты. За селениями, у подошвы холмов, располагаются плантации бананов, бататов, тарро, сахарного тростника и других культур. Поля состоят в частной собственности и обнесены изгородями. Туземцы разводят сахарный тростник на межевых стенах и делают это таким образом, что камни совершенно **[534]** маскируются посадками, и с любой дистанции кажется, что делянки окаймлены зелеными изгородями. Плантации в некоторых местах заходят вверх по склонам на 6 или 7 миль, в те части острова, где уже начинаются леса, и полевые участки здесь перемежаются с лесными. Леса поднимаются высоко в горы и занимают огромные пространства. В чаще протоптаны

тропинки, и здесь и там разбросаны временные убежища, или хижины, которые используются местными жителями. Если человеку нужно каноэ, он отправляется в лес и бродит там, пока не находит подходящего дерева в месте, удобном для его разделки. Затем он устраивается в одной из лесных хижин и приступает к работе, а когда каноэ оказывается законченным, оно переносится к берегу. Наши люди, совершившие экскурсию в глубь страны, видели много таких каноэ, находящихся в разных стадиях готовности. Удивительнее всего, что, когда какое-нибудь каноэ нуждается в ремонте, его тут же переносят в лес, порой на расстояние 5 или 6 миль. В этих лесах много диких банановых деревьев. Плоды их по качеству уступают бананам с плантаций, но вкус у них вовсе не дурной, и они в ходу у беднейших обитателей острова. На склонах наиболее высоких гор, где побывали наши люди, обожженные огнем скальные породы либо совсем голые, либо покрыты тонким слоем мха, и там много расселин, вызванных работой вулкана, и в этих провалах, должно быть, есть почва, так как в них растут большие деревья. Наши люди, взобравшись на горы, жаловались на сильный холод, который их там донимал.

Население на острове весьма многочисленное. В тот день, когда мы первый раз вошли в бухту Карекакуа, близ “Резолюшн” мы насчитали 500, а у “Дискавери” 475 каноэ, причем много было больших двойных каноэ, вмещающих по 10 или 12 человек. Правда, часть этих каноэ явилась из других мест, и даже с острова Моу'и, но так или иначе огромное множество мужчин и женщин, живущих в различных селениях на берегах бухты, превзошло все мои представления о плотности населения, а большая масса детей обещает дальнейший прирост населения уже в следующем поколении.

Необычайная заботливость и дружественное к нам отношение со стороны туземцев, проявленные ими при первом посещении острова, на мой взгляд, совершенно

беспрецедентны. В других странах арии и видные люди относились к нам хорошо, но, если нам приходилось заходить в глубь какого-либо острова, беспардонные негодяи или иные личности часто позволяли себе действовать с кавалерийской дерзостью; здесь же ничего подобного не случалось. Сердечность, казалось, определяла поведение людей любого ранга, и островитяне соревновались в стремлении оказать нам наиболее действенную помощь. **[535]**

Если бы не приключилось несчастье с фок-мачтой “Резолюшн” — а именно по этой причине мы снова посетили остров, — люди эти остались бы для нас образцом гостеприимства и благожелательности. Как теперь отнесется к ним мир, я судить не берусь, но я изложил историю наших отношении с островитянами ясно и непредвзято, насколько это было в моих возможностях, и пусть окончательное суждение выносят те высшие силы, которым ведомы тайные побуждения и действительные причины тех или иных событий. Следует, однако, отметить, что постигшая нас злосчастная катастрофа, как я полагаю, никоим образом не явилась следствием заранее продуманного плана и была вызвана фатальным стечением обстоятельств, и ими был обусловлен и печальный исход событий. За одним действием, вызвавшим возбуждение, последовало следующее, и так продолжалось, пока все не окончилось самым трагическим образом, как уже об этом упоминалось.

У туземцев, так же как и у обитателей всех других островов Южного моря, имеются растения, из которых они изготовляют материю, но способ ее выделки совсем не такой, как у жителей островов Общества или Дружбы. Здешние обитатели, отбивая [луб], обычно делят его на небольшие куски шириной примерно 3 и длиной 4 или 5 футов; эти заготовки толстые и плотные. Затем куски эти сшиваются, так, чтобы получилось полотнище нужной длины. Иногда выделываются и тонкие материи, но они изготовляются

скверно. Туземцы красят материи на разный манер и краски наносят с такой точностью, что мы первое время не сомневались, что островитяне применяют какой-то способ набойки. Однако мы не раз видели, как они наносят краски от руки инструментом, похожим на перо и изготовляемым из тростинок, и убедились, что постоянная практика довела до высшего совершенства этот способ [380]; о других же методах они не имеют представления. Краски очень хороши и противостоят воздействию воды лучше, чем любые прочие, с которыми мы когда-либо встречались, общаясь с индейцами. Шляпы и одежды, украшенные перьями, которые я уже описывал, касаясь прошлогодних событий, как я установил, являются атрибутами боевого облачения вождей и очень ценятся последними в связи с этим назначением. Накидки делаются длинными, так, что доходят до середины ног. Боевые действия туземцы всегда открывают залпом из пращей, и шляпы из плетенки оказываются настолько прочными, что защищают голову от любых ударов камнями, и в равной мере этой же цели отвечает накидка, которая свободно набрасывается на плечи. Простой народ в бою вместо этих накидок использует циновки. Циновки как защитная одежда хороши, но они куда более неуклюжи и громоздки. Простые люди в бою голову защищают только тем, чем этот орган снабдила природа, и этим и довольствуются, насколько им удается. Даже когда идет бой на копьях, накидки и циновки отвечают своему **[536]** назначению, так как они не дают возможности точно направить копье в цель и избежать ударов этим оружием; если бы дело обстояло иначе, количество жертв в битвах было бы гораздо больше.

У многих ариев кроме копий имеются (и в связи со случившимися прискорбными событиями я уже об этом упоминал) длинные острые железные палки, они называют их *па’ху’а*. Прежде это оружие изготовлялось из твердого

черного дерева, но, когда мы первый раз подходили к острову Моу'и, нас посетил местный арии, пришедший со своими приближенными; у одного из его адъютантов, как я уже отмечал, были две железные палки. Оружие этого рода из черного дерева — вещь обычная у вождей, но железное оружие по ударной силе далеко превосходит деревянное, и туземцы оценили его преимущества и соответственно ценят этот вид оружия.

По внешнему виду и языку здешние островитяне совершенно сходны с таитянами, а в части развлечений у них больше сходства с нашими друзьями на острове Амстердам и на соседних с ним островах. Здесь в ходу борьба, матчи бокса и т.д., но в этих атлетических упражнениях они значительно уступают обитателям островов Дружбы, будучи от природы, однако, не менее ловкими и сильными, чем жители этих островов, которые в высшей степени гордятся подобными качествами...

...Форма правления здесь, как мне представляется, та же, что и на других островах, много раз уже описанных. Короче говоря, арии и большие люди с простым народом обходятся так, как им вздумается, и обращаются с ними, как со слугами и рабами. На основании каких правил и законов могли возникнуть эти различия между ариями и другими островитянами, как я полагаю, никогда точно установить не удастся, но мне думается, что, для того чтобы ввергнуть этих людей в рабство, вождям пришлось обратиться к силе оружия.

Одна особенность отличает поведение здешних жителей от всех прочих островитян. На южных островах, насколько мы могли заметить, человек в звании арии считает, что его особа священна и к ней не могут прикасаться какие бы то ни было персоны: находясь даже среди своих высоких сподвижников, арии за милость почитает возложить свою руку на особу

более низкого ранга, а последний ощущает настоятельную необходимость этого рукоположения. Здесь же королю и двум-трем главным вождям воздаются такие почести: при приближении любой из этих особ островитяне падают на землю и простираются во весь рост лицом вниз, не решаясь поднять взор, и в таком положении остаются, пока король или вождь не отойдет ярдов на двадцать или тридцать. Когда такая встреча происходит на море, все гребцы бросают весла и простираются ниц на дне каноэ. Туземцы всегда воздавали подобные же почести капитану Куку, и того же в течение **[537]** известного времени они удостаивали и меня, но мне крайне не нравилось, что столько людей подвергают себя таким неудобствам, и после моего представительства перед вождями эта беспокойная процедура была отменена.

Туземцы распутны и доходят до самой бесстыдной степени, позволяя себе похотливые поступки и предаваясь страстям; женщины здесь доступны как нигде в иных местах, известных нам. Браки, если они только ведомы туземцам, ничем не поощряются, и каждый арии в зависимости от своего ранга держит массу женщин и юношей (последние называются *айкарнии* [*айкане*]), чтобы с ними развлекаться в часы досуга. О своих адских делах они говорят с полным безразличием, и я полагаю, что не стыдятся их ни в малейшей степени [381].

Хотя это отнюдь не музыкальный народ, но все же соответствующие инструменты у них имеются, в частности барабаны такие же, как на Таити, и, поскольку подобные инструменты мы часто описывали, нет нужды о них здесь упоминать. Но у островитян есть и барабаны иного рода, напоминающие наши, но без кадла; это просто кожа, натянутая на обруч; звук у этих барабанов довольно сносный. На Атоуи мы видели нечто вроде трещотки, и мне объяснили, что этот инструмент играет роль музыкальной машины

[musical machine], но в действии я эти трещотки не видел и полагаю, что туземцы к музыке не слишком склонны.

Мы не смогли постичь их религию (во всяком случае узнали о ней мало). В глубине бухты, у того места, где помещались наши астрономы, находится большое мораэ и неподалеку живут жрецы; во главе их стоит старый Као, которого мы называли епископом. Каково их вероучение, мы не знаем, но нам доподлинно, известно, что островитяне окружают заботами и очень благорасположены (в такой же степени, как и к ариям) к своей жреческой братии, живущей под этими небесами (об этом я не раз упоминал в дневнике). Жрецы щедро снабжаются мирянами всем лучшим, что есть на острове, и духовенство проявляет всяческие заботы, чтобы никто из собратьев ни в чем не нуждался. При первом моем посещении острова они провели меня в мораэ и с большими церемониями, с песнями и суетой, принесли в жертву маленькую свинью, сделав это в мою честь, а меня, как я думаю, они считали существом высшего порядка. Такие жертвы они часто приносили капитану Куку и изъявляли желание приносить их и мне, но я всячески избегал подобных церемоний, считая их неподобающим видом развлечений. Эти достойные люди до самого конца неизменно вели себя как наши добрые и верные друзья.

Они, несомненно, приносят человеческие жертвы, так как в любом мораэ, где только хоронят больших вождей, они могут показать вам пару черепов людей, которые, как нам дали ясно понять, были принесены в жертву в честь какого-то знатного человека. **[538]**

Черепа нанизываются на столбы, вбитые по ту и другую сторону могилы.

Жрецы разводят у себя корень кавы и напиваются с некоторыми ариями до последней степени. Нередко здесь

можно встретить молодого человека лет 25—30, совершенно издерганного и расслабленного, а добрый король Териобу, несомненно, первый пьяница в своем королевстве; хотя ему, как я полагаю, лет 50, но он совершенно разбит и истаскан и ходит, шатаясь, как малое дитя, а глаза у него слезятся, руки же так трясутся, что он не в состоянии донести кусок до рта, и кормят короля его приближенные. Когда я дал ему в каюте стакан вина, он не мог препроводить в свою глотку ни капли и обратился к более удобному сосуду — бутылке и из нее стал пить.

Он часто приходил на борт “Дискавери” до полудня и успевал к этому времени так напиться, что едва держался на ногах; добравшись до каюты, он заваливался спать, причем, пока он почивал, двое или трое его приближенных беспрестанно терли ему ноги, чтобы разогнать кровь в жилах. Судя по всему, арии из королевской свиты охотно пьют за здоровье его величества, но простой народ, к счастью, избавлен от этой привилегии; ему не дозволено даже притрагиваться к каве, а поэтому обыкновенные островитяне — люди очень здоровые и бодрые.

...Основная утварь островитян — это циновки (некоторые циновки крашеные и сплетены исключительно прочно и красиво), на которых они спят, а также материи, служащие для разных нужд. Подобно всем обитателям южных островов здешние люди используют в качестве тарелок зеленые листья; при еде туземцы соблюдают относительную чистоту.

Их каноэ построены исключительно ладно; некоторые из них очень велики. Мы видели судно длиной 70 футов, осадка его несколько превышала 3 фута, и примерно такой же была его ширина. Среди местных каноэ было много судов примерно такой же величины. Днище этих каноэ делается из цельных древесных стволов, и к нему прочно привязываются доски шириной около фута, образующие планшир.

Наши путешественники измерили в лесу ствол одного дерева, [предназначенного для каноэ]; в обхвате он достигал 19 футов и до значительной высоты сохранял свою толщину, причем дерево это далеко не превосходило величиной своих соседей. Раньше мы таких деревьев не встречали; древесина их скорее всего напоминает грубое красное дерево.

II мужчины, и женщины обычно носят только марро, особенно люди низшего класса. Арии иногда надевают красные накидки, а женщины высокого положения обертывают вокруг бедер куски материи, которые прикрывают ноги до колен. **[539]**

Все селения расположены вдоль берега; в глубине страны имеются лишь временные жилища, или хижины, о которых ранее уже упоминалось; они разбросаны среди плантаций и служат пристанищем для земледельцев, которые работают на полях.

Островитяне украшают себя небольшой, но разнообразной татуировкой, как я полагаю, удовлетворяя при этом собственные прихоти, и обычай этот здесь не так укоренился, как на других южных островах. Зубы у местных жителей очень хорошие, но по разным поводам они их вырывают. Делается это при кончине какого-либо вождя или в случае чрезвычайных событий, и из-за этой злосчастной моды редко можно встретить полный набор зубов, а у некоторых островитян во рту не хватает полдюжины зубов, причем они всегда начинают с того, что выдергивают передние зубы.

Кокосовые пальмы используются здесь так же, как и на других южных островах, и [кокосовые орехи] служат в качестве свечей.

На островах Атоуи и Воу’а’ху [Оаху] почва прекрасная в береговой полосе, что, как мы имеем все основания полагать,

характерно для любых островов этой группы. У меня не было времени, чтобы обследовать эти острова подробно, и в сущности я должен ограничиться лишь ссылками на их размеры, а поэтому лучше обратиться к карте, на которую они нанесены с указанием нашего межостровного маршрута.

Бухта Каракакуа расположена на западному берегу острова О'у'хи, она обширна и безопасна, длина ее берегов около 3 миль, а ее крайние оконечности, вытянутые соответственно на NNW и SSO, отстоят друг от друга примерно на 2 мили. Качества этой бухты как гавани наглядно демонстрируются прилагаемой схемой, которая, как я надеюсь, скоро будет приобщена к этому описанию...

СПИСОК РАСТЕНИЙ ЭТИХ ОСТРОВОВ

Amomum [Zingiber zerumbet]	Имбирь
Alearis [Aleurites moluccana]	Свечное дерево
Arthocarpus [Arthocarpus incisus]	Хлебное дерево
Bombax [Kokia drinarioides]	Дерево *кокио*
Borassus [Pritchardia sp.]	Пальма
Cala [Calacasia antiquorum]	Тарро, или африканский аронник
Cassia [Cassia guadichadi]	Кассия. Гавайское название — *коломона*
Capparis [Capparis sandwichiana]	Каперсовый кустарник

Cocos nucifera	Кокосовая пальма
Convulvus. — Ipomea batata, I. congesta, I. cairica, I. pes caprae]	Бататы четырех видов
Cucurbita [Cucurbita lagenaria]	Тыква **[540]**
Epilobium [Jussiaea suffruticosa?]	Ива. На Гавайях ее не было
Euphorbia [Cyanea solanacea?]	Один из видов колючих кустарников
Dioscoria [Dioscorea alata]	Ямс
Arundo [Bambusa vulgaris]	Бамбук
Guilandina [Caesalpina crista]	Колючая лоза.
Hibiscus [Hibiscus tiliaceus]	Гавайское название — *какалайоа*
Iathropa [Tacca leontapetaliodes]	Гибискус
Indigofera [Indigofera sufjrutosa]	Кассава. Гавайское название — *пиа*.
Morus papyriterus [Broussonetia papyrifera]	Индиго. Гавайское название — *инико, колу*
Musa	Китайское бумажно-шелковичное дерево. Гавайское название — *вауке*

Oxalis [Oxalis corniculata]	Банан. На Гавайях очень много видов
Saccharum [Saccharum officinarium]	Лесной щавель
Sida viscosa [Sida fallax]	Сахарный тростник
Sophora [Sophora crysophilla]	Индийская мальва
Urena [Urera]	Гавайское название — *мамане*
Laptospermum [Eugenia malacensis]	Мальва
Rubas [Rubas kawaiiensis]	
(Beaglehole, 600—602, n.n.)	

Кроме того, здесь есть растение, которое на Таити называется *пana* и из листьев которого островитяне делают свои паруса. Есть здесь около 20 видов папоротников и 50 или 60 сортов деревьев и кустарников, о которых я ничего не знаю [382].

На более высоких местах растет лес; почва в лесах плодородна благодаря опавшим листьям и перегнившей древесине, но чаще горные склоны обнажены.

За все время нашего путешествия нам не приходилось встречать таких красивых птиц, какие водятся на этих островах. Птицы здесь многочисленны, хотя попадается мало различных видов. Есть здесь четыре вида trochilli, или Honey Suckers (по Линнею), и один из них по величине равен

снегирю. Эти птицы красивого черного цвета с блеском, огузок, брюшко и подкрылья у них темно-желтые; у другого вида оперение алое, а крылья и хвост черные. Третий вид — это, очевидно, птенцы первых двух видов, и оперение у них пестрое, красных, бурых и желтых расцветок. Птицы четвертого вида зеленые с желтоватым оттенком [383].

Есть дрозды с серой грудкой и маленькие птички из породы мухоловок, водяные пастушки с очень короткими крыльями и **[541]** бесхвостые, которых мы в связи с этим назвали Rallus ecaudatus. Вороны здесь есть, но встречаются редко. Они черные с буроватым оттенком, и голос у них не такой, как у их европейских собратьев. Водятся тут две маленькие птицы, принадлежащие к одному роду. Один вид представлен птицами красного цвета, обычно их можно видеть на кокосовых пальмах, особенно когда эти деревья в цвету, и цвет этот — главное для них подспорье; птицы другого вида зеленые. У них длинные и покрытые волосками языки.

Мы называли попугаями желтоголовых птиц по форме их клюва; они также весьма многочисленны, но отнюдь не относятся к породе попугаев и похожи больше на клестов, которых Линней называет Loxia flavianus.

Водятся здесь совы, зуйки двух видов (один из них представлен птицами, очень похожими на европейских свистящих зуйков), большие беловатые голуби, птица с длинным черным хвостом и желтыми брюшком и подкрыльями. Быть может, только у райской птицы крылья длиннее, чем у нее. Встречается здесь и обычная водяная курочка [384].

ДНЕВНИК ЛЕЙТЕНАНТА КИНГА

...Различия в цвете [кожи], внешнем виде, росте и в особенностях характера между туземцами островов настолько незначительны, что суть их можно выразить в немногих словах и не описывать таковые под отдельными рубриками. С обитателями Оухихи [Гавайи] и А-тоу [Кауаи] мы общались больше всего, и эти острова расположены на противоположных краях главней островной группы, включающей промежуточные острова. Мы можем рассматривать жителей этих островов как единый народ, и незначительные различия сводятся к тому, что на А-тоу жители в общем красивее, чем на Оухихи. На А-тоу система управления установлена менее твердо, возможно, поэтому его обитатели являют черты большего равенства, и по этой же причине они больше склонны к дерзким поступкам. Вожди на А-тоу не так падки на каву, а в силу этого обстоятельства они выглядят более представительно.

А-тоу можно сравнить с островом Хуахейне в группе островов Общества. Там тоже, как это было отмечено в первом путешествии, вожди меньше пьют каву, люди красивее и более дерзкие, [чем на Таити].

Среди этих туземцев имеются большие различия во внешности и в цвете кожи. Люди низшего класса, особенно те, кого мы встречали у берегов Као [Кау — один из районов острова Гавайи], очень смуглые, худощавые и малорослые, и это вызвано тем, что они постоянно подвергают себя воздействию жаркого солнца, **[542]** занимаясь рыбной ловлей или тяжелыми работами на берегу, а также их скудной пищей. Зато люди высшего ранга совсем иные. Кожа у них более светлого оттенка, чем у обитателей островов Дружбы, но темнее, чем у таитянских вождей, и по цвету точно такая же, как у новозеландцев ...

...Если только мы не заблуждаемся, выдвигая наши предположения, то обитатели островов этой группы ведут

свое происхождение от той же расы, что и жители островов Общества и Дружбы; об этом могут свидетельствовать и сходные черты их характера, и если между ними есть какие-либо различия, то искать их следует или в особенностях системы правления, или в их занятиях. Однако, живя в сходном климате, питаясь сходной пищей, имея перед собой сходные объекты, жители различных островов, как того и следовало ожидать, в этом отношении не слишком отличаются друг от друга. Деспотический образ правления влияет на их нравы, низший класс островитян являет черты приниженности. Но я не могу припомнить ни одного случая, когда бы вожди по отношению к людям, стоящим много ниже их, выражали злобные чувства или дурно обращались с ними; но нас больше всего удивляло, как властно вожди более высокого ранга обращаются с менее значительными вождями. Приведу в связи с этим два примера.

Однажды я пригласил на борт одного вождя, который накануне очень хорошо отнесся к нашему штурману, когда тот еще до нашего первого посещения бухты Каракакуа вел в ней промеры. Я представил вождя капитану Куку, и мы все сели обедать. В это время явился Піареа, и лицо его тут же перекосилось, когда он увидел нашего гостя на столь почетном месте. Піареа схватил его за волосы и стал вытаскивать из кают-компании. Вмешался капитан Кук, и после небольшой перепалки вождь все же был оставлен за столом, и за этот же стол удалось усадить Піареа.

Другой раз к нам на “Резолюшн” явились Териобу и Майха-Майха и встретили на палубе Піареа. Майха-Майха вышвырнул Піареа с корабля, и тот при этом был до такой степени напуган, что твердил нам, будто Майха-Майха убьет его. А ведь Піареа был, безусловно, человеком весьма знатным.

Казалось бы, все последствия, которые вызывает деспотизм, воздействуя на судьбы человечества, должны были отрицательно сказаться и на судьбе этого народа. Но, хотя образ правления здесь и деспотический, это еще не самый худший вид деспотии, которая в крайнем проявлении представляет собой систему тупого и беспросветного угнетения. По тем или иным поводам здесь часто происходят стычки, а в силу этого невольно приобретают значение и власть менее крупные вожди, чего бы они не добились в других условиях. **[543]**

Вражда здесь существует между различными селениями, а это приводит даже к слишком частым столкновениям. Враждуют между собой и различные острова, а большое пристрастие островитян к острым железным палкам и кинжалам свидетельствует, что эти виды оружия используются часто.

Самые могущественные вожди на этих островах — Териобу на Оухихи и Перри-оранни [Пелеиохолани] на Воаху [Оаху]. Остров Моу'и и три соседних острова — это объект посягательств сына и преемника Териобу, островом же А-тоу и смежными островами правит внук Териобу, и мы уже отмечали, что войска Перри-оранни стоят на острове Моротаи [Молокан] и воюют с вождем Моу'и.

В разное время, когда мы бывали у берегов острова Моу'и, нам говорили, что здесь вождем является Тахитерри [Какекии]. Полагаю, что не следует оставлять без внимания сообщения о противоречивых легендах, в которых повествуется о генеалогии королей островов Оухихи и Моу'и. Эти легенды проливают наилучшим образом свет на существующий здесь порядок престолонаследия и доказывают, что титулы на здешних островах наследственные.

Неизвестно, ведется ли счет от первого короля династии Териобу или же островитяне вообще потеряли след более древних государей, но в генеалогии этого рода указываются лишь четыре предшественника Териобу, причем им всем приписывается изрядное долголетие. Вот имена этих предшественников Териобу:

№ 1: Пураху'аухикайя [Капулеху-а-Вайеа]. У него был единственный сын Нируагуа [Каналоа-акуа]. В те времена островом Моу'и правил Мокоакеа [Калани-каумака-о-вакеа], у которого единственным сыном был Папиканиоу [Папаи'кани'ау].

№ 2: Нируагуа. У него было три сына; старшего звали Кохави [Каэве]. У Папиканиоу был лишь один сын по имени Ка'оурика [Кекаулике].

№ 3: Кахави. Его единственный сын — Ка'йеневи-амуммоу [Калани'нуи-и-а-мамао]. У короля Моу'и было два сына: Майха-Майха и Тахитерри [Камеамеа и Каекикили], потомки его считаются одной партией — вождями острова Моу'и.

№ 4: Териобу — нынешний король острова Оухихи. Сын его, Тиуароу [Кивло'о], рожден от То'роры [Калола], вдовы Майхи-Майхи, покойного короля острова Моу'и. Этот сын женат на своей двоюродной сестре Роахо. Как потомок [по материнской линии] королей Моу'и он претендует на этот остров. Брат покойного короля острова Моу'и, Тахитерри, как я полагаю, не желает признавать эти посягательства и с оружием в руках оспаривает претензии своего племянника [385].

Когда мы первый раз подошли к берегам Моу'и, Териобу со своими воинами защищал жену, сына и дочь. В одной из битв Тахитерри был разбит, но, как нам сказали, дело закончилось

[544] компромиссом, и Тахитерри предоставлены в пожизненное владение три соседних острова.

[Сын Териобу] Тиуароу — признанный вождь острова Моу'и, он унаследует также и остров Оухихи после смерти отца и три соседних острова после кончины Тахитерри.

Когда индейцы желают подчеркнуть высочайший ранг своего вождя, они называют его *аири-табу* и *аири-моэ [алии тапу* и *алии моэ]*. Слово *табу* указывает на его абсолютную власть, а слово *моэ* — на необходимость всем простираться ниц в его присутствии (буквальное значение этого слова — “спать”, следовательно, в присутствии вождя люди должны “погружаться в сон”). Этим достоинством облечены Териобу, его сын и Тахитерри. Тиуароу лишь недавно женился на своей двоюродной сестре. Если он умрет, не оставив потомства, власть над островом перейдет к Майхе-Майхе, о котором мы часто упоминали. Майха-Майха — сын брата Териобу Каи'хуа [Кеоуа, кузен Териобу; настоящее имя этого вождя не Териобу, а Каланиопу], уже умершего. Если же и Майха-Майха умрет, не оставив потомков, то трудно сказать, кто унаследует остров, поскольку оба сына Териобу (а одного из них он очень любит) рождены от незнатной женщины, в силу чего они не могут быть наследниками отца. Зовут этих сыновей Маухири и Маури.

Мы не видели королеву Рора-рору [Калола], так как Териобу оставил ее на Моу'и, а с собой оттуда привез мать обоих своих сыновей Кани Кабераиа [Канеикаполеи], к которой он неизменно проявлял большое внимание.

В отношении [вождя острова Оаху] Перри-оранни нам лишь известно, что он в ранге *арии-табу* и *арии-моэ* [386], что сейчас он воюет с Тахитерри, пытаясь овладеть его островами, и что внук Перри-оранни владеет подветренными островами. Между последним и вождем острова А-тоу произошла ссора

из-за коз, которых мы в прошлом году оставили на острове Ниниоу. На Ниниоу вождем является Тиави [Кеаве], и козы по праву должны были бы принадлежать ему, но на них также претендует аири-моэ острова А-тоу Нео-нео [Канеонео]. В недавних битвах Тиави одолел этого вождя и ныне считается вождем не только на Ниниоу, но и на А-тоу. Но к несчастью, козы, явившиеся яблоком раздора, были убиты, и мы не могли уже возместить эту утрату...

...Генеалогии королей Оухихи и Моу'и одновременно проливают свет и на порядок престолонаследия, и на способы передачи по наследству собственности, которые, как можно предположить, примерно такие же. Мы приметили, а также узнали со слов многих влиятельных вождей, каковы здесь приемы, с помощью которых король собирал подати для капитана Кука, и нашли, что практика сбора чрезвычайно сходна с той, которая принята на островах Дружбы. Можно заключить, что король получает и **[545]** взыскивает подати со своих вассалов таким же образом, как это делают вожди табу на острове Тонга...

...Каким образом здесь оберегается собственность от алчных посягательств больших вождей, мы не можем сказать, но, видимо, ее в достаточной мере обеспечивают от притязаний мелких захватчиков: на обширнейших плантациях редко можно встретить жилища, и люди не заботятся об охране своих полей, что имело бы место, если было бы необходимо предпринимать меры предосторожности.

Мы обратили внимание на то, что островитяне не только огораживают стенами свои делянки, но даже в лесах, там, где растут конские бататы, намечают границы своих заявок белыми флажками, которые служат той же цели, что и связки листьев на Таити. Все это, как я полагаю, свидетельствует о том, что вожди не прибегают к насильственным мерам и

склонны предоставлять своим подданным заботы о возделывании полей и об огораживании последних...

...Мы согласны с тем, что население Таити велико и достигает 120 000 душ. Я не вижу причин не высказать на тех же основаниях обоснованного мнения, что население этого острова [острова Гавайи] должно быть не менее 200 000. Острова Моу'и и Воаху по величине превышают Таити, и они явно хорошо возделаны и густо населены; полагаю, что на каждом из них обитает по 100 000 человек. Моротаи и А-тоу примерно такой же величины, как Таити, но, поскольку Моротаи не кажется в такой степени заселенным, как прочие острова, можно считать, что на обоих проживает 100 000 душ.

Население островов Тахоуроуа [Каулауэ], Ранаи [Ланаи], Ниниоу и Ориоуа [Леуа] может возместить просчет в наших выкладках. Ранаи больше Ранаи [описка: видимо, следует читать Эймео], острова вдвое меньшего, чем Таити. По слухам, на Ранаи 20 000 жителей, и он, видимо, плотно населен [387]. Судя по приведенным выше данным, общее население этих островов составляет полмиллиона. Цифры эти предположительны и основываются главным образом на данных, относящихся к Таити, сравнительных размерах островов и на том, в какой мере они возделаны. Всеобщая война, которая захватила эти острова, когда мы их покидали, могла внести большие изменения в наши расчеты.

Если Таити называют королевой островов Южного моря и острова Общества самым привлекательным архипелагом, то Оухихи следует присвоить титул короля Южного моря, и эти острова наиболее пригодны для использования.

Кое-какие предположения следует высказать о религии островитян.

Их *мораэ, уатта* — высеченные из дерева идолы и церемонии — отчетливо свидетельствуют, что этот народ в отношении религии **[546]** основывается на тех же исходных представлениях, что и таитяне. Но здешние островитяне по этой части опередили любые народы, с которыми нам приходилось иметь дело, что подтверждается множеством церемоний, о которых уже шла речь. Когда Као находился с жрецами, они непрерывно приносили жертвы и читали молитвы. Перед тем как он удалился, а это произошло в то время, когда мы в первый раз покинули бухту Каракокуа, жрецы всю ночь проводили в мораэ многочисленные церемонии; идолы были облачены, гремели барабаны, и много связок перьев и предметов, ценимых островитянами, было положено перед идолами, и все это, как мы поняли со слов Као, он должен был взять с собой. Очень редко островитяне, угощаясь кавой, не произносят при этом каких-то заклинаний (особенно это касается стариков), и всегда от своих яств они откладывают влево и вправо по кусочку для Эатуа. Обычно мы смотрели на церемонии с удовлетворением, но, когда их охватывал экстаз и люди приносились в жертву божеству, больно было смотреть на жрецов. По числу (речь идет об ужасном обычае уничтожения людей) они превосходят обитателей прочих островов, и, видимо, такие жертвоприношения обязательны в случае смерти вождя…

…Черепа на мораэ и церемонии над телами убитых врагов ясно свидетельствуют о том прискорбном уроне, который из-за ложных представлений о божестве претерпевают островитяне.

Судя по их расспросам о сроке возвращения к ним Эроно, они явно верят в загробную жизнь. И так как нас они считали существами высшей породы, то часто говорили, что великий Эроно живет с нами.

Маленьких идолов, которые, как мы отмечали, стоят в центре мораэ, туземцы называют *кунуэ айкаи'а [ку-нуи-акеа],* и это, как нам сказали, бог самого Териобу...

Погребальные церемонии отлично согласуются с их религией. Мы не имели случая наблюдать похороны, но я думаю, что тело предают земле ночью, после чего покойника засыпают землей и над могилой возводят кучу камней, высота которой зависит от ранга погребенного лица... [388]

...О браках мы ничего определенного не узнали. Мы видели, что у Териобу были жена и наложница, и дети от последней настолько были обделены, что не имели права наследовать отцу, и преимущество получала боковая ветвь его рода.

Но эти островитяне далеко уступали обитателям островов Дружбы в таком истинном проявлении цивилизованности, как должное отношение к женщине. Женщины не только не могут есть в присутствии своих повелителей, но некоторые виды пищи являются для них табу, что гораздо неприятней. В присутствии мужчин они не смеют есть свинину, и им совершенно запрещены некоторые виды рыбы и бататов и мясо черепах. Одну девушку **[547]** жестоко избили на борту за то, что она отведала батат не того сорта. Хуже всего, что женщины часто не являются объектами склонности своих мужей; последние своп симпатии отдают особам того же пола...

У Териобу имеется пять таких любимцев, и все они люди именитые; любимцами не обделены и другие вожди. И хотя мы не встречались со случаями дурного обращения с женщинами, следует отметить, что им уделяется мало внимания. Ласки здесь не в моде...

...Работы разделяются так, что женщинам достаются хлопоты, связанные с выделкой материи и изготовлением

украшений, тогда как мужчины трудятся в поле, строят дома, каноэ, делают оружие и все, что связано с работой по дереву. Ни на одном из островов не достигнуто такое совершенство в изделиях ремесла и такая степень разделения труда: одни люди строят дома, другие — лодки, третьи вяжут сети и т.д.

...Один из наиболее обычных видов развлечения — это игры на воде в тех местах у побережья, где прибой особенно высок. Иногда человек двадцать или тридцать ложатся на доски овальной формы, шириной равные их телу, устраиваясь так, чтобы ноги находились в концевой части доски, руками же они управляют движением доски. Пловцы поджидают, когда на берег накатит самая высокая волна, затем бросаются в воду руками вперед и с поразительной скоростью спускаются с гребня волны. Надо обладать большой сноровкой, чтобы управлять доской и держать ее на гребне, когда меняется направление волны. Если прибой несет пловцов на скалы, они перегоняют волну над рифами, и это удивительнее всего. Когда я первый раз увидел такое опасное развлечение, мне показалось, что подобная вещь невозможна и что пловцы вдребезги разобьются об острые скалы, но они тут же достигли берега. В непосредственной близости от скал они выпускают из рук доску и ныряют под волну, пока она не разобьется; доска же силой прибоя выбрасывается на берег за много ярдов от моря. Большинство островитян преодолевает прибой, ныряя под гребень его, и делают это с ловкостью амфибий. Женщины вплавь добирались до кораблей, полдня проводили на воде и также вплавь возвращались на берег...

ДНЕВНИК ПОМОЩНИКА ХИРУРГА Д. САМВЕЛЛА

...Эти индейцы в общем среднего роста, крепкие, хорошо сложенные, кожа у них цвета темной меди, и в целом это очень красивый народ. Татуировку они наносят на различные

части тела. У некоторых татуировкой покрыты руки, у некоторых — бедра и ноги, и линии рисунка протягиваются от бедра вниз, **[548]** причем между этими линиями наносятся различные фигуры, в зависимости от желания туземца (это изображения людей или животных). У сравнительно немногих татуировка нанесена на одну сторону лица, но рисунок у них иной, чем у новозеландцев, — линии не спиральные, а прямые. Некоторые вожди лишены татуировки совершенно или разрисованы мало, но кое у кого мы ее видели, хотя вожди никогда не метят свои лица. Обычай татуировки у этих людей связан с поминанием покойников или с какими-либо горестями. Большинство татуированных островитян говорили нам, что они отметили таким образом память великих вождей (вероятно, королей острова Ке-овы и Арапаи [Кеоуа и Алапаинуи].

...Мужская одежда состоит из куска материи, называемого *маро*. В ширину он достигает 2 пядей и повязывается вокруг бедер. Это обычная одежда, и ничего, кроме нее, они не носят, исключая особых обстоятельств. На войне и при исполнении обязанностей вожди носят весьма элегантные шляпы и накидки. Шляпы у них такого же фасона, как у белых возчиков, и украшены красными и желтыми перьями с небольшой примесью черных и зеленых. Накидки делаются из тонкой плетенки, в которую весьма любопытным образом вплетаются красные и зеленые перья. Длина их различна, некоторые доходят только до талии, некоторые — до земли. Даже европейские мастера не способны были бы изготовить одежду подобной красоты и роскоши. Низшие вожди носят накидки из хвостовых петушиных перьев с воротником из красных и желтых перьев, иногда эти накидки белые и оторочены петушиными перьями. У некоторых первостепенных вождей накидки делаются из красивых желтых петушиных перьев с воротником из красных и желтых перьев. У некоторых желтые накидки наподобие

описанных выше, но у них глянцевитая поверхность, и на расстоянии они производят очень эффектное впечатление. Отправляясь в путешествие, островитяне надевают сандалии из плотной бечевы, чтобы предохранить ступни от лавы. У туземцев есть нечто вроде шлемов, сделанных из плетенки и покрытых красными перьями. Эти шлемы очень похожи на европейские, только в лицевой части у них широкое отверстие, а подбородок прикрывается чем-то вроде маленькой корзинки…

…Волосы туземцы коротко подстригают с боков, но на темени оставляют прядку шириной с пядь, которая протягивается от затылка до лба. У некоторых островитян, особенно у вождей, волосы длинные, и они их перевязывают, вернее, накладывают длинные пряди одну на другую, и эти косицы свободно свисают на спину. Такой способ укладки волос похож на наш, но он придает туземцам более элегантный вид, чем нам европейские прически. Те, у кого волосы вьющиеся, зачесывают их наверх; эти **[549]** прически делаются на манер шляп, украшенных перьями, и они очень похожи на шляпы. Некоторые носят фальшивые волосы, которые мы называли косами, и эти косы, перевитые шнурами, свисают вдоль спины, создавая очень забавную картину. Иногда такие косы закручивают вокруг темени, и такой клубок порой оказывается не меньшей величины, чем сама голова. Изредка встречаются люди с нестриженными волосами, скрученными в несколько прядей, и прическа у них подобна конской гриве. Волосы смазываются серой глиной, играющей роль помады… В отличие от таитян они не прибегают к обрезанию…

После описания мужчин и их одежды мы замолвим слово о женщинах. Лица у них, как правило, красивые, и они прекрасно сложены, хотя в этом отношении уступают более стройным таитянкам. Здешние женщины очень чистоплотны, у них отличные зубы, и они избегают всего, что придает телу неприятный запах. Надето на них меньше, чем

на каких бы то ни было женщинах, с которыми мы встречались на островах Южного моря. У женщин низшего класса часто вся одежда состоит только из куска материи, обернутого вокруг бедер и снабженного спереди маленьким передником. У женщин более высокого положения одежда состоит из большого куска материи, который несколько раз обертывается вокруг талии; концы этой одежды доходят до колен, но она не прикрывает грудь и очень толстит женщину. Обычно девушки носят род одежды, который называется *пау [па'у]* и представляет собой кусок материи, обернутый вокруг талии и свисающий порой ниже колен. Пау охватывает талию пятикратно и собран в складки на спине, и, хотя юным девушкам все к лицу, прекрасные фигуры и свежий их вид привлекают к ним вся и все, но бесспорно это пау им очень идет, и они имеют весьма элегантный вид. По вечерам девушки одеваются более плотно и накидывают на себя большое полотнище белой материи, как это делают таитянки. Украшениями им служат серьги и ожерелья из перьев, которые носят на шее и на голове. Эти ожерелья — их гордость, и часто девушки обертывают четыре или пять таких изделий вокруг головы и два или три носят на шее, причем такие ожерелья очень красивы и делаются из прихотливо перемешанных красных, желтых, черных, белых и зеленых перьев. Ожерелья в толщину достигают примерно одного дюйма, и длина их такова, что ими можно свободно обмотать шею. Носят их только молодые женщины. На пальцах, а иногда и на запястьях они носят фигурки из черепашьего панциря или кости, похожие на печати наших перстней. Одна такая фигурка, приобретенная на Товаи [остров Кауаи], вероятно, была из янтаря. Старые женщины носят обычно украшения из рыбьих костей, которые называются *парава [пала'оа]*. Облачение леди с острова Оухи [Гавайи] завершают браслеты и украшения, которые носят поверх **[550]** одежды. Волосы они обрезают сзади и начесывают их вперед, так, что образуются как раз такие шиньоны, какие

были в моде с Англии, когда мы уходили в плавание. Женщины, так же как и мужчины, смазывают волосы глиной. Руки женщины татуируют любопытным образом, и рисунок татуировки привлекательный. Делается же она, как нам сказали, когда умирает какой-нибудь вождь. Но поистине любопытно, что молодые и старые женщины наносят татуировку на язык. И так как этот орган у мужчин татуировке не подвергается, мы предположили, что подобный обычай был введен, пожалуй, одним из королей, которому в жены попалась местная Ксантиппа. Немилость эта перешла на последующие поколения и распространилась на весь женский пол, которому пришлось затем соблюдать закон об обязательной татуировке языка. Как бы то ни было, но это всеобщий обычай, такой же, как и обычай срезать сзади волосы...

...Их домашняя утварь состоит из деревянных сосудов, полых тыкв, скорлупы кокосовых орехов и ножей трех или четырех видов. Сосуды разной величины, от вмещающих два галлона жидкости до таких, в которые входит кварта, и делают их из красного дерева *коа* необыкновенно тщательно и отлично полируют. Форма у этих сосудов совершенно округлая, и кажется, будто они выточены на токарном станке. Некоторые украшаются различными рисунками, изображающими людские фигуры. На сосудах для кавы у ног таких фигур располагается поддон, а жидкость пьют из дыры, соответствующей устам фигуры, причем в некоторых сосудах такие отверстия делаются на обеих сторонах. Подобные сосуды для кавы — вещь очень редкая, и встречаются они только у королей, но прочие имеются в каждом доме, и в них держат провизию. Тыквы и скорлупы бывают разных размеров и разной формы, в них часто держат воду и затыкают их клочком материи или пучком листьев. Некоторые сосуды таких видов снабжены большими крышками, и в них держат лепешки [thin puddings]; есть и

длинные сосуды, настолько широкие, что в устье их входит рука, и в подобных сосудах хранят рыболовные крючки и лески и другие мелочи домашнего обихода. Короче говоря, эти скорлупы приспособлены для самых различных нужд, в зависимости от их величины и формы. Скорлупа кокосовых орехов используется в качестве чаши для питья, а в сосудах из нее, снабженных крышкой, заботливо хранят красные и желтые перья. Ножи делаются из акульего зуба, прикрепленного к деревянной рукоятке, и бывают различной величины и формы, причем используются они для особых нужд; мясо режут не этими ножами, а лезвиями, представляющими собой длинные отщепы оболочки сахарного тростника.

Каноэ бывают двух видов — одиночные и двойные, и строятся они одинаковым способом, но двойные значительно больше **[551]** одиночных, которые, как правило, в длину имеют от 5 до 7—8 ярдов и вмещают от 4 до 10 человек. Днища делаются из цельных древесных стволов, сердцевина которых выдалбливается; часто эти днища красят черной краской. К днищу приделываются борта — широкие доски, выкрашенные в белый цвет. К носу и корме борта сходятся, и в месте стыков они слегка приподняты. Каноэ снабжены балансирами, которые крепятся с левого борта и делаются из трех кусков дерева; один, наибольший из них, используется для самого балансира, и два — для отводов, с помощью которых балансир прикрепляется к корпусу каноэ. Гребки широкие, и делаются они из светлого дерева в форме лопаты. Двойные каноэ состоят из двух больших челноков, соединенных деревянными дугами, на которых устанавливается платформа, и обычно на этих платформах сидят вожди и перевозятся свиньи и прочие объекты менового торга. На одной из этих перекладин, связывающих челны в их средней части, устанавливается мачта, которая крепится штагами и вантами. Нижний конец рея

закрепляется у шпора мачты, рей изогнут и имеет форму дуги; верхний его конец достигает топа мачты. Парус сшивают из плотных циновок и растягивают между мачтой и реем; верхняя шкаторина имеет форму молодого месяца, и, когда каноэ под парусом, вид у него совершенно необычный. Как правило, к топу мачты привязывают пучки черных перьев, а к ноку реи прикрепляют в качестве вымпела клочки материи. На корме помещают небольшие деревянные фигуры; их называют *эти [эки'и]*. Бывают двойные каноэ длиной 20 ярдов. Они связаны очень крепко и отлично ходят от острова к острову, а по-видимому, этими островами и ограничивается мореходная сфера здешних обитателей. Самые большие двойные каноэ вмещают примерно 60—70 человек.

Рыбу ловят сетями и крючками различных размеров, сделанными из раковин, кости и дерева с костяным приспособлением для подсечки. Последние очень велики, и такими крючками ловят акул и других больших рыб...

...Когда умирает какой-нибудь видный вождь, туземцы приносят в жертву на его могиле двух или трех человек. Могилы представляют собой квадратные кучи камней или, скорее, обломков лавы, и в эти кучи закладывают тело, так как земля в местах захоронений настолько тверда, что не поддается заступу. Много таких захоронений мы видели на берегах бухты Кераг-эгуа [Кеалакекуа], и индейцы нам рассказывали, кто в этих местах погребен и сколько рабов было принесено в жертву на похоронах того или иного [вождя]... Мы не видели, как хоронят вождей, но некоторым нашим джентльменам довелось наблюдать короткую подготовительную церемонию к похоронам одного индейца. Перед домом, в котором лежало тело, весь двор был выложен циновками, и две девушки стояли с большими черно-белыми **[552]** пучками перьев. Десять женщин, одетых специально для похоронной церемонии, и двое мужчин исполнили

торжественный танец, и в это время дом и двор были табу, и ни одно постороннее лицо не отваживалось принять участие в этой церемонии. Когда танец закончился, женщины сели в кружок, уткнулись лицами в землю и издали общий вопль; на этом церемония завершилась.

...На острове есть лекари, и они нам показывали своп способы лечения венерических болезней, смачивая настойкой из обычной травы пораженные места, но мы так и не узнали, дает ли это средство какой-нибудь эффект. Если больные и исцеляются, то, вероятно, вызывается это не целебной силой трав, а их скромным образом жизни и склонностью к чистоплотности...

...Накануне нашего ухода из бухты Кераг-эгуа мы видели у туземцев железные рыболовные крючки, изготовленные из приобретенных у нас гвоздей. Туземцы ежедневно наблюдали за работой наших кузнецов и сообразили, что железо, прежде чем пустить его в работу, следует раскалять. Мы видели, как они разогрели, насколько это им удалось, кусок железа и попытались из него изготовить мотыгу. Делали они это так: накаленное железо заворачивали в мокрую тряпку, клали на большой камень, а затем били по этому куску другим камнем. Однако орудия их были весьма неуклюжими, и железо они не смогли разогреть до красного каления, так что попытка эта не удалась. Но при надлежащем усердии они способны изготовить нужные им железные орудия, о чем свидетельствуют те железные кинжалы, которые у них имелись еще до нашего появления. Эти кинжалы, очевидно, они изготовили сами. Но откуда они получили железо, мы так и не смогли дознаться. Мотыги же они делают из синего камня, похожего на таитянский, но каменные орудия скоро будут вытеснены железными, и пользоваться последними все начнут спустя короткое время.

Они изготовляют много сортов материи различной толщины и различной окраски. Делают ее из коры того же дерева, из которого изготовляют материю на Таити; это дерево и здешние люди, и таитяне называют *и-оута [ауте* — у таитян, *уауке* — у гавайцев], а способы обработки коры примерно одинаковы. У островитян имеются белые, черные, красные, желтые, зеленые и серые материи, некоторые из них полосатые; рисунки на них бесконечно разнообразны и очень напоминают рисунки набивных английских тканей.

Таковы все плотные материи, которые здесь во всеобщем употреблении. Когда штука материи изготовлена, ее выставляют для сушки на солнце, а затем красят и наносят полосы: этим занимаются женщины, которые пользуются маленькой кисточкой, **[553]** сделанной из стебля одного растения, причем выполняются эти работы с большим мастерством. Процесс окраски называется *капарра [капала],* и туземцы этим же словом обозначают и наши приемы письма. Девушки нередко брали в руки наши перья и показывали нам, что они могут делать такие же капарра, как и мы, втолковывали нам, что здешние кисти куда лучше наших перьев. Исписанный лист бумаги они считают чем-то вроде куска материи с фигурным узором, а наши буквы рассматривают как части этого узора, полагая, что мы выписываем эти закорючки, давая волю своей фантазии и придерживаясь моды, принятой в нашей стране. Видя, что мы часто предаемся этому занятию, они считали, что основной наш промысел и состоит в том, чтобы “делать материи”. Правда, в конце концов они уяснили себе, что наши буквы имеют определенное значение, и при этом такое, которое соответствует названиям предметов, пользующихся у нас спросом, так как мы записывали эти названия. Трудно передать их изумление и восторг, которые они выражали, когда мы напевали местные песни, читая с листа нотные записи.

Колотушки для материи делаются округлыми с насечками различной ширины. Мы так и не узнали, из чего делаются краски. Некоторые материи изготовляются из коры хлебных деревьев, но большинство делается из и-оуты.

Циновок разных видов здесь множество. Есть белые, но большинство из них пестрые с коричневыми полосками, которые тянутся во всю длину циновки, придавая им очень приятный вид. Такие циновки носят вожди, тогда как более грубые и толстые расстилаются на полу и идут на паруса. Вечерами туземцы усаживаются перед своими домами на циновках и, предаваясь отдыху в тени кокосовых пальм, любуются танцами, в которых участвуют девушки и дети. Спать они ложатся рано, а встают с солнцем. Вожди пьют каву ночами и рано утром. Для освещения домов используются маслянистые орехи; они насаживаются на палочки и устанавливаются в ряд, как это делается на Таити и на островах Дружбы.

...Когда им нужно дать отрицательный ответ на вопрос, они отвечают не словами, а жестом, слегка сжимая зубами кончик языка, что соответствует отрицанию а-рори [а’оле].

Другой способ отрицания состоит в том, что они слегка поворачивают правую руку. Часто в этих случаях язык и рука работают совместно, но любым из этих способов они, отрицая что-либо, пользуются так же часто, как и живым словом... **[554]**

ЗАЛИВ НУТКА

ДНЕВНИК ПОМОЩНИКА ХИРУРГА Д. САМВЕЛЛА

...Обитатели этой части берега многочисленны и, видимо, живут племенами вдоль берега моря и залива. Внутренние

области, по крайней мере у залива, вряд ли обитаемы: мы здесь нигде не видели ни одного ровного места, повсюду крутые горы, покрытые густым лесом. [Эти индейцы] подобно всем другим народам друг от друга сильно отличаются по внешнему виду, и люди здесь разного роста. Хотя мы и видели здесь много красивых парней, но в общем туземцы сложены плохо, и рост у них средний. Кожа цвета светлой меди и на скулах красная; лица у них, пожалуй, были бы привлекательными, если бы они не намазывали их красной краской, сажей и грязью, из-за чего физиономии индейцев у нас вызывали отвращение. Каждый пачкает лицо в зависимости от своих прихотей, и мы редко видели, чтобы человек хотя бы в течение двух дней сохранял определенный облик, но чаще они пользуются при раскраске лиц красной краской и несколько реже черной. Некоторые на красный грунт наносят спиральные узоры, которые либо окаймляют лицо, либо покрывают его, оставляя в центре красное пятно, которое захватывает нос, а порой часть щек и подбородок. Именно такая манера раскраски физиономий считается здесь наиболее изысканной, и она сходна с новозеландской: новозеландцы так же и тем же способом наносят на лица спиральные линии, с той только разницей, что их узоры несмываемы, тогда как американцы возобновляют узоры чуть ли не ежедневно и меняют их по своему желанию. Бороды у них редкие и куцые, волосы черные и длинные и часто свешиваются на плечи, а иногда подвязываются пучком на темени или на затылке. Волосы всегда грязные и так спутаны, что трудно понять, какая у туземцев прическа. Для большей красоты туземцы их пудрят (если только так можно сказать) белыми перышками, которые носят в особом мешочке, и этими перышками посыпают пудру на голову тем же манером, как наши цирюльники. Голову островитяне прикрывают соломенной шляпой или колпаком, очень похожим на китайскую шляпу. Этот головной убор по форме напоминает сахарную голову со срезанной верхушкой, и к

нему прикрепляются кисточки, при помощи которых головной убор снимают. [555]

Эти шляпы подвязываются под подбородком шнуром. Шляпы бывают двух видов: один обычный, другой более редкий с шишкой на верхушке; такие шляпы белые, и на них иногда черной краской наносятся рисунки, представляющие собой сцены охоты за китом, например человек, стоящий в каноэ с гарпуном, нацеленным на кита. Обычные шляпы чаще не разрисованы, но встречаются и такие, на которые нанесены разные фигуры. В ушах туземцы иногда носят подвески из кусочков меди, у некоторых свисают с ушей большие кисточки из того же материала, который идет на ткани. Туземцы всегда носят украшения из меди, имеющие форму подковы с тесно сближенными концами, и эти концы вставляются в ноздри. Мы видели людей, у которых татуировка была нанесена на руки, и обычно она ограничивалась одним или двумя узорами. Их одежда может быть подразделена на два вида. К первому относятся изделия их собственной выделки, ко второму — части туалета из шкур разных животных. Одежда, которая может быть причислена к первой разновидности, представлена цельнокроеной короткой рубахой, которая надевается через голову и доходит до талии, и куском ткани, который обертывается вокруг бедер и спускается до середины ног. Оба этих вида одежды делаются точно таким же образом, как новозеландские аху, с которыми они очень сходны, разве только здешние грубее и толще. По краям эта одежда оторочена каймой, которая на разный лад украшена клетчатым черно-желтым орнаментом, и к этой кайме пришита бахрома из кисточек, которые делаются из грубых волокон конопли, а порой кайма имеет меховую оторочку — ею всегда снабжен верхний край, для того чтобы предохранять шею от холода. Штанов они не носят, свободно падающая одежда, прикрывающая верхнюю часть тела, свисает не настолько глухо, чтобы постоянно

оберегать от постороннего взора нескромные части тела, на что, впрочем, никто не обращает внимания.

Ко второму виду одежды относятся большие куртки из меха медведей, морских бобров, волков и лисиц, крепко сшитых, причем носятся эти куртки мехом наружу. На такую куртку хватает одной медвежьей шкуры, и она придает туземцам весьма дикий вид. Эти люди невероятно грязны, грязью они покрыты с ног до головы, особенно же грязны их лица и волосы. На руках они носят медные браслеты или многократно обернутые вокруг запястий низки белого бисера; такие же бусы украшают их ноги, и эти бусы часто подвязываются к волосам. На лодыжках носят шнуры, сплетенные из волос.

Женщины выглядят грязнее, отвратительнее и гаже мужчин, мехов они никогда не носят и ничем себя не украшают. Грязные волосы свисают у них на лицо; короче говоря, трудно себе **[556]** представить женщин, пребывающих в более отвратном состоянии. Тем не менее мы имели смелость предпринять известные попытки, дабы отмыть золото в этой руде, и надо сказать, что в руде кое-кто из нас обнаружил такие драгоценности, которые стоили затраченных хлопот.

Индейцы кажутся смелыми и решительными, к нам они относились хорошо и ничем нас не задели, пока мы здесь стояли, хотя в общении друг с другом они довольно скоры на руку и не терпят никаких обид. Находясь у нас на борту и будучи всецело в нашей власти, они не проявляли ни малейшего страха...

Их оружие состоит из длинных копий с костяными наконечниками (причем имеются копья, целиком изготовленные из кости), луков и стрел, каменной разновидности томагавка, каменного оружия, которым они наносят удары, направляя конец его книзу, и палицы, точно

такой же, как пата-пату новозеландцев. Луки плоские, длиной фута четыре, с кетгутовой тетивой. Стрелы оперенные, длиной фута два, и снабжены зазубренными костяными наконечниками; мы видели также несколько железных и медных наконечников...

...Туземцам неизвестно искусство плавания под парусами, и парусов у них нет. Наряду с их мастерством по части постройки каноэ следует упомянуть об их навыках в резьбе по дереву, и в этом отношении они достигли выдающихся успехов. Едва ли в небесах, на земле, под землей и под водой найдется что-либо не запечатленное в фигурах, вырезанных ими из дерева...

ДНЕВНИК ЛЕЙТЕНАНТА Дж. КИНГА

...Мы полагаем, что эти люди — идолопоклонники, так как они поклоняются изделиям своих рук. В самом большом доме западного селения мы заметили подвешенное кверху огромное бревно, а внутри дома, в средней его части и у северного торца, были установлены большие бревна, и верхние концы всех бревен были обработаны в виде фигур с человеческими лицами. Все черты были странным образом обезображены и выдержаны в искаженных пропорциях и укрупненном плане... [557]

ЗАЛИВ ПРИНС-ВИЛЬЯМ

ДНЕВНИК ПОМОЩНИКА ХИРУРГА Д. САМВЕЛЛА

...Здешние обитатели в общем приятный на вид народ; цвет кожи у них светлой меди, а рост средний. В сравнении с жителями залива Кинг-Джордж они кажутся очень чистыми, хотя также мажут лица красной краской и сажей и носят колпаки точно такой же формы, как индейцы залива Кинг-Джордж. В этом отношении они похожи на последних, но этим сходство ограничивается. У многих лица китайского склада, и, что нас очень удивило, волосы они стригут на китайский манер, отпуская сзади длинную прядь, которая ложится на спину, хотя чаще волосы на голове собираются в пучок... Волосы у них черные, с блеском и обычно длинные, свисающие на плечи. Те же, кто причесывает их на китайский лад, выглядят как человек, не похожий на американца и принадлежащий к другой расе: мы предположили, что такие люди — потомки китайцев, некогда случайно сюда заброшенных, а к настоящему времени слившихся с туземцами, так что отличить их можно только по длинным прядям волос... В носовую перегородку они вставляют перья и камешки. Они делают широкую прорезь под нижней губой во всю ее длину и в это отверстие помещают различные украшения из кости и камня. Костяные украшения зазубрены и очень похожи на ряд зубов, а в каменных просверлены отверстия, через которые пропущены низки бисера, спускающиеся на подбородок. Мы видели туземцев, у которых не было этих отверстий под нижней губой и не у всех в них были украшения. Часто через эти отверстия туземцы высовывают язык, и это придает им страшноватый вид, и, быть может, так делается для того, чтобы наводить ужас на врагов. Эти отверстия не прорезываются ножом сразу, а делаются постепенно, до тех пор пока не приобретут соответствующую форму и должную длину. В ушах туземцы носят разные безделушки.

Одежда их состоит из шкур морских бобров и тюленей и из шкур других животных, и на нее они, отправляясь в море,

надевают накидку из кишок и плавательных пузырей рыб, которые хорошо предохраняют тело от сырости. Сшиваются эти кишки любопытным образом, и из них делают капюшоны, покрывающие **[558]** голову. У туземцев недурные сапоги из тюленьей кожи и перчатки из медвежьих шкур. Головные уборы у них двух видов: колпаки, сходные с теми, которые носят обитатели залива Кинг-Джордж, раскрашенные в разные цвета, и шляпы, венчающиеся пирамидальной надстройкой. Такие шляпы носят люди первого ранга. На шляпы наносятся различные рисунки, и порой они бывают украшены разноцветными бусами. В общем эти люди одеты очень тепло.

От стрел их тела защищают щиты из тонких дощечек, связанных шнурами; порой они украшены изображениями людей и другими рисунками. Их оружие — копья, дротики, луки и стрелы; стрел мы видели мало, туземцы, видимо, чаще пользуются дротиками с костяными зазубренными наконечниками, и кидают они эти дротики с большой силой и ловкостью. Кроме того, у них есть дротики и длинные копья, которыми они бьют рыбу, и к ним они привязывают пузыри, чтобы можно было отыскать добычу на воде. Копья, используемые для военных действий, длинные и снабжены железными наконечниками, и многие из них явно европейской работы.

Их каноэ бывают двух видов. К первому относятся большие и открытые лодки, способные вместить 30—40 человек, ко второму — маленькие, закрытые, в которых никогда не находится больше одного-двух человек. Большие открытые каноэ имеют легкий деревянный каркас и по форме напоминают лондонские ялики. Каркас кроется крепко сшитыми тюленьими шкурами. В длину эти каноэ достигают 20—40 футов, борта у них выше в средней части, чем у носа и кормы. Будучи очень легкими и плавучими, они могут выдержать большую нагрузку; они совершенно не

пропускают воду и в этом отношении превосходят деревянные каноэ, которые обычно так текут, что один человек должен постоянно вычерпывать из них воду.

Малые каноэ также имеют деревянный каркас, но шкурами он обшивается целиком, только в середине оставляют круглый люк, или дыру, и в этом отверстии сидит человек. Люк окаймлен обручем, к которому подвязывается верхняя накидка человека, находящегося в лодке, причем делается это так ловко, что вода совершенно не проникает внутрь. Мы видели несколько каноэ с двумя люками, но это необычная конструкция. Малые каноэ в длину имеют 12—14 футов и в ширину около 2 футов. В средней части, где каноэ шире и откуда оно постепенно суживается к носу и к корме, на "палубе" имеется гребень, вытянутый в продольном направлении, с выемками по обе стороны, столь малыми что в них ничего нельзя положить. С борта на борт переброшены стропы, между которыми закладываются копья, луки, стрелы и прочие вещи, которые необходимо иметь под рукой. Меха и многие другие вещи хранят внутри, где они не подвергаются **[559]** действию влаги. Шкуры обтяжки так тесно сшиты, что воду не пропускают, и если и попадает немного влаги, то ее легко удаляют. Эти шкуры прозрачны, большинство из них белые, реже встречаются черные, и верхняя сторона белых шкур похожа по цвету на черепашье брюхо, а сшитые шкуры напоминают пластины на этом брюхе, и выпуклая часть обшивки образует нечто вроде палубы...

УНАЛАШКА

ДНЕВНИК ШТУРМАНА Т. ЭДГАРА

...Четверг, 8 октября 1778 г. Примерно в 10 часов утра я с несколькими джентльменами отправился в индейское селение, расположенное в глубине залива, на северном берегу очень большой бухты, милях в 17 от стоянки кораблей. Мы пришли туда к 11 часам и были крайне разочарованы, так как во всем селении насчитывалось только пять домов, или хижин, которые даже вблизи казались не жилищами, а кучами навоза или грязи. Внутри эти хижины являют печальное, убогое и жалкое зрелище; в них нет ничего, кроме сухой травы и циновок, и там стоит страшная вонь, мухи роятся тучами, а жители невероятно грязны. Мужчины, по-видимому, заняты заготовкой на зиму рыбы и постройкой каноэ. Женщины миловидны и добры во всех отношениях, и нам они дарили своп ласки весьма непринужденно за пригоршню табака или за полдюжины бус. Из-за своей лени они все вшивы, да и одежды из птичьих перьев и шкур — отличное убежище для паразитов.

В 1 час 30 мин. капитан Кук и капитан Клерк через двух индейцев переслали немного рома...

...Пятница, 9 октября. Около 7 часов утра я с группой джентльменов отправился на прогулку во внутреннюю часть страны. В 11 часов мы пришли в одно индейское селение, лежащее в бухте к западу от нашей стоянки. Шел очень сильный дождь, и мы сочли за благо укрыться в самом большом доме, полагая, что он наилучший, но, убедившись, что наши догадки неверны, перешли в другой, поменьше размером. В этом селении 18 или 20 домов, расположенных на берегу большой бухты на низком месте. Ручей протекает рядом, и вся эта местность доступна **[560]** для здешних каноэ. Земля за селением болотистая, с большими заводями, в которых много форели и лосося. Дома или, точнее, хижины имеют форму дуги, построены из плавника и крыты сухой травой, поверх которой насыпан слой земли толщиной около 2 футов. На крыше есть дыра, через которую люди входят и

выходят. В маленькой хижине хозяева более зажиточные, в большой — победнее, и народ там живет скопом, и страшно грязно, а спят эти люди на циновках, лежащих вдоль стен. У хижин на столбах и настилах сушится рыба. Готовую, высохшую, рыбу собирают в кучи и накрывают циновками. Основная пища туземцев — лосось, форель, палтус, китовое мясо в летнее время и всякая сушеная рыба зимой. Ягод они едят много осенью и сохраняют их на зиму, что в значительной мере предохраняет их от цинги. Мужчины и женщины среднего роста, недурно сложены, волосы у них черные, глаза маленькие, так же как и носы, скулы выдающиеся. Татуировка у них слабая, а под нижней губой и в носу прорезаны дыры, в которые вставлены кусочки железа различной формы. Главные виды их одежды — нечто вроде накидки из птичьих перьев или тюленьих шкур, которая достигает колен. Мужчины носят моргерсоны [мокасины] и сапоги, и накидку из пузыря [кишок], и деревянные шляпы, на манер наших дамских колпаков, и эти шляпы любопытным образом разрисованы. Мы нашли у них медные котелки с железными ручками, или рукоятками, и у них много железных ножей, полученных от русских. Все они нюхают табак, и его у них, видимо, много; они любят также курительный табак, которого у них мало.

Как я полагаю, они платят русским подать. Мы видели, как один индеец обходил все дома, собирая сушеную рыбу, а на другой день пришел еще один индеец и забрал ее, причем он, вероятно, был познатнее, так как все его боялись, из чего можно заключить, что это сборщик податей... У них много ворвани, которая заменяет им масло и соусы к рыбным блюдам и служит для освещения. Лампы они делают, просверливая углубления в камнях и вставляя туда фитили из соломенных жгутов, пропитанных ворванью...

...Четверг, 15 октября. Около 7 часов утра я вместе с несколькими джентльменами отправился в русское

поселение, и по пути мы зашли в селение индейцев, где побывали несколько дней назад. Мы пришли туда часов в десять и посетили один дом, хозяин которого принял нас очень любезно. Пробыв там с полчаса, мы направились в русскую факторию, и наш лендлорд был нашим гидом. Мы поднялись на очень крутой холм в полдень, достигли его вершины и шли при сильном ветре и ливне, а затем пересекли еще несколько гряд. Около 3 часов мы пришли в индейское селение, лежащее в глубине отличной бухты. Оно состояло из 20 или 30 домов, больших и более чистых, чем **[561]** все, которые мы видели прежде. Перед селением протекает ручей, на берегу его лежит много лодок, а на небольшом расстоянии от селения, к северу от него, на возвышенности стоит деревянный крест, высотой 10—12 футов. Мы не смогли раздобыть тут каноэ, чтобы на нем дойти до русской фактории, и двинулись к ней пешком. Мы пересекли гряды холмов, переправились через несколько рек и примерно в 6 часов пришли в факторию, где нас встретил камчадал, который провел нас в дом и представил находившимся там русским, которые встали и поклонились нам весьма учтивым образом. Видя, что мы промокли до костей, они немедленно предложили нам раздеться и нарядили в свои очень теплые и удобные одежды, состоявшие из голубой шелковой рубахи, хлопчатых рубах с шелковым воротом, синих штанов из нанки, куртки из лисьего или куньего меха и плаща из тонкой кожи; два последних вида одежды были очень похожи на накидки наших возчиков, с той лишь разницей, что эти куртки застегивались на крючки. Когда дело с одеждой было улажено, мы раскупорили бутылку рома и пригубили ее, закусив хлебом, чтобы оправиться от тягот этого сырого и утомительного дня, и угостили ромом наших друзей; ведь мы слышали, что они склонны к этому, и слух этот оправдался на деле, так как бутылку они прикончили очень быстро и ром не разбавляли водой. Скудный наш запас разделили трое

русских: Петр, который приходил на корабль в индейской одежде (это был один из тех трех русских, которые сопровождали Ледьярда; он был штурманом шлюпа, стоящего в этом месте), двое других, Михаил и Яков, о занятиях которых я ничего не знаю, мало отличались и от Петра, и от всех прочих здешних русских людей. Примерно в 7 часов подали на стол ужин. Были поданы вареная рыба (очень грубый сорт палтуса) и суп из китового мяса, очень наваристый, а также две бутылки сока из крупных синих ягод; каждому дали по деревянной ложке. Суп и рыбу ели одновременно, и русские каждые два-три глотка запивали полной ложкой сока. Китовое мясо было слишком жирным, и с палтусом мы его не ели, но нашли, что оно очень приятно в горячей похлебке. После ужина русские нас угостили нюхательным и обыкновенным табаком и во всем проявляли к нам большое внимание. Они задали нам много вопросов, но мы понимали друг друга с большим трудом. В 8 часов, чувствуя себя крайне утомленными долгой прогулкой, мы высказали желание отправиться спать. Ложе, приготовленное для нас, представляло собой помост, приподнятый над полом дюймов на 14—15 и похожий на наши солдатские нары. На этом помосте были разостланы волчьи, оленьи и медвежьи шкуры, а одеялами служили шкуры бобров, лисиц и других зверей, сшитые грубыми нитками на манер наших стеганых одеял. Ложе это было чрезвычайно теплым, и мы проспали на нем до утра, когда нас разбудил призыв **[562]** повара, который приготовил для всей фактории завтрак. Утро было отличное, и мы наслаждались хорошей погодой, сменившей ненастную, которая держалась всю ночь. И мы получили возможность обозреть все вокруг. Оказалось, что это селение лежит примерно в 7 лигах от гавани Самгунудхи. От этой гавани до первого селения у треста около 4 лиг; туда идет по долине, заключенной между высокими холмами, хорошая дорога. От этого селения до русской фактории (путь, которым мы шли туда и обратно) 10 лиг дурной дороги, пересекающей

вершины холмистых гряд и глубокие долины. По воде же расстояние по прямой линии примерно 5 или 6 миль.

Место, на котором построена фактория, представляет собой ровный участок овальной формы протяженностью в 2 или 3 мили, и у домов протекает река с очень хорошей водой. Гавань мала и приспособлена только для небольших судов; она хорошо защищена от ветров с моря, так как со всех сторон окружена высокими холмами. Жилой дом в длину имеет 70 или 75 футов, в ширину — 20—24 фута, а в средней части его высота около 18 футов. Построен он сводообразно из американского леса и тщательно покрыт сухой травой и соломой, и кроме того, крыша сверху затянута сетью из бечевы, идущей на лаг-лини и основательно закрепленной, чтобы кровлю не сорвало ветром и чтобы от ветра не повредился дом. Концы сети оттянуты к земле. Дом по оси вытянут с востока на запад, дверь находится с южной стороны, ближе к западной стене, и у двери всегда стоит часовой с обнаженной саблей или заряженным мушкетом. Самые важные люди живут в восточном конце дома, и эта часть с окном, забранным слюдой, выглядит довольно сносно. Потолок здесь низкий, но пол устлан шкурами крупного морского зверя, что также очень приятно на вид. Ближайшее к этому концу дома помещение занимают некоторые русские люди и камчадалы рангом повыше. Русские рангом пониже и камчадалы растягивают шкуры прямо на полу, подстелив под них сухую траву. Пищу готовят в большом медном котле в средней части дома, из-за чего сон на рассвете не слишком приятен, ибо дом заполняется дымом; топят сухой травой и дерном, так как дров на острове нет, и весь лес завозят с материка. Дом делится на две части деревянной перегородкой; западная часть имеет в длину примерно 14—15 футов, и в ней находится кладовая, или склад.

Неподалеку от жилого дома есть три больших склада, в которых хранят сушеную рыбу, шкуры, провиант и пр. Один из этих складов опечатан несколькими печатями, и нам не удалось узнать, что в нем содержится, но мы полагаем, что там хранят меха. Есть также одно складское помещение и большой дом под кровлей, но я не знаю, жилой он или назначен под склад. Есть несколько индейских домов, заселенных целыми семействами, и вероятнее **[563]** всего, что обитатели этих домов все свое время отдают новым хозяевам, сплетая для них сети, тачая обувь и т. д. Стоят тут два креста друг против друга: один восточнее, другой западнее, и дистанция между ними около четверти мили. Оба высотой 10— 12 футов, и оба выкрашены белой краской. В 10—12 ярдах от дома пришвартован шлюп, глубина там 2 фута. Он построен на образец лихтера, с виду неуклюж, но очень крепок и под грузом имеет осадку 7 футов; его водоизмещение — 60 тонн, днище плоское, мачта короткая и расположена ближе к корме, чем к носу, бак и квартердек длиной около 7 футов. Каюта маленькая, с двумя койками. Лаг и линь на квартердеке такие, как у нас. Нактоуз расположен на средней палубе; оба корабельных компаса очень хорошие. На левом борту, на вертлюге длиной 1,5 фута, установлена полуфунтовая пушка (ball). На берегу — несколько каноэ и большая открытая кожаная лодка.

Русские нам сказали, что некоторые из них были убиты индейцами при попытке высадиться на Американском материке, что и заставило этих людей осесть на островах. На острове Наван Алашка [Уналашка] — 60 русских и 20 камчадалов, а на различных ближайших островах — около 500 русских и камчадалов. Эти люди пришли сюда в 1777 году и возвратятся на Камчатку в 1780 году, когда их сменит другая партия. Они говорят, что от Охотска до этого места 80 дней пути.

Первые русские поселенцы на этих островах отобрали у туземцев луки, стрелы, копья и все прочее оружие и таким путем совершенно подчинили их себе и заставили платить подать. У русских много прекрасных ружей с нарезными [rifle] стволами длиной от 3 до 5 футов. Петер Нат. Реубин, штурман шлюпа, говорил нам, что мальчиком он плавал с капитаном Берингом, когда тот впервые открыл Америку в 1741 году, и был с Берингом в дни его кончины на острове Беринга...

ДНЕВНИК ПОМОЩНИКА ХИРУРГА Д. САМВЕЛЛА

...10 октября капрал [Ледьярд] возвратился с тремя русскими... один из них, главный, чье имя было Петер Нат. Реубин, объяснил нам, что он штурман судна, стоящего на якоре у [русской] фактории. Он сказал, что мальчиком участвовал в экспедиции Беринга к американскому берегу, и описал нам то прискорбное состояние, в котором участники экспедиции оказались из-за цинги, жертвой которой стал также Беринг. К Берингу он относится с величайшим уважением...

...15 октября. На борт “Резолюшн” прибыл Григорий Измайлов со своей индейской свитой. Он явился на большом кожаном каноэ, в котором было три люка, или отверстия, и в двух **[564]** люках сидели гребцы, а в среднем помещался он сам, в накидке, которую он носил на здешний манер. Капитан Кук принял его очень радушно и оставил ночевать. Мы его много расспрашивали об открытиях, совершенных его соотечественниками на берегу Америки, и он сказал, что принесет карту, которую обещали нам показать другие русские. Мы поняли, что он человек умный и знающий толк в навигации и что некоторые открытия он совершил сам. Ему лет 30, и он одет на русский манер...

…Между нами, и русскими установились дружественные отношения; наши джентльмены нанесли несколько визитов в русскую факторию, всякий раз захватывая с собой ром и брэнди, а эти напитки нашли у русских полное признание… Русские отлично принимали наших джентльменов и подарили им сапоги; прощаясь с гостями, они дали салют из всех своих ружей. Некоторые из русских продали нашим людям на кораблях несколько пар сапог и приобрели у нас две бутылки брэнди. Им теперь известно, что мы собираемся на Сандвичевы острова, так как мы скупали здесь железо в любом возможном количестве, а его на этом острове в руках частных лиц мало.

…23 октября. Русский, который является главным лицом в фактории на острове У-манак [Умнак], посетил сегодня оба корабля…

26 октября. На острове Наваналашка около 60 русских и большое количество камчадалов. У русских есть небольшие фактории на всех островах Анадырского моря и во многих местах вдоль американского берега, и цель этих факторий состоит в том, чтобы скупать у индейцев шкуры, особенно шкуры морских бобров, у которых красивый и дорогой мех. Меха пересылают на Камчатку, а оттуда они идут в Китайскую землю, где их покупают по дорогой цене. Нам говорили, что продают их по 20 рублей за штуку. Эта торговля, приносящая русским большой доход, идет главным образом с Пекином.

Обитатели этих островов подчинены русским, и, судя по нашим наблюдениям, они платят своим хозяевам подать, и все оружие русские у них забрали. Русские забирают у туземцев их детей, когда те еще совсем малы, и используют молодых островитян на различных работах в своей фактории. Их учат русскому языку и, вероятнее всего, крестят и наставляют в начатках христианской религии…

...Страна эта повсюду гориста, и здесь нет ни единого дерева, которое могло бы быть использовано на топливо, а из растений имеются различные [кусты, дающие] ягоды, и белый корень из разновидности лилейных. Местных жителей кормит только море.

Здешние индейцы среднего роста, меднокожие и сложены в общем хуже, чем обитатели островов Южного моря. Нрав у них мягкий и мирный, и к воровству они совершенно не склонны. **[565]**

...Женщины постепенно настолько осмелели, что стали приходить на корабли в большом количестве каждую ночь. Они очень грязны, и на них масса паразитов; несмотря на все наши старания отмыть и очистить этих женщин, мы не могли избавить их от запаха ворвани — этот адский сернистый дух остается при всех обстоятельствах. Мы давали им наши рубахи и другую одежду, хотя никто из нас в избытке всего этого не имел, но охотно расставались с этими предметами туалета, рассчитывая на то, что скоро окажемся в теплых краях, где они будут совершенно излишни... У женщин кожа медного цвета, очень красная на щеках, волосы черные и грубые, завязанные в большой пучок на затылке. Щеки и подбородок, так же как и руки, они покрывают татуировкой, скулы у них, как у шотландцев, очень выдающиеся, но в отличие от шотландцев эти части лица мясисты, из-за чего лица кажутся широкими и круглыми. Глаза черные и маленькие, и от носа идут не по прямой линии, а вкось и вверх. У всех рубахи из тюленьих шкур, спускающиеся ниже колен; рукава доходят до кистей, и одежда эта покрывает все тело, оставляя открытыми только лицо и кисти рук. Головы у них ничем не покрыты. Носят они сапоги или обувь из тюленьей кожи, которые подвязываются под коленями. Под нижней губой у них две прорези, в которых они носят украшения из белого камня. Это создает впечатление, будто обладательницы этих украшений усаты. С носовой

перегородки у них свисают к подбородку низки бисера, и по этим украшениям, и по татуированным щекам их можно отличить от мужчин. Впрочем, только женщины носят рубахи из тюленьих шкур; накидки же из птичьих перьев и кишок — одежда мужская.

...У женщин имеются иглы из усов морского коня; на одном конце иглы делается шишка, к которой прикрепляют нить; своему назначению эти иглы отвечают полностью. Шьют женщины очень быстро и аккуратно; они иногда брали у нас стальные иглы и отлично с ними управлялись. Женщины часто используются на очень тяжелых работах: они копают ямы при постройке домов из китовых костей и перетаскивают землю в корзинах, они связывают в пучки траву, которая идет на кровлю. Мужчины же ставят каркас и кроют хижину... Дети на острове ходят голые. Венерические болезни здесь имеются, и кое-кто из наших людей заразился ими на этом острове.

Комментарии

380. Ч. Клерк описывает способ раскраски тапы особым инструментом; он не дошел до нашего времени, но сохранились штампы *(охе капала),* которыми затейливые рисунки чисто механически наносились на поверхность тапы (Beaglehole, 594, n. 1).

381. Следует отметить, что Кук гораздо яснее, чем Клерк, представлял себе характер брачных отношений гавайцев и не осуждал их с такой пуританской строгостью. На Гавайях “господствующей формой брачных связей был парный брак, постепенно переходивший в моногамию”, причем “в сословии благородных *(алии)* распространено было

многоженство” (Д.Д. Тумаркин. Вторжение колонизаторов в край вечной весны. М., 1964. стр. 28—29).

382. *Папа* не название растения, а термин, которым обозначались плоские предметы. Паруса изготовлялись из листьев пандануса, его гавайское название *хала* (Beaglehole, 602, n. 10).

383. По мнению Дж. Биглехола, здесь описаны птицы мамо *(Drepanis pacifica)* и иви *(Vestiaria coccinea)*. Третий вид — это, по всей вероятности, птенцы птицы иви, а четвертый — птица амакихи *(Loxops virens)* (Beaglehole, 602, n. 11).

384. Птицы с серой грудкой — это гавайские дрозды — *омао (Phalornis obscura),* “мухоловки” — птицы *этапаио (Chasiempis sandwichensis),* “водяные пастушки” — давно уже истребленные птицы *Pennula sandwichensis,* вороны *(алала)* — вид *Corvus tropicus,* два вида — маленькие птицы — самки и самцы птиц *(Loxops coccinea),* желтоголовые птицы — это *оу (Psittirostra psitacea),* совы — вид *Asia flammeus sandwichensis (пузо),* “зуйки” — птицы *улили (Heteroscelus incanum)*. Голубей на Гавайях не было. Птица с длинным черным хвостом — это *Moho nobilis* (Beaglehole, 603, n. 1—10).

385. Дж. Биглехол отмечает, что генеалогические данные, приводимые Дж. Кингом, представляют большую ценность, хотя Кинг не учел того обстоятельства, что передача титулов шла по женской линии и что у Каланиопу было гораздо больше предшественников, не вошедших в перечень “ближайших” предков этого властителя. Заключенные в квадратных скобках имена отвечают современным нормам гавайской ономастики, и транскрипция их дана Дж. Биглехолом в соответствии с указаниями, которые он получил от историка и этнографа Дороти Барер, работающей в Гонолулу. Многочисленные поправки к схеме Дж. Кинга

даны Дж. Биглехолом в комментарии к ней (Beaglehole, p. 614—615, n.n.).

386. Дж. Биглехол указывает, что вождь этот носил более высокий титул — алии моэ (Beaglehole, p. 616, n. 1).

387. Оценки населения Таити, данные Дж. Кингом, весьма условны. Кук считал, что на Таити проживает 204 тыс. человек, Г. Форстер полагал, что население этого острова — 142 тыс. Обе эти оценки, видимо, завышены, и, пожалуй, Дж. Кинг, называя цифру 120 тыс., ближе к истине. В издании 1784 г. Дж. Кинг определяет общую численность населения острова Гавайи в 400 тыс. человек (Voyage... 1784, v. III, p. 128—129), полагая, что плотность населения везде примерно такая, как на берегах бухты Кеалакекуа, что, конечно, неверно. Во всяком случае, оценка численности населения, данная Дж. Кингом в нашей публикации (200 тыс.), куда справедливее, хотя она и преуменьшена. Р. Кьюкендалл (K. Kykendall. The Hawaiian Kingdome (1778—1854). Honolulu, 1938, p. 336), приведя данные о населении, собранные в 1823 г. миссионерами (135 тыс.), полагает, что с 1779 по 1823 г. оно уменьшилось вдвое. Очевидно, в 1779 г. оно доходило до 250—270 тыс. Пожалуй, чуть завышена оценка населения прочих островов и, безусловно, преувеличена численность населения острова Ланаи. пустынного и бесплодного.

388. *Ку-нуи-акеа* — Ку великий и вездесущий — символ одного из главных гавайских богов — Ку. Простых смертных хоронили в земле, иногда в пещерах, вождей малых рангов — на *хеиау,* где места таких погребений обносились низкими каменными стенками. Главных вождей хоронили в расчлененном виде в тайных погребениях, чаще всего в труднодоступных пещерах, дабы враги не могли осквернить останки.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК УЧАСТНИКОВ ТРЕТЬЕГО ПЛАВАНИЯ ДЖ. КУКА

(СОСТАВЛЕН ДЖ. БИГЛЕХОЛОМ)

(Список составлен Дж. Биглехолом на основании именных списков, находящихся в архиве Public Record Office (Resolution adm. 36/8048. 8049, Discovery 36/8013). В эти списки в процессе сопоставления и сверки были внесены некоторые коррективы, и в частности исключены лица, формально зачисленные в штат экспедиции, но фактически не принимавшие в ней участия. — *Прим. пер.*)

“РЕЗОЛЮШН”

1. Кук, Джемс (1728—1779), командир экспедиции.

2. Ивин (Evin), Уильям, уроженец Пенсильвании, 33 г., боцман, участник второго плавания.

3. Андерсон, Орберт, уроженец Инвернесса, 35 л., канонир, участник первого и второго плаваний.

4. Клевели, Джемс, плотник и художник.

5. Моррис, Роберт, кок.

6. Барни Уильям, уроженец Стромнесса, 24 г., помощник канонира.

7. Макинтош, Александр, уроженец Перта, 30 л., помощник плотника, умер в Петропавловске.

8. Маккензи, Дэниел, уроженец Инвернесса, 32 г., матрос. **[567]**

9. Хогг, Александр, уроженец Шотландии, 21 г., матрос.

10. Уилан (Whelan), Патрик, уроженец Лимерика, 44 г., рулевой старшина.

11. Фишер. Уильям, уроженец Нортгемпшира, 20 л., матрос.

12. Херви, Уильям, уроженец Лондона, 24 г., помощник штурмана, затем лейтенант, участник первого и второго плаваний.

13. Кейв (Cave), Джон, уроженец Дархема, 30 л., дезертировал в Макао, участник второго плавания.

14. Наш, Уильям, уроженец Лондона, 21 г., матрос.

15. Уиттон, Бенджамен, уроженец Бостона, 37 л., помощник плотника.

16. Дьюер (Dewar), Александр, уроженец Данбара, 28 л., клерк, участник второго плавания.

17. Гор, Джон (ок. 1730—1790), лейтенант, первый помощник командира “Резолюшн”, затем капитан, после гибели Дж. Кука командир “Дискавери”, после смерти Клерка командир экспедиции. Участник кругосветных плаваний Байрона и Уоллиса и первого и второго плаваний Дж. Кука.

18. Чарлтон, Уильям, уроженец Лондона, 18 л., мидшипмен.

19. Уорд, Джемс, 18 л., мидшипмен.

20. Колетт, Уильям, уроженец Хай-Уикомба, 27 л., оружейный мастер, участник первого и второго плаваний.

21. Леньон (Lanion), Уильям, уроженец Корнуолла, 29 л., помощник штурмана, участник второго плавания.

22. Гриффин, Уильям (1755—1839), уроженец Лондона, капрал.

23. Ли, Ричард, уроженец Лондона, 24 г.

24. Колетт, Джозеф, уроженец Хай-Уикомба, 28 л., слуга.

25. Хержест, Ричард, уроженец Лондона, 22 г., мидшипмен.

26. Роберте, Генри (1747—1796), уроженец Сассекса, помощник штурмана, участник второго плавания.

27. Мидд, Уильям, уроженец Лейчшира, 18 л., мидшипмен.

28. Хейдеман, Уильям, уроженец Лондона, 18 л., матрос.

29. Паул, Мэтью, 18 л., матрос.

30. Кинг, Джемс (1750—1784), лейтенант, второй помощник на “Резолюшн”, после гибели Кука назначен первым помощником командира, после смерти Клерка командир “Дискавери”. Уроженец Ланкашира.

31. Андерсон, Уильям (1748—1778), хирург и руководитель научных работ экспедиции, участник второго плавания.

32. Самвелл, Дэвид (1751—1798), помощник хирурга, после смерти Андерсона хирург.

33. Бойд, Джон, уроженец Гринвича, 18 л., матрос.

34. Эванс, Ивен, уроженец Лондона, 18 л., матрос.

35. Каон, Эдвард, уроженец Гринвича, 23 г., матрос.

36. Беннет, Питер, уроженец Плимута, 21 г., матрос.

37. Юнг, Ричард, уроженец Кенсона, 23 г., матрос.

38. Рамзай, Мэтью, уроженец Пертшира, 44 г., помощник канонира, участник первого и второго плаваний.

39. Бич. Мэтью, уроженец Лондона, 19 л., матрос.

40. Тэйлор, Уильям, уроженец Вулиджа, 15 л., мидшипмен.

41. Спенсер, Майкл. 19 л., дезертировал в Макао.

42. Мезон, Питер, уроженец Лондона, 19 л., матрос.

43. Райе. Томас, уроженец Уэльса, 20 л., матрос.

44. Кинг Джемс, уроженец Дептфорда, 21 г., матрос.

45. Ирвин. Ричард, уроженец Дептфорда, 21 г., матрос.

46. Де Бекер. Ян Арно, уроженец Бремена. 26 л., матрос.

47. Уильямсон, Джон (?—1798), третий помощник капитана на “Резолюшн”. Второй помощник капитана после гибели Кука, после смерти Клерка первый помощник капитана на “Дискавери”.

48. Стирлинг, Уильям, уроженец Чичестера, 22 г., слуга.
[568]

49. Херолд, Уильям, уроженец Вестминстера, 43 г., помощник канонира, уволен на мысе Доброй Надежды как непригодный к службе.

50. Бредли, Уильям, уроженец Дептфорда, 25 л., помощник канонира.

51. Уотман, Уильям, уроженец Саррея, 44 г., участник второго плавания, умер на острове Гавайя 1 февраля 1779 г.

52. Батчер, Томас, уроженец Уилшира, 25 л., матрос.

53. Барбер, Джордж, уроженец Дублина, 33 г., матрос,

54. Браун, Джон, уроженец Хантингдоншира, 38 л., рулевой старшина.

55. Куин, Томас, уроженец Лимерика, 26 л., помощник боцмана.

56. Хант, Уильям, оружейник, списан с корабля на мысе Доброй Надежды за чеканку фальшивой монеты.

57. Прайс, Томас, 22 г., помощник оружейника.

58. Девис, Джон, уроженец Галифакса, 21 г., рулевой старшина, умер у берегов Англии 20 сентября 1780 г.

59. Мак-Ки, Роберт, уроженец Шотландии, 21 г., мидшипмен, пытался дезертировать на острове Хуахине.

60. Хардинг, Джемс, уроженец Лондона, 41 г., рулевой старшина.

61. Стенли, Джон, уроженец Уилтона, 21 г., матрос.

62. Блай, Уильям (1754—1817), штурман на “Резолюшн”, впоследствии командир восставшего против его дикого произвола брига “Баунти”.

63. Батлер, Уильям, уроженец Дептфорда, 19 л., матрос.

64. Джемс, Джемс, уроженец Уэльса, 25 л., помощник боцмана.

65. Роберте, Томас, уроженец Бермудских островов, рулевой старшина, умер 27 января 1778 г.

66. Девис, Роберт (1752—?), уроженец Уэльса, помощник хирурга.

67. Уиддэл, Уильям, парусный мастер.

68. Клей, Джоб, уроженец Миддлсекса, 41 г., матрос.

69. Спилсбери, Уильям, уроженец Миддлсекса, 33 г., матрос.

70. Салмон, Уильям, уроженец Ярмута, 47 л., матрос.

71. Флетман, Джон, уроженец Лондона, 20 л., матрос.

72. Тревенен, Джемс (1760—1790), уроженец Конуолла, мидшипмен, в 1787 г. вступил в русскую службу и погиб под Выборгом во время русско-шведской войны в июле 1790 г.

73. Гилберт, Джордж, уроженец Линкольншира, 18 л., мидшипмен.

74. Уотс, Джон, мидшипмен.

75. Хатли, Джон, уроженец Лондона, 16 л., мидшипмен.

76. Шатлуорт, Уильям, мидшипмен.

77. Миллет, Джемс, уроженец Лондона, 31 г., рулевой старшина.

78. Бишоп, Сэмюел, уроженец Бристоля, 28 л., матрос.

79. Лайон, Бенджамен, уроженец Лондона, 41 г., часовой мастер.

80. Хетертон, Огастин, уроженец Кингстона, 21 г., матрос.

81. Дермот, Джемс, матрос.

82. Смит, Джозеф, уроженец Гринвича, 24 г., матрос.

83. Соби, Уильям, уроженец Нотингемпшира, 26 л., матрос.

84. Грант, Джон, уроженец Уотерфорда, 27 л., рулевой старшина.

85. Коннелли, Джон, уроженец Ирландии, 22 г., матрос.

86. Дойл, Уильям, уроженец Уотерфорда. 20 л., помощник боцмана.

87. Стюарт, Джордж, уроженец Южной Каролины, 29 л., матрос.

88. Маккрелл, Уильям, уроженец Чичестера, 32 г., парусный мастер.

89. Кейтер, Томас, уроженец Чатама, 26 л., матрос.

90. Восток, Джон, 25 л., матрос.

91. Кротч, Уильям, матрос.

92. Дейли, Мэтью, матрос.

93. Кук, Натаниэл, сын капитана Кука. В списках числился фиктивно, утонул у берегов Ямайки в 1780 г.

94. Томпсон, Джон, уроженец Трели, 28 л., зачислен в Макао, матрос.

95. Моррисон, Роберт, уроженец Глазго, 21 г., зачислен в Макао, матрос. **[569]**

96. Абрагам, Магомет, уроженец Бенгалии, 20 л., зачислен в Макао, матрос.

97. Эйрес, Кристофер, уроженец Саррея, 24 г., зачислен в Макао, матрос.

98 Уотсон, Уильям, уроженец Лондона, 21 г., зачислен в Макао, матрос.

ОФИЦЕРЫ И СОЛДАТЫ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ

99. Филипс, Молсуорт (1755—1832), лейтенант, уроженец Ирландии.

100. Гибсон, Семюел, 27 л., сержант, умер у берегов Англии в сентябре 1780 г., участник первого и второго плаваний.

101. Ледьярд, Джон (1751—1789), уроженец Коннектикута, капрал, совершил путешествие в Сибирь в 1787—1788 гг.

102. Джемс, Джон, солдат.

103. Харрисон, Джон, солдат.

104. Хинкс, Теофилас, солдат, убит вместе с Куком 14 февраля 1779 г.

105. Браун, Ричард, солдат.

106. Скраз, Уильям, солдат.

107. Хирли, Томас, солдат.

108. Мак Доналл, Джон, солдат.

109. Джексон, Джон, солдат, ранен в глаз 14 февраля 1779 г. и спасен Филипсом, ветеран Семилетней войны.

110. Моррис, Томас, солдат, пытался дезертировать на острове Хуахине.

111. Аллен, Джон, солдат, убит вместе с Куком 14 февраля 1779 г.

112. Фатчет, Томас, солдат, убит вместе с Куком 14 февраля 1779 г.

113. Карли, Айзек, солдат.

114. Харолд, Томас, солдат.

115. Портсмут, Майкл, барабанщик.

СВЕРХШТАТНЫЙ СОСТАВ

116. Омаи, “пассажир”, взятый во втором плавании на Таити.

117. Веббер, Иоганн (Джон) (1752—1793), уроженец Англии, швейцарского происхождения, художник.

118. Таироа, новозеландец, перевезен в 1777 г. на Хуахине.

119. Коаа, новозеландец, перевезен в 1777 г. на Хуахине.

120. Финоу и 121. Тубоу (Вожди на островах Дружбы, зачисленные в штат на время пребывания экспедиции на этих островах).

122. Мерка, слуга Омаи. Зачислен в штат на время пребывания Омаи на Таити (сентябрь—октябрь 1777 г.)

123. Оуха, слуга Омаи. Тоже.

124. Бухи, слуга Омаи. Тоже

125. Треоиа, слуга Омаи. Тоже

126. Тохеа, слуга Омаи. Тоже

127. Хиата, слуга Омаи. Тоже

“ДИСКАВЕРИ”

1. Клерк, Чарлз (1743—1779), командир “Дискавери”, капитан, после гибели Кука командир экспедиции, умер 22 августа 1779 г. у входа в Авачинскую губу, участник первого и второго плаваний.

2. Барни. Джемс (1750—1821), лейтенант, первый помощник командира “Дискавери” после смерти Клерка первый помощник командира “Резолюшн”, в сентябре 1780 г. назначен командиром “Дискавери”, участник второго плавания, впоследствии выдающийся историк открытий в Тихом океане. **[570]**

3. Коллетт, Ричард, уроженец Бедфордшира, 23 г., оружейный мастер, участник второго плавания.

4. Бентам, Грегори, клерк.

5. Пековер, Уильям, канонир, участник первого и второго плаваний.

6. Айткен, Эйнес, боцман.

7. Рейнольдс, Питер, плотник, участник второго плавания.

8. Голдинг, Роберт, кок, участник второго плавания.

9. Баррет, Эдвард, уроженец Лондона, 20 л., участник второго плавания.

10. Райю (Riou), Эдвард (1758—1801), уроженец Кента, мидшипмен.

11. Холломби, Уильям, уроженец Лондона, 30 л., помощник штурмана.

12. Эдгар, Томас, штурман.

13. Ванкувер, Джордж (1757—1798), мидшипмен, участник второго плавания, впоследствии выдающийся исследователь северо-западных берегов Северной Америки.

14. Уокер, Уильям, уроженец Глазго, 20 л., матрос.

15. Маркхем, Дэвид, уроженец Гернсея, 37 л., матрос.

16. Макинтош, Джон, уроженец Перта, погиб 28 октября 1778 г., матрос.

17. Циммерман, Генрих, уроженец Шпейера, 25 л., автор книги о третьем плавании (1781), в экспедиции участвовал на правах волонтера.

18. Портлок, Натаниэл (1748—1817), уроженец Америки, 25 л., помощник штурмана, с сентября 1780 г. лейтенант.

19. Хоум, Александр, уроженец Бервика, 25 л., помощник штурмана.

20. Снегг, Джемс, помощник хирурга.

21. Шоу, Томас, уроженец Лондона, 22 г., помощник канонира.

22. Вин, Томас, уроженец Дептфорда, 23 г.

23. Лоумен, Бартелемью, 24 г., матрос.

24. Колмен, Джемс, уроженец Доркинга, 25 л., матрос.

25. Рикмен, Джон, лейтенант, второй помощник командира, после смерти Клерка второй помощник командира “Резолюшн”.

26. Эллис, Уильям (?—1785), помощник хирурга, автор книги о третьем плавании.

27. Маршалл, Джемс, уроженец Сандвича, 19 л., матрос.

28. Гудмен, Томас, уроженец Лондона, 21 г., матрос.

29. Мьэют, Александр, уроженец Гринвича, 15 л., мидшипмен, пытался дезертировать на острове Райатеа.

30. Блум, Уильям, уроженец Хемптона, 20 л., матрос.

31. Смоллиис, Джон, уроженец Дептфорда, 23 г., матрос.

32. Ингленд, Джон, уроженец Линкольншира, 18 л., матрос.

33. Биллингс, Джозеф, уроженец Миддлсекса, 18 л., матрос; с 1783 г. на русской службе, возглавлял русскую экспедицию в Тихий и Северный Ледовитый океан в 1785—1794 г.

34. Стивенс, Уильям, уроженец Мейдстона, 35 л., рулевой старшина.

35. Вудраф, Саймон, уроженец Америки, 30 л., помощник канонира.

36. Диксон. Джордж, оружейник, впоследствии исследователь северо-западного берега Северной Америки.

37. Тикл, Джемс, уроженец Лондона, 20 л., матрос.

38. Лоу, Фалк, уроженец Йоркшира, матрос.

39. Кокс, Джозеф, уроженец Сандерленда, 36 л., матрос.

40. Бейтс, Уильям, уроженец Йоркшира, 18 л., матрос.

41. Шит, Томас, уроженец Бостона в Линкольншире, 18 л., рулевой старшина.

42. Эванс, Уильям, уроженец Ворчестера, 27 л., матрос.

43. Пассмор, Уильям, уроженец Девоншира, 22 г., матрос.

44. Лоу. Джон, хирург.

45. Флуд, Джемс, уроженец Девоншира. 23 г., матрос.

46. Мартин, Джон, мидшипмен, помощник штурмана. **[571]**

47. Вудфилд, Филип, уроженец Вулиджа. 22 г., плотник.

48. Гулстон, Уильям, уроженец Лондона, 23 г., матрос.

49. Ричардсон, Джон, уроженец, помощник боцмана.

50. Третчер, Томас, уроженец Лондона. 18 л., погиб 30 декабря 1777 г.

51. Форстер, Генри, уроженец Лондона, 19 л., мидшипмен.

52. Ричардсон. Джон, помощник боцмана.

53. Поултер, Уильям, уроженец Суафхема, 26 л.

54. Уильяме, Роберт, матрос.

55. Хиллси, Уильям, уроженец Портсмута, 29 л., парусный мастер.

56. Лойе, Джон, канонир.

57. Боулз, Дениел, рулевой старшина, дезертировал на мысе Доброй Надежды в 1776 г.

58. Армстронг, Роберт, уроженец Фалмута, 38 л., канонир.

59. Уильямс, Уильям, уроженец Дублина, плотник.

60. Кейтер, Томас, уроженец Чатама, плотник.

СОЛДАТЫ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ

61. Кинг, Джемс, сержант.

62. Харрисон, Джордж, капрал, утонул 23 сентября 1776 г.

63. Кервин, Кристофер, солдат.

64. Муди, Джордж, солдат.

65. Томпсон, Хамлет, солдат.

66. Рандалл, Уильям, солдат, после смерти Харрисона капрал.

67. Херриот, Джон, солдат.

68. Браун, Уильям, солдат, дезертировал на мысе Доброй Надежды в 1776 г.

69. Холлоуэй, Джереми, барабанщик, полюбив в Петропавловске камчадалку, пытался дезертировать.

70. Брум, Уильям, солдат.

71. Ньюмен, Майкл, солдат.

72. Пул, Джемс, солдат.

СВЕРХШТАТНЫЙ СОСТАВ

73. Бейли, Уильям (1737—1810), астроном, участник второго плавания.

74. Летт, Джон, слуга Бейли.

75. Нельсон, Дэвид, по спискам слуга Бейли, фактически ботаник экспедиции, направленный в нее Дж. Бенксом, впоследствии участвовал с У. Блаем в плавании на “Баунти”.

ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ТРЕТЬЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ ДЖ. КУКА

1. Рапорт Г. Измайлова от 14/25 октября 1778 г. в Большерецкую канцелярию о прибытии на Уналашку кораблей Дж. Кука.

В Камчатскую Большерецкую Канцелярию

Штурманского ученика Герасима Измайлова

Рапорт

По прибытии моем к здешним Алеутским островам сего 1778 года, августа 14 ч[исла], но по задолженности моей в реченной канцелярии должности к переписи здешних народов, имел я отбыть из гавани с острова **[572]** Уналашки сентября 2 го ч[исла] на остров Умнак, Четырех сопок и протчие. А по отбытии моем, сентября 23 го ч[исла], прибыли на тот же остров Уналашку, и стали не в дальнем расстоянии от гавани моей, на полуношной стороне в бухту два пакет бота с острову Лондону, называются агличанами. А я, по исправлении своей должности, имел к ним прибыть в крайней скорости, а по прибытии находился трои суток, оказывая к ним ласковость и приветствие. Служил, что было собственного, притом приказал алеутам ясашным плательщикам, в бытность их промышлять рыбу и довольствовать. А по быт[но]с[т]и моей у них чрез маячание уведано, что они сего 778 году октября 15 числа отсель с Уналашки имеют намерение отбыть в ширину северную 22°00', где, перезимовав, имеют быть в Петропавловскую гавань в майе месяце.

На большем пакет боте, называемом Резулюшон, господин полковник называется Дем Кук, лейтенантов трое: первой —

Жион Гор, второй — секунд Дем Скин, третей Жион Вилимсын; всего комплекту, что состоит на пакет боте 110 человек, в том числе все афицеры. На другом пакет боте, называемом Ескадре, на нем командир в ранге майора Чир Тлярк, лейтенантов двое: первый — пример Димск Борин, второй — секунд Жион Рикман, всех числом на Ескадре 70 человек, в том числе и афицеры.

А как через маячание [узнал], что они имеют намерение в Петропавловскую гавань, то я им представлял, чтоб по прибытии в гавань отправили елбот с поручением им сим репортом, а потом и кораблем. А естли кораблем пойдут без всякого знания, то будут по ним стрелять ис пушек. И обо всем в будущем 779 году на судах в Охоцки со учеником Зайковым, а в Камчатку с передовщиком Сапожниковым репортами обстоятельно представить имею.

На подлинном надписано: штюрмански ученик

Герасим Измайлов, октября 14 дня 1778 года.

В Большеретски канцелярии получен апреля 20 числа 1779 года.

Экспликация

В сем рапорте показанной Зайков, штюрманской ученик мореход компании Тулского оружейника Орехова с товарищи на судне именуемом “Св. Владимире”. А Сапожников, суздальской крестьянин мореходом же и передовщиком компании бывшего камчатского купца Трапезникова с товарищи на судне, именуемом “Св. Евпле” (ЦГАДА. ф. 199, д. 150, ч. V, тетр. 21, л. 40, 40 об. Текст рапорта Г. Измайлова был воспроизведен в неопубликованной диссертационной работе О.М. Медушевской “Русские географические открытия в Тихом океане и в Северной Америке (50-е — начало 80-х годов XVIII в.)”. М., 1952. — *Прим. пер.*).

2. Выдержка из донесения командира Гижигинской крепости Т.И. Шмелёва. Из копии рапорта главного командира Камчатки премьер-майора Бема, переданной Г. Потемкиным в ноябре 1779 г. английскому послу в Петербурге Дж. Гаррису. Перевод с французского оригинала.

“...Старшины [les doiens], или харшины (Harchines) Кореты, а их имена Какип Иванов и Корека Техов, объявили, что в 1778 году 11 марта они вышли в страну Ишукойка [Чукотку], и пройдя много разных мест, прибыли к реке Тетшичевюм (Tetschitschevum). Переправившись через эту реку на бандарах байдарах, они дошли до страны Юлюси Амюлетови [ils atteignirent le pais d’Ulissi Amuletovi], где пробыли все лето. От пришедших сюда ишуктчей [чукчей] они узнали, что местность эта, для последних родная, называется Жаненей (Janeney) [Ягегеин], а по русски сие значит — каменный мыс, **[573]** обращенный к восточному морю. И сюда пришли два корабля, один о трех, другой о двух мачтах. Люди из них высаживались на гондолах и прогуливались по берегу, развлекаясь с ишуктчами, коим они подарили табак, ножи и порох. А ишуктчи давали им свою пищу, т.е. мясо морских коров и китов, каковую пищу пришельцы не жаловали, хоть китовье мясо отведали, а также ели они рыбу и лук, который растет на берегу, а ишуктчами обращались вежливо, но друг друга не понимали ни в чем. Затем названные корабли вошли под паруса и направились, обойдя мыс и минуя пролив, в Северное море к западному берегу острова Кюлючина [Колючин] и там пробыли малое время, после чего тем же проливом возвратились в Восточное море. Видели енова эти корабли и прежние и многие иныне ишуктчи, и было это в первые дни сентября. А означенные ишуктчи приняли их за русских по их одежде и разговору. А в какие места те корабли ушли и где они зимовать должны, о том Техев сказать не мог”

(Voyage.., 1967, 11, 1547—1548.

Географические указания этого рапорта поддаются расшифровке: Страна Жаненей — это острожек Ягегеин (современное селение Яндагай) у входа в залив Лаврентия (см. статью М.Б. Черненко "Путешествие по Чукотской земле и плавание на Аляску сотника Ивана Кобелева в 1779 и 1789—1791 гг.". — "Летопись Севера", 1957, № 2). Возможно, что река Тетшичевюм — это река Нерпичья (современный Кончалан), севернее реки Анадырь впадающая в Анадырский лиман. Именно этим путем шел весной 1779 г. из Гижиги к заливу Лаврентия сотник И. Кобелев, одна из целей путешествия которого заключалась в проверке сообщения о неизвестных кораблях, заходивших летом 1778 г. в чукотские воды.

Какип Иванов и Корека Техов — это коряцкие старшины, совершившие весной и летом 1778 г. поход из района Гижиги на Чукотку. Сведения, полученные ими в заливе Лаврентия от чукчей, они передали командиру Гижигинской крепости Т.И. Шмелеву. Последний доложил о появлении неведомых кораблей своему непосредственному начальнику — премьер-майору М. Бему, а рапорт Бема в переводе на французский язык Г. Потемкин вручил Дж. Гаррису. Этот документ попал затем в английские архивы и был опубликован Дж. Биглехолом в его издании материалов третьего плавания Кука. Не исключено, что при переводе рапорта на французский язык текст его был искажен: на это указывает весьма произвольная транскрипция коряцких имен и чукотских географических названий. — *Прим. пер.*).

3. Рапорт главного командира Камчатки премьер-майора Бема, приложенный к письму иркутского губернатора Ф. Н. Клички генерал-прокурору А. А. Вяземскому от 16 сентября 1779 г.

"...Апреля 18-го [по н/ст 29 апреля] числа того года прибыли в Камчатку в Петропавловскую гавань под командою капитан

командора Клерк два английский военные корабля, имянуемые: Резолюцией и Эскадра. 1-ый о 26 пушках, и на нем кроме вышеозначенного капитан командора протчих чинов находится 113 человек. 2-ой о 22 пушках, на нем командир капитан командор Ион Гор, протчих чинов 69 человек. По объявлению сих мореходцев, отправлены они были от английского короля на двух кораблях под командой капитан командора Кук из Лондона для отыскания из Южного в Северное море пролива, в коем вояже они находились 4 года, а 1778 года, следуя от Экватора, переехали американскую землю от острова де Ферро в ширине 44 в длине 253 градусов и шед подле оной до мыса Аляксы, а оттуда быв у Чукотского носа, в обоих тех местах от состоящих льдов более им простираться сделалось невозможно, оттуда возвращаясь сыскали **[574]** незнаемые до сих пор с дикими народами острова, на которых тот их главной командир Кук оными народами с 5-ю человеками убит, а по нем заступил к окончанию той экспедиции капитан командор Клерк; оттуда следуя, прибыли в Петропавловскую гавань для исправления своих кораблей, причем они просили о снабжении их по крайнему недостатку скотом и провиантом в чем они и довольствованы безденежно суммою на 2256 р. 97 коп. В бытность их тамо, обходились благосклонно и дружески, при отбытии их из Петропавловской гавани поедут к Северу изыскивать коммуникацию, и если найдут, то прямо в отечество свое простираться будут, буде же им по сему последнему рыску не удастся, то намерены возвратиться для зимования в Петропавловскую гавань и для того о заготовлении провианта и скота просят постараться. По случаю сумления о сих кораблях для прикрытия Петропавловской гавани от неприятельского нападения и надлежащею артиллериею вооружен” (ЦГАДА, Госархив, VII. д. 2529, ч. I, л. 19).

4. Реестр отпущенных из Камчатской Большерецкой канцелярии на английские корабли припасов и такелажа

Разного скота, полагая по посредственной цене на

каждую скотину по 40 р. .... 740 (?)

Провианта по 2 р. 20 к. пуд, 400 пуд 880

Сум сыромятных, пара по 88 к. 64 .... 28 16

Такелажей

Смолы пипу во флягах 20 пуд

Тиру во флягах же

Канатов в 5,5 дюймов 120 сажен

Тросов 3,5 дюйма 120 сажен

Прядева тонкого 20 п. 20 ф.

Игол парусных, больших и малых 100

Итого: 2256 97

(ЦГАДА, Госархив, VII, ч. I, д. 2529, л. 48. Казенные цены, положенные в основу расчета с англичанами, были значительно ниже рыночных (мука, например, стоила не 8 руб., как на рынке, а всего лишь 2 р. 20 к.). При этом англичане получили провиант и корабельный припас, не заплатив ни одной копейки (см. документ № 6). Инициатива этой дружеской акции принадлежала М. Бему. — *Прим. пер.*)

5. Письмо иркутского губернатора Ф. Н. Клички генерал-прокурору А.А. Вяземскому от 29 мая 1780 г. с изложением

рапорта капитана В.И. Шмелева о вторичном прибытии в Петропавловскую гавань английских кораблей.

“...Прошлого, 1779 года, августа 13 дня прибыли вторично два аглицкие корабля под предводительством капитана Гор, который до сего находился командиром на малом корабле, а находящийся в первое во оной гавани бытие главнокомандующий капитан Клерк во время следствия к Петропавловской гавани умре, коего место заступил Гор. По прибытии в гавань первое их упражнение было, что они мертвому телу бывшего их командира зделали церемониальное погребение; а потом обращались офицеры в стрелянии птиц, а служители при починке корабля и такелажа; также рубили дрова и варили до несколько бочек кедрового сланца на свое провизие, его уведомив, что имеют надобность в скоте, провианте и припасах, а особливо желают видеться с ним, Шмалёвым: зделав в **[575]** доставлении к ним оного надлежащее распоряжение, а потом, 11 сентября, приехал и сам в Петропавловскую гавань, где капитан Гор и капитан-лейтенант Кинг его просили, чтоб из казны нащет их короля снабдить их рогатым скотом, провиантом и судовыми припасами. Почему к ним отписано

Рогатого скота 18 по цене .... на 740

Провианта 400 пуд 900 16

Разных судовых припасов 601 86

Итого: 2256 97

Капитан Шмалёв в бытность его у них из любопытства спрашивал о их путешествии и намерениях, куда они еще следовать имеют; почему они и объявили, что по отбытии в июне месяце 1779 года из Петропавловской гавани или Авачинской губы к северу чрез разделяющий Азию от Америки пролив в Северное или Ледовитое море, а оттуда до

Англии, изыскивая прямые коммуникации, плавание имели таким образом: по приближении к тому проливу, оставили большой корабль Резолюцией пред проливом в Южном море, а на малом корабле Ескадра простирались к северу до 70,5 градов; но в сем месте быв снесены льдом, выходили на оный и ловили белых медведей и моржей. Стеснение льдом повредило у корабля верхнюю обшивку и притом от льда и студеного воздуха претерпели немалое изнурение и чрез весь июль месяц в опасности и отчаянии находились; а напоследок с великою нуждою. Едва освободясь, возвратились в Петропавловскую гавань для требования скота, провианта и припасов, также ради починки поврежденного корабля. А когда все то они исправят, то имеют намерение следовать на зюйд, и вопервых пристать на короткое время в Японии, а потом для взятия потребных припасов, а паче в порцие служителям вина [войти] в Китайский порт Кантон, где полагали пробыть два месяца, а оттуда следовать к Африке, чтоб там запасись к их путешествию всем нужным, ехати к своему месту, откуда отправились. Все оные бывшие с агличанами на немецком языке разговоры переводил ему ссыльный Квашнин, коего он по самой необходимости из Верхнекамчатского острога приказал отправить на то время в Петропавловскую гавань, который хоть сам по немецки не разговаривал, но со оного на российский язык ему не мало вспомошествовал; очень он, представя, извиняет себя той необходимостью, а притом доносит, что удовольствовав агличан, по требованию их названными припасами и из своей провизии чаем, сахаром и табаком, отбыл 19 сентября в Большерецк, а после того получил от них для пересылки в Россию конверт, который приложен при его рапорте” (ЦГАДА, Госархив, VII, ч. I, д. 2529, л. 63—65).

6. Письмо генерал-прокурора А.А. Вяземского иркутскому губернатору Ф.П. Кличке от 10 декабря 1779 г.

Государь мой, Франц Николаевич

По присланном от Вашего Превосходительства ко мне сентября 16-го сего года письме и приложенном при оном от капитана Шмалева, находящегося в Камчатке, рапорта, июля от 19 числа сего года, всеподданейше имел я щастие докладывать ее Императорскому Величеству и Ее Величество высочайше указать изволила следующее: 1. в сданной агличанам провиант, так и скот, принять на казеный щет, за платой же у партикулярных людей скот заплатить из казны по просимой ими цене, ибо оные издержки от пребывающего здесь аглинского министра возвращены в казну будут, 2. что принадлежит до описываемых капитаном Шмелевым недостатков по Камчатке, то Ее Величество, зная Вашего Превосходительства в службе ревность и усердие, надеяться изволит, что Вы в нужном и **[576]** возможном, оставя излишние требования, не оставите снабдить, что бы могла быть безопасность от могущих быть неприятельских поползновений...” (ЦГАДА, Госархив, VII, д. 2529, ч. I, л. 28)

7. Рапорт Дж. Кука в Адмиралтейство от 20 октября 1778 г., отправленный из Уналашки через Г. Измайлова (Voyage... II, 1967, 1530—1533).

Случайно встретившись с русскими, которые пообещали переправить этот рапорт в Петербург, я, учитывая к тому же и то обстоятельство, что на Камчатку заходить пока не намерен, пользуюсь случаем, чтобы изложить вашим лордствам краткую историю всего, что произошло в пути с той поры, когда мы покинули мыс Доброй Надежды.

Покинув мыс, я, следуя инструкциям ваших лордств, посетил остров, недавно открытый французами и расположенный между 48°40' и 50° S в долготе 69?° О. Этот остров изобилует хорошими гаванями и пресной водой, но на нем нет ни деревьев, ни кустарников, и вообще очень мало там какой бы

то ни было растительности. Пробыв пять дней у его берегов, я отправился дальше 30 декабря, побывал на Вандименовой Земле и 13 февраля 1777 г. достиг пролива Королевы Шарлотты в Новой Зеландии, каковой покинул 25-го числа, направившись к Таити. Но скоро нас в море застигли восточные ветры, и они длились так долго, что мы потеряли весь сезон, благоприятный для плавания в северном направлении, и по причине недостатка воды и корма для скота я вынужден был зайти на острова Дружбы и только в августе прибыл на Таити.

Я установил, что с того времени, когда я в 1774 г. в последний раз посетил этот остров, там дважды побывали испанцы из Кальяо. При первом своем посещении Таити испанцы оставили там четырех человек, каковые прожили на острове десять месяцев, но все они покинули Таити незадолго до моего прихода туда. Испанцы привезли с собой и оставили на острове коз, свиней и собак, а также барана, но они не завезли самок этих животных, так что те животные, коих я оставил на острове, окажутся весьма кстати. А оставил я быка, трех коров, барана, пять овец и кур четырех пород, а также жеребца и кобылу, которых я передал Омаи. На островах Дружбы я оставил быка и корову, жеребца, кобылу и несколько овец. Таким образом, я льщу себя надеждой, что выполнил пожелания короля и ваших лордств.

Я оставил Омаи на Хуахейне и 9 декабря покинул острова Общества, направившись на север. В широте 22° N и в долготе 200° O я натолкнулся на группу островов, населенную такими же людьми, какие обитают на Таити, и острова эти изобильны свиньями и кореньями. После короткой стоянки на этих островах я направился к берегам Америки и достиг их

7 марта нынешнего года, а 29 марта вошел в гавань, расположенную в широте 49?° N. В этом месте пополнил

запасы топлива и воды и сменил на “Резолюшн” бизань-мачту, топ фок-мачты и отремонтировал фок-мачту.

Я вышел в море 26 апреля и вскоре был застигнут сильным штормом, а поэтому вынужден был пройти большое расстояние, не видя берега.

В этот шторм на “Резолюшн” открылась течь, в силу чего я должен был зайти в бухту в широте 61° и в долготе 213° O. Спустя несколько дней я снова вышел в море и вскоре оказался у берегов, у коих рассчитывать приходилось каждый шаг, ибо сведений о них не было ни на старых, ни на новых картах. Доверяясь старым картам, мы часто вводили себя в заблуждение и испытывали трудности. Нет нужды говорить о многих препятствиях, которые приходилось преодолевать у неведомого берега до той поры, пока мы не прошли узкий пролив, отделяющий Азию от Америки, за коим берег Америки принимает NO направление. Я проследовал вдоль него, теша себя надеждой на то, что мне удастся преодолеть все препятствия, но 17 августа в широте 70°45' и в долготе 198° O нас остановила непроходимая масса льдов, и мы так далеко продвинулись между льдами **[577]** и берегом, перед тем как открыли эти льды, что не слишком желали прибиться к берегу.

Обнаружив, что пройти дальше вдоль берега нельзя, я попытался все же сделать это, но те же препятствия мне помешали и у азиатского берега, коего мы достигли 29 августа в широте 68°55' и в долготе 180?° O. Поскольку пней и снег — предвестники зимы — уже выпали, было решено, что настал сезон, неблагоприятный для дальнейших поисков прохода в любом из направлений. Поэтому я направился вдоль берега Азии на SO, прошел через упомянутый пролив и далее проследовал к американскому берегу, чтобы разъяснить некоторые сомнения и найти (попытки эти оказались напрасными) гавань, где можно было бы

пополнить запасы топлива и воды. Леса весьма мало в этих северных краях; только в одном месте он растет на берегу, но кое-где у побережья есть плавник, и мы его вылавливали, а затем прошли к тому месту, где ныне находимся, и здесь мы уже побывали раньше.

Отсюда я намерен пройти к Сандвичевым островам, то есть к тем островам, которые были открыты в широте 22° N. Пополнив там запасы, я намерен вернуться на Север через Камчатку и следующим летом предпринять еще одну, и последнюю, попытку отыскать Северный проход.

Лед, который не так-то легко преодолеть, по-видимому, не единственное препятствие на нашем пути. Берег обоих материков на большом расстоянии очень низкий, и даже посредине между двумя материками глубины весьма незначительны. Это, да и иные обстоятельства как бы доказывают, что в Ледовитом море имеется больше земли, чем нам о том пока известно, и там источник льда, а полярная часть океана отнюдь не представляет собой открытого моря.

Имеется еще одно обескураживающее обстоятельство, с которым сталкиваются мореплаватели, — отсутствие в этих северных морях гаваней, где бы корабль мог спастись ото льдов и устранить повреждения, каковые могут быть ему здесь нанесены.

С более подробными сведениями об американском береге прошу ознакомиться по прилагаемой карте, каковую я наспех переснял с оригинала, изготовленного в том же масштабе.

Я потому не намерен заходить в гавань Св. Петра и Св. Павла на Камчатке и там проводить зиму, что крайне для меня нежелательно стоять в бездействии шесть или восемь месяцев, когда осталась еще неисследованной столь

значительная часть Северного Тихого океана, в условиях когда состояние кораблей допускает дальнейшее плавание. Болезни мало затронули команды, цинги нет. Я имел несчастие потерять моего лекаря м-ра Андерсона, который скончался от чахотки два месяца назад, и еще одного человека, который утонул, и по той же причине погиб один человек у капитана Клерка, и это все наши утраты с того времени, когда мы покинули мыс Доброй Надежды. Провианта и корабельного припаса у нас на двенадцать месяцев, дольше без снабжения провиантом и корабельным припасом нам трудно будет пробыть в этих морях, но все время, которое у нас еще остается, мы используем для пополнения сведений в области географии и навигации.

Ваших милостей покорный слуга

Джемс Кук.

“Резолюшн”, на острове Уналашка у берега Америки в широте 53°55' N и долготе 192°30' O.

20 октября 1778 г.

Острова, открытые в этом плавании и не упомянутые в тексте рапорта:

Мангиа-нуи-наи-найва	21°57' S	201°53' O
Ваутьеу	20 01	201 45
Тубуаи	23 25	210 24

[579]

Все три острова обитаемы, на последнем хорошая якорная стоянка, на прочих ее нет.

Остров Рождества — широта 1°55', долгота 202°40' — низкий необитаемый остров с якорной стоянкой на W берегу. Много черепах, но нет пресной воды. Кроме того, посетили несколько неизвестных островов между 19 и 20° S, прилегающих к островам Дружбы.

КОЛЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ ДЖ. КУКА, ХРАНЯЩАЯСЯ В МУЗЕЕ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. ПЕТРА ПЕРВОГО

Эта коллекция была доставлена с Камчатки в Кунсткамеру Академии наук России в 1780 г. С течением времени коллекция дробилась, редела (в старых журналах учета и хранения Института этнографии АН СССР есть, например, указание, что образцы тапы из коллекции Дж. Кука вошли в другую коллекцию). В настоящее время она состоит из 38 предметов. 32 составляют старейшую коллекцию в Музее по Полинезии, 6 предметов — коллекцию по северо-западным индейцам Северной Америки.

Полинезийская коллекция в основном состоит из предметов культуры и быта гавайцев, открытых Дж. Куком во время этого последнего путешествия. Одну четвертую часть ее составляют предметы с островов Таити и Тонга. (ЦГАДА, Госархив, VII, д. 2529. ч. I, л. 28)

Гавайские острова

Рис. 1. Каменное тесло из черного базальта, четырехгранное, с прямым лезвием, полированное. Топорище деревянное, коричневого цвета, с прямой округлой рукоятью и выемкой для прикрепления к нему каменного тесла. Тесло привязано к топорищу плетеным шнуром из кокосовых волокон. Под шнур на черенок тесла для прочности крепления подложен

кусок белой грубой тапы (материя из луба). На конце рукояти просверлено сквозное отверстие для веревочной петли.

Общая длина тесла — 57 см. Длина рукояти — 54 см, диаметр рукояти — 3,4 см и 2,4 см. Длина и ширина выемки — 16 см и 4,5 см. Длина каменного тесла — 21,5 см, ширина — 5,2 см, толщина — 2,5 см.

Рис. 2. Деревянная колотушка (ие куку) для обработки тапы. Ударная часть колотушки округло-четырехгранная с многочисленными продольными желобками. Ручка прямая, округлая, тесаная. Сделана из тяжелого темно-коричневого дерева. Общая длина — 39 см. Длина ручки — 15 см, диаметр ручки — 3,2 см. Ширина ударной части — 5,2 см.

Рис. 3. Рыболовный крючок. Большой деревянный, круглый в сечении, с трехгранным костяным наконечником, врезанным в дерево и закрепленным растительными волокнами. К верхнему концу крючка прикреплена четырехгранная веревка — леска. Крючок коричневого цвета, полированный. Употреблялся для ловли акул и крупной рыбы. Длина крючка — 36 см, диаметр — 4,5 см. Длина наконечника — 6,5 см, ширина — 1,6 см. Длина веревки-лески — 125 см, толщина — 1 см.

Рис. 4. Рыболовный крючок. Черепаховый, шлифованный, с выступом для крепления лески. Длина крючка — 8 см, ширина — 4,6 см, толщина — 1,2 см. Длина шнурка лески — 57 см.

Рыболовный крючок. Такой же, как предыдущий, но тоньше. Острие крючка обломано. Длина крючка — 8,5 см, ширина — 4,7 см, толщина — 0,4 см. Длина веревки-лески — 57 см. **[581]**

Одежды гавайской знати, изготовленные из перьев, — ценнейшие экспонаты коллекций экспедиции Кука. В музеях мира сохранилось 45 гавайских мантий и 92 накидки. В

коллекции Кука в Ленинграде есть 5 таких накидок и 2 шлема.

Рис. 3. Накидка ахуула полукруглая, с фоном из красных перьев, каймой из желтых и серповидной фигурой на спине из черных перьев. Ворот и борта на оборотной стороне укреплены тесьмой, на лицевой украшены полоской из чередующихся черных, красных и желтых перьев. Длина накидки по борту — 23 см. Длина по середине — 50 см. Длина ворота — 40 см. Длина нижнего края — 182 см.

Рис. 6. Накидка ахуула полукруглая, с фоном из желтых, а узором из красных и черных перьев. Ворот и борта на лицевой стороне украшены полоской из чередующихся черных и желтых перьев, на оборотной стороне укреплены тесьмой. Длина ворота — 39 см. Длина нижнего края — 174 см. Длина по борту — 23 см. Длина по середине — 41 см.

Рис. 7. Накидка ахуула. Фон из красных перышек птицы *ииви,* а узор из желтых перышек птицы *оо* (Все перьевые гавайские изделия данной коллекции с мелкими красными перьями сделаны из перьев *ииви* — Vestiaria Coccinea; с мелкими желтыми — из перьев птицы *оо* — Acrulocercus nobilis. Мелкие черные перья на шлеме и узорах накидок — тоже из перьев птицы *оо*): кайма по низу накидки из треугольников и параллельно верхнему краю ряд из треугольников. Борта и верхний край накидки с оборотной стороны укреплены тесьмой. На углах есть веревочные петли и завязки. Длина верхнего края — 90 см. Длина нижнего — 198 см. Длина бортов — 40 см. Длина по середине накидки — 71 см.

Рис. 8. Накидка ахуула полукруглая, с фоном из красных перьев и каймой и узором на спине из желтых перьев. Ворот и борта украшены полоской из чередующихся черных, желтых и красных перьев. Длина ворота — 50 см. Длина

нижнего края — 180 см. Длина по борту — 30 см. Длина по середине — 42 см.

Рис. 9. Перьевая повязка. Полоса панданусовой циновки, покрытой с обеих сторон перьями. Края циновки обшиты плетеной тесьмой; на одном из углов сохранилась петля, на двух других и посередине видны остатки завязок. Очевидно, любая сторона предмета могла быть лицевой. Общая длина — 43 см, ширина — 14 см. Длина петли — 2 см. Подобные же повязки хранятся в Британском музее.

Рис. 10. Шлем махиоле. Покрыт мелкими черными перьями, вплетенными в густую нитяную сетку, натянутую на каркас шлема, сделанного из тонких прутиков. В узлах сетки закреплены перья: на гребне и на вырезах над ушами — желтые, а на всем шлеме — черные. Перьевой покров шлема поврежден. Общая высота шлема — 31 см, ширина — 17 см. Высота гребня — 8 см, ширина — 4 см.

Рис. 11. Шлем махиоле. Перьевой покров почти не сохранился. На плотном каркасе из расщепленных пальмовых листьев укреплены жгутики из луба, обмотанные растительными волокнами, закреплявшими перья. Жгутики уложены на шлеме в продольном направлении и скреплены между собой рядами ниток. Красные перья сохранились на правой стороне шлема, и наверху гребня — желтые. Высота шлема — 27 см, ширина — 16 см. Высота гребня — 6 см, ширина — 12 см.

Рис. 12. Накидка перьевая трапециевидной формы, покрыта крупными белыми перьями тропической птицы (Phaethon lepturus), с каймой по низу и бортам накидки из рыжеватых и черно-сизых перьев домашнего петуха. Перья вплетены в основу из нитяной сетки с крупными ячейками. К верхнему краю накидки пришита оборка из полосы циновки с наклеенными кусочкам кожицы птицы с кое-где

сохранившимися красными и желтыми **[584]** перьями. Борта и верхний край накидки укреплены шнуром. Длина верхнего края — 70 см, длина нижнего — 124 см, длина по середине — 44 см. Размер оборки — 78х10 см.

Гавайские перьевые опахала были знаками достоинства вождей.

Рис. 13. Опахало кахили. Большой пучок расщепленных черных хвостовых перьев фрегата, прикрепленных к деревянной палочке. Ручка опахала украшена костяными и черепаховыми кольцами. Палочка и ручка повреждены. Сохранилась только часть ручьи — три широких костяных кольца и три группы черепаховых тонких колец. Существующая длина опахала — 70 см. длина перьевого пучка — 50 см. ширина — 37 см. Существующая длина ручки — 15 см, диаметр ручки — 1,1 см.

Рис. 14. Веер. Тонкий деревянный каркас обтянут несколькими слоями тапы. Верхний слой покрыт розоватым составом, на котором сохранились красные и желтые перышки птиц *ииви и оо* вместе с кожицей. По краям веера прикреплены черные и рыжеватые перья петуха. Ручка веера сделана из полосатой тапы. Длина веера — 46 см, ширина — 22 см. Длина ручки — 14 см, ширина — 4 см.

Рис. 15. Материал для перьевых изделий. Пучок растительных волокон прикреплен к палочке. К свободным концам волокон привязаны маленькие пучки красных перышек. Сохранились лишь несколько пучков красных перьев и один пучок зеленых перьев. Общая длина — 27 см. Длина пучка перьев — 2 см.

Рис. 16. Танцевальный жезл. Деревянная заостренная палочка с прямой четырехгранной полированной ручкой, на ? своей длины обтянута шкуркой собачьего хвоста. Шкурка

закреплена на жезле небольшим пояском с красными и желтыми перьями. Белая шерсть хвоста и перья пояска со хранились плохо.

Длина жезла — 63 см, ширина — 1,1 см. Длина ручки — 19 см.

Рис. 17. Леи. Перьевое украшение знатных гавайских женщин, которое носили на голове (наподобие венка) или на шее. Круглый валик изготовлен из спрессованной полуобработанной тапы и покрыт жгутиками с закрепленными на них желтыми и красными перьями птиц *оо* и *ииви*. Группы жгутиков образуют широкие красные и желтые полосы, уложенные на валике спиралью. На концах валика завязки.

Общая длина леи — 76 см, диаметр — 5,5 см. Диаметр жгутиков с перьями — 5 мм.

Рис. 18. Леи. Валик из спрессованной тапы, покрыт желтоватой тапой, на котором обмоткой из растительных волокон укреплялись перья. Сохранилось всего несколько красных, черных и желтых перышек, не дающих уже представления о рисунке перьевого покрова лен. Общая длина леи — 65 см, диаметр — 3 см и на концах — 1,7 и 1 см.

Рис. 19. Циновка. Тонкая, светло-желтая, с коричневыми полосами на лицевой стороне. Узкие гладкие полосы перемежаются с широкими, с рисунком из ромбов, шахматной сетки и ломаных линий. Циновка состоит из шести сплетенных вместе частей. Длина циновки — 253 см, ширина — 210 см. Ширина коричневых полос — от 1 до 4 см.

Рис. 20. Браслет Купее хоокалакала. Состоит из 22 кабаньих клыков, скрепленных двумя рядами веревочек, продетых в просверленные в клыках отверстия. Концы веревочек служат завязками браслета. Высота браслета 8,5 см. Такие браслеты — самые древние гавайские браслеты из сохранившихся в

музеях мира. Их носили и мужчины во время исполнения танцев

Рис. 21. Оружие с зубами акулы. Небольшая деревянная лопаточка с лопастью, по краю которой закреплено 7 крупных зубов акулы. Зубы привязаны к лопасти нитками, продетыми через специальные отверстия. Материал — крепкое красновато-коричневое дерево, отполированное. Общая длина — 34 см. Длина лопасти — 8,5 см. Ширина лопасти — 4 см. Длина петли — 21 см. Размер зубов акулы — 2x2 см. **[588]**

Рис. 22. Кинжал пахооа. Деревянный, отшлифованный, круглый в сечении, с заостренными концами и веревочной петлей для подвешивания на руку. Петля закреплена в отверстии, просверленном ближе к притуплённому концу. Материал — светло-коричневое дерево. Общая длина — 49 см, диаметр — 1,8 см. Длина петли — 13 см.

Остров Таити

Рис. 23. Нагрудный щит военачальника таома. Легкий каркас из прутиков, покрыт на лицевой стороне сплетенной из кокосовых волокон тесьмой, на которой тремя рядами расположены мелкие зубы акулы, а между ними — сизо-черные петушиные перья. По краю щит украшен бахромой из белой собачьей шерсти, пучки которой привязаны к палочкам, укрепленным на оборотной стороне щита. Сверху на концах щита по три перламутровых диска в кольцах из прутиков. Ширина щита — 51 см, длина — 37,5 см. Длина бахромы из шерсти — 9 см.

Рис. 24. Нагрудный щит военачальника таома. Такой же, как предыдущий, но плохо сохранившийся. Общая ширина — 46 см, длина — 35 см.

Рис. 25. Перламутровый нагрудник аху-парау. Часть траурного наряда хева. Набор узких и очень тонких перламутровых пластинок, скрепленных друг с другом. Всего в нагруднике 1700 пластинок. Аху-парау прикреплялся к легкой деревянной дуге, находившейся на уровне плеч. Длина по середине — 19 см, по бокам — 34 см. Ширина нагрудника — 60 см. Длина перламутровых пластинок — 2—4 см, ширина — 2 мм, толщина — 1 мм.

Острова Тонга

Рис. 26. Сумка двойная, прямоугольная. Внутри густая сетка, связанная из светлых кокосовых бечевок; снаружи очень плотное плетение из кокосовых волокон черного и светло-коричневого цвета, образующих узор из треугольников, окантуренных белым раковинным бисером. На верхнем крае сумки, оплетенном тесьмой из кокосовых волокон, две веревочные ручки.

Длина сумки — 34 см, ширина — 43 см. Длина ручек — 13 см.

Рис. 27. Циновка легкая, ажурная, с рядами квадратных отверстий по всей ширине. С трех сторон есть треугольные фестоны. Служила одеждой. Длина — 88 см. Длина верхнего края — 152 см, длина нижнего — 177 см.

Рис. 28 и *рис. 33*. Плащ меховой и шерстяной прямоугольной формы. Сплетен из узких полосок меха выдры и белых шерстяных ниток (шерсть горной козы). Шерстяная сторона плаща украшена вышивкой коричневыми нитками — ряды прямоугольников и кайма по краям. Концы ниток вышивки прямоугольников свисают в виде длинных кистей. Вторая сторона меховая, коричневого цвета, с вышитой каймой на бортах, где, кроме того, есть бахрома из белых шерстяных ниток, а по нижнему краю — бахрома из концов полосок меха выдры. Ширина плаща — 146 см, длина — 96 см.

Рис. 29. Гребень. Такой же, как следующий (рис. 30), но короче и шире. Плетение из черных кокосовых волокон со стежками из светлых волокон.

Длина гребня — 11 см. Ширина вверху — 4,7 см, внизу — 7 см. Ширина полосы плетения — 4,8 см.

Рис. 30. Гребень. Ряд заостренных палочек (черешки пальмового листа), скрепленных плетением из кокосовых волокон. Длина гребня — 16,5 см. Ширина верхнего конца — 3,5 см, нижнего — 7,5 см. Ширина плетения — 3,5 см. **[594]**

Рис. 31. Головная скамейка. Узкая, цельная, на подковообразных ножках с плоскими кружками на концах. Материал — плотное коричневое дерево, полированное, коричневого цвета.

Длина — 52 см, высота — 17 см. Ширина по середине — 6 см, на концах — 9 см.

Северо-западное побережье Северной Америки

Рис. 32. Плащ шерстяной прямоугольной формы. Сплетен из белых в черных шерстяных ниток с мелким геометрическим узором. На лицевой стороне есть кисти из белых и черных ниток. По бортам и нижнему краю бахрома из белых ниток. На оборотной стороне негативный рисунок орнамента лицевой стороны. Длина плаща — 106 см, ширина — 164 см.

Рис. 33. — см. *рис. 28*.

Рис. 34. Предмет неизвестного назначения. Кость дугообразной формы — два сросшихся зуба ската-орляка. Выпуклая сторона мелкогребенчатая, покрыта дентином, с тупыми зубчиками. Оборотная сторона кости гладкая. Длина кости — 12 см. Ширина — 2 см. Толщина — 1,4 см.

Рис. 35. Плащ перьевой прямоугольной формы. Покрыт мелкими перьями бежевого цвета (Перья американской свияги — Anas Americana), с двумя перьевыми полосами белого цвета. Жгутики перьев закреплены на бечевках обмоткой из узких полосок расщепленного стержня пера и бечевками скреплены между собой в поперечном направлении. По верхнему краю пропущен трехгранный шнур; его концы образуют завязки. На нижнем крае ряды узелков от бечевок, связывающих жгутики. Ширина плаща — 178 см, длина — 120 см. Ширина белых полос — 10 см.

Следует отметить сходство техники крепления перьев на этом плаще и его структуры с таковой на гавайских шлемах типа махиоле и украшениях леи.